

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ



**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**



**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 4(26)

октябрь – декабрь

2019



Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала	10

Философия информационного общества

Уяснение сущности социальности – ключ к пониманию глобальных проблем современности <i>Т. И. Адуло (Республика Беларусь)</i>	12
Цифровая толпа и цифровой гедонизм: постбытийность информационного общества <i>А. Н. Фортунатов.</i>	44
Риски информационного общества: социально-философский анализ <i>А. Л. Крайнов.</i>	53
Самовнушение: интеграция сознательного и бессознательного в саморегуляции личности <i>И. В. Юрова</i>	62

Теория и история культуры

Становление советских польских клубов и Дома просвещения в Петрограде – Ленинграде (1918–1920-е гг.) <i>Т. М. Смирнова.</i>	69
--	----

Философия науки и образования

Личностные ориентиры образования в условиях современных коммуникаций <i>О. Л. Краева.</i>	88
«Эффективность» как категория оценки деятельности в научной сфере <i>М. С. Инкижекова.</i>	99

Из истории отечественной науки

Б. Р. Левин – выдающийся советский ученый и педагог. К 100-летию со дня рождения <i>В. И. Левин</i>	107
--	-----

Объявления

Восьмая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»	123
---	-----

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	127
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Editorial. Summary of the Issue.	10
Philosophy of Information Society	
Clarification of the Essence of Sociality Is the Key to Understanding the Global Problems of Modernity <i>T. I. Adulo (Republic of Belarus)</i>	12
Digital Crowd and Digital Hedonism: The Post-Existence of Information Society <i>A. N. Fortunatov.</i>	44
Risks of Information Society: Socio-Philosophical Analysis <i>A. L. Kraynov.</i>	53
Self-Hypnosis: the Integration of the Conscious and the Unconscious in the Self-Regulation of Personality <i>I. V. Yurova</i>	62
Theory and History of Culture	
The Formation of Soviet Polish Clubs and the House of Education in Petrograd – Leningrad (1918–1920s) <i>T. M. Smirnova.</i>	69
Philosophy of Science and Education	
Personal Orientation of Education with the Help of Modern Communications <i>O. L. Kraeva.</i>	88
“Efficiency” as a Category of Activity Evaluation in the Scientific Field <i>M. S. Inkizhekova.</i>	99
From the History of the Science of Our Country	
B. R. Levin – an Outstanding Soviet Scientist and Teacher. On the Centenary of the Birth <i>V. I. Levin.</i>	107
Announcements	
“Philosophy and Culture in Information Society”. International Conference	123
Article Presentation Rule	
Article Presentation Rules.	127

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), PhD по русской литературе, PhD по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – директор института философии и права Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, председатель Сибирского отделения Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – профессор кафедры философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

**Состав редакционной коллегии журнала
«Философия и гуманитарные науки
в информационном обществе»**

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.
Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.
Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Последний выпуск журнала за 2019 год открывает статья заведующего Центром социально-философских и антропологических исследований института философии Национальной академии наук Беларуси, доктора философских наук, профессора **Т. И. Адуло** **«Уяснение сущности социальности – ключ к пониманию глобальных проблем современности»**. В ней, в частности, показано, что понятие социальности начало формироваться в древнегреческой философии и к началу XXI века прошло долгий путь развития. В работе **«Цифровая толпа и цифровой гедонизм: постбытийность информационного общества»** доктор философских наук, профессор **А. Н. Фортунатов** рассматривает негативные последствия цифровизации для развития человеческой личности (отчуждение мысли от человека, цифровой гедонизм и т. п.) и делает вывод, что для преодоления тенденции к саморазрушению приобретает решающее значение идея труда как самоцели и высшей ценности. Кандидат философских наук, доцент **А. Л. Крайнов** в публикации **«Риски информационного общества: социально-философский анализ»** также подчеркивает опасность усиления зависимости человека от информационных технологий и в качестве путей нейтрализации этих негативных воздействий предлагает оздоровление организма путем рекреации в условиях дикой природы и во временном отказе от использования цифровых гаджетов и любой электронной аппаратуры. Рассматривая проблемы социализации современного человека и его взаимодействия с социальной средой, кандидат философских наук **И. В. Юрова** анализирует явление самовнушения как механизм саморегуляции и изменения познавательных установок, позволяющее, например, разрешать конфликты между установками (статья **«Самовнушение: интеграция сознательного и бессознательного в саморегуляции личности»**).

В разделе «Теория и история культуры» доктор исторических наук, профессор **Т. М. Смирнова** публикует работу **«Становление советских польских клубов и Дома просвещения в Петрограде – Ленинграде (1918–1920-е гг.)»**. В ней на обширных российских и польских архивных материалах прослеживается поучительная и для нашего времени история противоречивого взаимодействия национальной культуры, идеологических постулатов, социально-экономической реальности и политики в деятельности польских культурных организаций Петрограда – Ленинграда.

Раздел «Философия науки и образования». Доктор философских наук, профессор **О. Л. Краева** в статье **«Личностные ориентиры образования в условиях современных коммуникаций»** обращает внимание на трудности и негативные последствия развития современных коммуникаций для формирования личности и межличностного общения. Сделан вывод о необходимости создания системы социальных регуляторов и компенсаторных механизмов социализации, а также системы их мониторинга. В публикации доктора философских наук **М. С. Инкижековой** **«“Эффективность” как категория оценки деятельности в научной сфере»** рассмотрено современное

состояние наукометрического инструментария, используемого в российской науке, и подчеркивается необходимость совершенствования системы показателей ее эффективности.

Раздел «Из истории отечественной науки» представлен работой доктора технических наук, профессора **В. И. Левина «Б. Р. Левин – выдающийся советский ученый и педагог. К 100-летию со дня рождения»**. Автор продолжает цикл статей об ученых XX века и рассказывает о жизни и деятельности выдающегося российского радиотехника.

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 1:3+930.1

Уяснение сущности социальности – ключ к пониманию глобальных проблем современности*

Адуло Тадеуш Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий Центром социально-философских и антропологических исследований, Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.

Email: tadoul@mail.ru

220072 Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2,
тел.: +375-17-284-18-63.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Философская категория «социальность» является базовой для раскрытия сущности социума, человеческой истории и глобальных проблем современности. Именно поэтому она должна стать важнейшим объектом теоретического анализа для философов и ученых-гуманитариев в целом.

Результаты: Концепция социальности зародилась в философии Древней Греции. Так, Демокрит первым перенес проблему отношения между людьми с антропологического, индивидуального уровня на социальный. Аристотель заложил основы исследования социальности как инструмента постижения человеческой истории. Новый, гораздо более сложный тип социальности и более глубокие концепции, анализировавшие его, складываются в эпоху капитализма. Английские и французские материалисты XVII–XVIII веков, а также русские мыслители XIX века описали недостатки и конфликты социальной реальности своей эпохи, вскрыли многие ее противоречия. В то же время прорыв на более глубокий уровень понимания социальности был связан в XIX веке с формированием концепции исторического материализма. В XX веке по вопросам природы социального развернулась жесткая полемика между марксистским направлением в философии и фрейдизмом, экзистенциализмом, постпозитивизмом, структурализмом, постмодернизмом.

Выводы: Социальность – это система исторически складывающихся и постоянно воспроизводящих себя на новой ступени взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, определяющая типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса. Дальнейшее исследование явления социальности необходимо как для развития философской и исторической

* © Т. И. Адуло, 2019.

мысли вообще, так и для понимания современного белорусского общества, в частности.

Ключевые слова: социальность; общество; исторический процесс; социальные связи; социальные отношения; законы общественного развития; производство и воспроизводство общественной жизни.

Clarification of the Essence of Sociality Is the Key to Understanding the Global Problems of Modernity

Adulo Tadeusz Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for Socio-Philosophical and Anthropological Studies, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

Email: tadoul@mail.ru

Surganov st., 1, building 2, Minsk, 220072 Republic of Belarus,
tel.: + 375-17-284-18-63.

Abstract

Background: The philosophical category of “sociality” is the basis for revealing the essence of society, human history and the global problems of modernity. It should become, therefore, the most important object of theoretical analysis for philosophers and humanities scholars in general.

Results: The concept of sociality originated in the philosophy of ancient Greece. Democritus was the first to transfer the problem of the relationship between people from the anthropological, individual level to the social one. Aristotle laid the foundations of the study of sociality as a tool for understanding human history. A new, much more complex type of sociality and clearer concepts that analyzed it were formulated in the era of capitalism. English and French materialists of the 17th and 18th centuries, as well as Russian thinkers of the 19th century, described the shortcomings and conflicts of the social reality of their era, and revealed many of its contradictions. At the same time, a breakthrough to a deeper level of understanding of sociality was associated in the 19th century with the formation of the concept of historical materialism. In the 20th century, a strong polemic developed between the Marxist trend in philosophy and Freudianism, existentialism, post-positivism, structuralism, postmodernism on the nature of sociality.

Conclusion: Sociality is a system of historically evolving and constantly reproducing themselves at a new level interconnections and relationships between people in the process of their life activity. It determines the types and forms of society organization, as well as the nature and orientation of the historical process. Further research on the phenomenon of sociality is necessary both for the development of philosophical and historical thought in general, and for understanding modern Belarusian society, in particular.

Keywords: sociality; society; historical process; social connections; social relations; laws of social development; production and reproduction of public life.

Введение

В современной философской литературе не так часто используется категория «социальность», и к тому же она представлена, как правило, семантически размытой. Между тем, данная категория является одной из ключевых в философской науке. Начиная с античности, данная категория прошла длительный путь становления и развития, аккумулировав в своем содержании многовековой опыт философской рефлексии социального бытия. Поэтому без уяснения ее сущности и, тем более, без использования её в процессе мыслительной деятельности не представляется возможным уяснить ход человеческой истории, в том числе на её современном этапе.

Не уделяется должного внимания данной категории и в учебном курсе «Социальная философия». Да и сама дисциплина под названием «Социальная философия» требует своеобразного «переформатирования». До сих пор философы так и не разобрались с ее объектом и предметом, как и с ее методологическими основаниями и принципами. Все это негативно сказывается на ее когнитивном потенциале и имидже. Не способствует имиджу социальной философии также заложенная в учебные программы и учебники типология социально-философского знания в виде трех **равноценных**, не взаимодополняющих, а фактически взаимоисключающих моделей – рефлексивной, валюативной и постмодернистской [см.: 1, с. 253–255]. Социальная философия как «правопреемница» исторического материализма, казалось, должна была бы представлять собой предельно общую философскую теорию, раскрывающую сущность, движущие силы и направленность исторического процесса, т. е. выступать в качестве философии истории. Но предложенная типология, с одной стороны, нацеливает эту дисциплину на «научное познание», поиск ответов на проблемы, «совершенно необходимые для полноценного понимания социальности и антропной реальности», «доступные только философскому уму и недоступные нефилософской гуманитаристике, обществознанию в исторической науке» [1, с. 253], а с другой стороны, если исходить из валюативной трактовки социальной философии, её продуктом «являются не истинные **знания** о мире, а общезначимые **мнения** о нем» [1, с. 254]. Наконец, социальная философия предстает и как своеобразный тип мышления, превращающий «философию в некий синтез культурологии, искусствоведения и собственно искусства – искусства яркой и образной “мысли о смысле” с немалыми элементами интеллектуальной игры» [1, с. 256].

Что можно сказать по поводу предложенной типологии социальной философии и в особенности ее валюативного типа? Вполне понятно, что философское осмысление истории в качестве одного из компонентов способно включать и «общезначимые мнения» [1, с. 254], оно в состоянии также давать адекватную ценностную интерпретацию историческим событиям и т. п. Но, создавая подобную типологию «социального знания», мы тем самым делаем семантически размытым само это понятие. Об этом приходится говорить в силу того, что социальная философия в современном ее виде не только не выступает в качестве надежной философско-теоретической базы теоретического осмысления и прогнозирования социальных процессов, но и не выполняет свою

главную функцию – не выступает в качестве систематизатора и координатора социальных и гуманитарных наук в целом. Как-то исподволь на постсоветском пространстве пытается взять на себя эту ношу теоретическая социология.

В зарубежной философской и социологической мысли тоже нет единства: одни ратуют за создание теории, способной дать более или менее полное знание об общественных процессах, другие придерживаются прямо противоположной точки зрения, третьи занимают промежуточную позицию. «Я вовсе не хочу сказать, – отмечает известный английский социолог Э. Гидденс, – что освещение, понимание и объяснение реальных причин и фундаментальных свойств человеческого поведения лежит за рамками целевого назначения социальной теории. Я полагаю, что задача установления и обоснования всеобъемлющих правил и принципов – специально не говорю “законов” – является только одним из ее приоритетов» [2, с. 3].

Таким образом, требуется уточнение предмета и объекта исследования социальной философии. Но есть и другой вариант. Возможно, следовало бы создать и ввести в учебные программы вузов философскую дисциплину под названием «Философия истории» с понятным, исходя из самого названия, кругом вопросов и проблем, исследованием которых она должна была бы заниматься. Кстати, в номенклатуре специальностей Украины есть специальность «Социальная философия и философия истории», по которой ведется подготовка аспирантов и докторантов и осуществляется защита диссертаций.

Назревшая необходимость теоретического осмысления феномена социальности

Не так давно в своем выступлении на Втором съезде ученых Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко поставил перед гуманитариями задачу «научиться предвидеть актуальные проблемы и процессы развития общества, помогать государству находить адекватные ответы на новые вызовы современности» [3]. Но чтобы действительно предвидеть будущее общественных процессов, уловить их динамику, необходимо понять сам механизм функционирования общества. Осуществить это можно путем диалектического синтеза двух планов исследования социума – абстрактно-теоретического и конкретно-исторического.

Абстрактно-теоретический план предполагает разработку понятийно-категориального аппарата философии истории, вернее, создание *системы* понятий и категорий, которая позволяла бы на принятом в научном сообществе языке решать и излагать авторское видение той или иной проблемы общественного бытия, дискуссировать с оппонентами и т. д. Но категории, а тем более система категорий, не возникают сами по себе. Их необходимо создать. Это одна из приоритетных задач философской науки, поскольку категории выступают не только средством фиксации наших знаний об окружающем мире, включая и самого человека, но и важнейшим инструментом их углубления. При этом познающий субъект должен понимать, что абстрактно-теоретические схемы останутся лишь чистыми абстракциями, не

востребованными обществом, если они не будут привязаны к конкретно-историческому материалу, не будут на нем выстраиваться. В свое время Ф. Энгельс резко критиковал социалиста Е. Дюринга за использование им «старого излюбленного идеологического метода, называемого также априорным, согласно которому свойства какого-либо предмета познаются не путем обнаружения их в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия предмета» [4, с. 97]. В контексте сказанного к главным недостаткам разработок в области социальной теории, утвердившимся на постсоветском пространстве, можно отнести наблюдающуюся попытку реанимирования и адаптирования к современным социальным реалиям разнообразных абстрактных концепций и теорий прошлых эпох, начиная с так называемой идеи «осевого времени» К. Ясперса и заканчивая цивилизационным проектом славянофилов, а также заимствование и перенесение на национальную почву идей и концепций западноевропейских философов XX в. Впрочем, такого рода практика зародилась еще в советскую эпоху, когда в отечественной философии использовались отдельные идеи П. Сорокина, М. Вебера, Т. Куна и других исследователей, хотя в целом западноевропейская философская мысль подавалась в советской литературе в сугубо негативном ключе. Начиная с 1990-х годов, наоборот, практически вся западноевропейская философская мысль, как правило, оценивается исключительно в позитивном плане, воспринимается как «истина в последней инстанции», что не может не накладывать своеобразный негативный отпечаток на философию на постсоветском пространстве. Ведь не составляет секрета то, что не все социологические и политологические исследования на Западе отвечают критериям научности, и, кроме того, почти все они так или иначе связаны с социальными технологиями, а последние выступают в качестве инструмента проведения в жизнь интересов тех или иных государств и политических блоков. Для проектирования будущего нашего государства нужны отечественные теоретические разработки, выстроенные на национальной эмпирической базе (имеются в виду национальные экономические, социологические, политологические исследования). Это не означает отказа от наработок ученых из других государств. Но не следует переоценивать их научный уровень, не замечать их идеологической заостренности.

В системе понятийно-категориального аппарата философии, сформировавшейся на протяжении двух с половиной тысяч лет, насчитывается немало понятий с корнем «*социо*». Среди них такие фундаментальные, как «социум», «социальное бытие», «социальная реальность», «социальные отношения» и др. Но при этом не так часто встречалось понятие «социальность». Данное понятие как бы выпадало из поля зрения исследователей, а в советской философии оставалось не востребованным на протяжении многих десятилетий. Очевидно, как не заслуживающее научного интереса ученых-гуманитариев оно не нашло себе места ни в пятитомной «Философской энциклопедии» [см.: 5], ни в «Философском энциклопедическом словаре» [см.: 6], изданных в советскую эпоху, ни в четырехтомной «Новой философской энциклопедии» [см.: 7], вышедшей в России уже в 2000-е годы. В

советское время философы традиционно использовали понятия «общество», «общественное бытие», «социальная реальность».

Между тем еще в XIX в. В. И. Даль включил «социальность» в словарь и определил ее как «общественность, общежительность, гражданственность, взаимные отношения и обязанности гражданского быта, жизни» [8, с. 284]. В том же XIX в. социальность стала объектом изучения и практических экспериментов народников – как революционных, так и либеральных – попытавшихся изменить общественный строй России, с одной стороны, путем подталкивания крестьян к революционным акциям, что характерно для первых, с другой – путем просвещения или, лучше сказать, поучения власти и народа с целью их примирения через взаимные уступки.

В начале XXI в. ситуация изменилась, и понятие «социальность» постепенно стало вводиться в научный оборот. Это было связано с процессом активного распространения на постсоветском пространстве публикаций западноевропейских философов. В частности, на некоторых исследователей сильное влияние оказала работа французского мыслителя Ж. Бодрийяра «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» [см.: 9], впервые изданная на русском языке в 2000 г. В ней автор не только публично заявил о гибели социального, так и не раскрывшего свою тайну, как о свершившемся факте, но и высказал жесткий упрек в адрес разработчиков этой ошибочной, по его мнению, концепции. «Пусть, однако, ностальгии по социальности, – отмечал он, – предаются приверженцы удивительной по своей наивности социальной и социалистической мысли. Это они умудрились объявить универсальной и возвести в ранг идеала прозрачности столь неясную и противоречивую, более того, остаточную и воображаемую, и более того, упраздняемую своей собственной симуляцией “реальность”, какой является социальное» [9]. Как своеобразный отклик на эту книгу в России появился ряд печатных работ и даже успешно защищенных диссертаций [см., например: 10; 11]. Правда, в них речь шла не о социальности, а о «социальном».

Постепенно понятие «социальность» стало занимать более прочную позицию в постсоветской философской литературе [см.: 12; 13]. В «Философском энциклопедическом словаре» «социальность» определена как «способность или склонность к завязыванию связей с другими людьми, общительность» [14, с. 427]. В данном определении акцентировано внимание на активности субъекта. Однако здесь явно просматривается психологический, а не собственно философский подход к данному понятию. Имели место и философские его трактовки, но в них содержание феномена социальности четко не зафиксировано. Так, российский философ К. Х. Момджян трактует социальность как воспроизведенный обществом феномен. «Анализ социальной реальности как подсистемы окружающего и охватывающего нас мира, – отмечает он, – не исчерпывает всей проблематики социальной философии, которая видит в обществе необходимую организационную форму воспроизводства социальности» [15, с. 610]. Р. А. Золотовицкий представляет «социальность» в виде более широкого по своему объему понятия по сравнению с термином «социальная реальность». Он считает, что «социальная

реальность – одно из измерений социальности (курсив наш. – Т. А.), результирующее ее скрытые и явные тенденции и измерения, т. е. соединяющие в себе глубинные связи, логику данной реальности и явления, внешние атрибуты социальной жизни» [16].

Понятие «социальность» используют в своих работах известные российские философы В. Г. Федотова, Н. Н. Федотова и В. А. Колпаков. Одна из их научных статей озаглавлена «Меняющаяся социальность: будущее капитализма» [17]. И хотя в этой статье не дана дефиниция используемого понятия, тем не менее на основе ее содержания можно сделать вывод о том, что под «социальностью» авторы понимают социум во всем его многообразии и динамике – это и виртуальная реальность, и интернет-сообщества, и социальные сети, причем «меняющаяся социальность связана с формами изменения материальной жизни» [17].

Из имеющихся публикаций следует выделить монографическое исследование российского философа В. Е. Кемеров «Общество, социальность, политсубъектность», в котором категория «социальность» заняла, пожалуй, центральное место. Более того, многие свои теоретические наработки прежних лет автор попытался переосмыслить в контексте «социального». В. Е. Кемеров так же, как в свое время Ю. И. Семенов, считает нужным конкретизировать понятие «общество» ввиду того, что «одним и тем же словом мы называем разные социальные системы, по количественным и качественным параметрам заметно отличающиеся друг от друга» [12, с. 3]. Прежде всего он предпринял попытку дистанцировать друг от друга общество и социальность путем выведения «на первый план *динамики* социального бытия» и «наполнением этой динамики субъектным, человеческим, индивидуальным содержанием» [12, с. 5]. При этом понятия «социальность» и «социальное» выступают у него как синонимы.

В отличие от других авторов, В. Е. Кемеров представил социальность в развернутом плане – наряду с понятием «социальность» он использует понятия «типы социальности», «форма социальности», «структура социальности», «отчужденные структуры социальности», «связи социальности», «воспроизводство социальности» и др.

Понятие, иначе говоря, категория «социальность», на наш взгляд, является одним из ключевых в области социально-философской науки, и без уяснения его содержания, а тем более без понимания его сущности, без его использования в процессе мыслительной деятельности не представляется возможным уяснить ход человеческой истории, в том числе динамику современного ее этапа, включая его антропологическую составляющую. Исходя из когнитивной значимости, данное понятие следует отнести к базовым понятиям (категориям) философии истории.

Анализ социальности можно выстраивать в двух аспектах – онтологическом и гносеологическом. В первом случае она представляется в виде «процессуального», активного социума – как система исторически складывающихся и воспроизводящих себя взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, которая определяет типы и

формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса. Во втором случае социальность понимается в виде сформированных в результате осмысления самих общественных процессов разнообразных систем идей.

С позиции философии истории важно уяснить и сам ход человеческой истории, и способы ее воспроизведения (отражения) в мышлении человека. При этом возможны такие варианты взаимоотношения идей и самих общественных процессов:

а) теоретическая мысль не улавливает динамику современного общества, живет прошлым, то есть отражает лишь то, что происходило когда-то, в результате общество идет наугад, путем проб и ошибок, его ход не поддерживается теоретической мыслью;

б) теоретическая мысль забегает вперед – создаются социальные проекты, не имеющие устойчивых онтологических оснований (наподобие утопических теорий Платона, Т. Кампанеллы, Т. Мора, Н. Ф. Федорова); такого рода утопии малопродуктивны – ими человечество не может руководствоваться;

в) философская теория выстраивается на базе исследования социальной реальности с учетом ее динамики и преходящего характера тех или иных ее свойств, выявляя возможные сценарии развития существующих в обществе социальных противоречий и предлагая конкретные способы их разрешения. В этом случае мы имеем диалектический синтез – мысль адекватно отражает реальную общественную ситуацию и проецирует вектор потенциальных возможностей (вариантов) общественных процессов как в отдельных странах, регионах, так и в мире в целом. Ведь нельзя выстраивать программу развития отдельного государства, не уловив и не спрогнозировав развития мирового сообщества хотя бы на ближайшую перспективу. Так же, как нельзя проецировать будущее состояние мирового сообщества, не зная сценариев развития отдельных государств.

Исторические этапы осмысления социальности

Попытаемся прояснить вопрос о том, какая из существующих в настоящее время научных дисциплин должна заниматься исследованием социальности. Казалось бы, ответ очевиден. Уже само понятие «социальность» указывает на то, что этот феномен должны исследовать социальные науки. Однако общество с древнейших эпох было объектом исследования философии. В рамках философии еще в XIX в. сформировалась дисциплина под названием «философия истории». В настоящее время существует дисциплина «социальная философия», объектом исследования которой тоже является общество. Но философия, в том числе и социальная философия, отнесена к гуманитарным наукам. И, как отмечает В. Е. Кемеров, в отличие от социальных наук, которые «четко противопоставлялись повседневному сознанию как специфическая область теорий, понятий и концепций, “возвышающихся” над непосредственным отображением людьми их обыденной жизни... гуманитарное познание в значительно большей степени считалось со схемами повседневного человеческого опыта, опиралось на них» [12, с. 88]. Но если

исходить из этого умозаключения, то философия не только не в состоянии постичь сущность социальности, но даже не имеет права претендовать на ее исследование. И в таком случае надо либо упразднить специальность «социальная философия» как научную дисциплину, объектом исследования которой является социум, либо отнести ее к социальным наукам. В самом деле, могут ли претендовать на изучение социальности несоциальные науки? Не разделяя взглядов тех исследователей, которые отнесли философию к гуманитарным наукам, понизив тем самым ее когнитивную значимость и статус, выскажу точку зрения, согласно которой именно философия выступает в качестве главного инструмента постижения социальности, и именно силу и логику философского мышления необходимо направить на раскрытие ее сущности. Этой трудоемкой работой философы занимаются уже две с половиной тысячи лет.

Социальность как объективное явление, как *объективный процесс формирования и развития социума* значительно опережало теоретическое осмысление этого процесса. Лишь после того, как человек преодолел стадию дикости, появилась возможность теоретически воспроизводить эмпирический путь формирования социальности. И теоретическое осмысление этого процесса длилось на протяжении многих веков. Впрочем, будем надеяться, продолжится и в будущем.

Какие исторические «мыслительные ступеньки» (узлы) можно выделить на этом пути? Начнем с *античного этапа*. Ведь постижение сущности социальности, если говорить о европейской философской традиции, начали именно античные философы. Отделив себя от природы, вернее, осознав себя как что-то иное по сравнению с природой, древний человек – естественно, не раб, а свободный гражданин, имевший возможность заниматься умственным трудом – пытается осмыслить это иное. Таким образом, у него постепенно формируются представления о самом себе и окружающих его людях, то есть складывается круг вопросов, которые можно отнести к проблеме социальности. Первоначально древний «мыслитель» не улавливал сущности связей и взаимоотношений между собою и другими подобными ему особями, не пытался выяснить их причины и уж тем более онтологические основания этих отношений. Тем не менее он уже начинал осознавать то, что между людьми устанавливаются не подвластные ему, не поддающиеся его прямому контролю какого-то рода взаимосвязи, взаимоотношения. Индивид их представлял как какой-то рок, как закон. Эту идею попытались осмыслить и на теоретическом (философском) уровне изложить в своих работах первые древнегреческие философы. Уровень их размышлений был ограниченным, как и сам используемый понятийно-категориальный аппарат. Но, несмотря на упрощенную трактовку проблемы, они все же поднимались над чувственным восприятием окружающего мира и пытались, насколько позволяла им та историческая эпоха, представить его с позиции абстрактного мышления, используя для этого идеальные конструкции – понятия. Гераклит в своих работах использует понятие «логос» (греч. λόγος – речь, слово, высказывание, понятие, основание, мера), трактуя его как «разумный принцип, управляющий

миром» [18, с. 445]. Другой греческий философ, Эпихарм, говорит о том, что логос правит (κυβερνάει) людьми и спасает их, но расчет (λογισμός) человека происходит от божьего логоса [см.: 18, с. 446].

Более высокая ступенька осмысления социальности связана с именами Демокрита и Эпикура. У Демокрита – впрочем, как и у Эпикура – она обрела вид этического учения, в котором рассматриваются такие важные проблемы, как добро и зло, счастье и несчастье, справедливость и несправедливость и др., а также цель человеческого существования и конкретные способы ее достижения. Таковую он видит в хорошем расположении и спокойствии духа, свободном от страха состоянии души, а достигается это путем заботы только об «умеренном приобретении материальных средств» путем утверждения правоты и многосторонней мудрости, при условии, «если делать свои удовольствия не зависящими от преходящих вещей» [19, с. 155].

Главная заслуга Демокрита видится в том, что проблему взаимоотношения между людьми он первым из древних греков перенес с антропологического уровня на социальный. Несомненный интерес даже в наши дни вызывают рассуждения древнегреческого философа о путях гармонизации интересов различных групп людей в государстве [см.: 19, с. 167–168]. Демокрит был противником гражданской войны, считал ее бедствием «для той и другой враждующей стороны. Ибо и для победителей и для побежденных она одинаково губельна» [19, с. 168]. Одним из действенных инструментов согласия в обществе философ называл «взаимное сочувствие». Понятно, что все эти меры по консолидации общества не касались рабов. Среди рабов как бы и не существовало социальных связей и отношений, поскольку они были для Демокрита, как и для других представителей рабовладельческого класса с их типовым мышлением той эпохи, всего лишь механическими орудиями труда, не более. Не утруждал себя философ и выяснением причин существования неимущих. Деление граждан на имущих и неимущих понималось им как естественное состояние общества, как данность. Впрочем, и сама бедность не такое уж зло. Главное, чтобы в государстве торжествовала демократия. «Бедность в демократии, – полагал Демокрит, – настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства» [19, с. 168].

Но еще в большей степени этическую окраску обрел феномен социальности у Эпикура. Как отмечал В. Ф. Асмус, «Эпикур характерен для эпохи, когда философия начинает интересоваться не столько миром, сколько судьбой в нем человека, не столько загадками космоса, сколько попыткой указать, каким образом в противоречиях и бурях жизни человек может обрести столь нужное ему и столь желанное им успокоение, безмятежность, невозмутимость и бесстрашие» [20, с. 424]. Рассуждая о судьбе человека, древнегреческий философ ставил вопрос о договорных отношениях в обществе. «Справедливость, происходящая от природы, – указывает он, – есть договор о полезном – с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда» [19, с. 217].

Платон продолжил рассмотрение проблемы взаимосвязи и взаимоотношения людей в этическом аспекте в процессе разработки модели

идеального государства. Основной принцип такого государства – справедливость [см.: 21, с. 326]. В целом же социальная модель Платона была абстрактной, оторванной от социального бытия древних греков, то есть лишена прочного онтологического основания.

Иным путем шел Аристотель, именно он дал более полную картину социальных связей и отношений в древнегреческом обществе, заложил фундаментальные философские основы исследования социальности как инструмента постижения человеческой истории.

Прежде всего, ученик Платона представил человека как политическое существо, обосновал теорию естественного происхождения государства, описал вместе со своими учениками конституционное устройство 158 государств, обосновал критерии оценки государственного устройства (государственного строя) или «порядка государственного управления» с точки зрения его эффективности и на основании этого выделил три правильных (царская власть, аристократия, полиция) и три отклоняющихся от них вида государственного устройства (тирания, олигархия, демократия) [см.: 22, с. 488], определил, какой из выделенных им видов для кого приемлем [см.: 22, с. 510–525]. Правда, в ходе осмысления исторического процесса Аристотель не предложил новой модели государства (выделенные им различные виды государственного устройства в качестве правильных и неправильных не следует принимать в расчет, так как это всего лишь оценка уже существующих форм «человеческого общения»). Более того, его вполне устраивала существующая рабовладельческая система, а поэтому он оправдывал и защищал наличные общественные устои – частную собственность, рабство и т. п. – как разумные. «Властвование и подчинение, – отмечал философ, – не только необходимы, но и полезны» [22, с. 382]. Но, в отличие от Платона, Аристотель попытался разобраться по существу в государстве как таковом как социальном институте. В своих трудах он исследовал важнейшие социально-политические вопросы – природу и сущность государства, власть (господство и подчинение), сословную структуру общества, качественную характеристику человека как субъекта политического, организацию семьи, собственность и «искусство наживать состояние», военное искусство, домохозяйство, обмен и торговлю. Таким образом, детально выясняя «внутренние пружины» государственного механизма – его социально-экономические основания, необходимые условия его устойчивости – Аристотель в итоге подошел к анализу проблемы социальности как таковой и фактически заложил основы философии истории.

Подводя итог античному периоду осмысления социальности, отметим следующее. Хронологически философское осмысление социальности начинается лишь тогда, когда у исследователя имеется для этого сформированная система понятий и категорий, а также солидная база эмпирического (в первую очередь исторического) материала, которые позволяют ему воспроизвести в мышлении логику развития социума и спроецировать его будущее. В таком случае, кого из античных философов мы можем взять за точку отсчета? Прежде всего, возникает соблазн в качестве отправного пункта философского исследования социальности взять Платона.

Ведь не кто иной, как Платон, первым из древнегреческих философов предложил модель идеального государства. Однако его модель не выстраивается на *системе* понятийно-категориального аппарата философии, которой в его эпоху еще не было, которая будет разработана позже его учеником Аристотелем. И, кроме того, Платон не смог осмыслить на философском уровне наличную социальность, то есть социальность его эпохи. Как отмечалось выше, эту задачу решил вместе со своими учениками Аристотель, насколько позволили им это сделать обстоятельства. Поэтому за точку отсчета исторического процесса *философского* осмысления социальности как своеобразного сложного феномена следует принять творчество Аристотеля. Именно он создал *систему* философских категорий и, используя их, описал механизм функционирования общества и основных его институтов – семьи, государства, различных сплоченных социальных слоев (или, по терминологии П. Сорокина, социальных страт), предложил сценарий поступательного развития общества, исключавший возможность социальных потрясений.

В дальнейшем в качестве узловых точек теоретического осмысления социальности можно выделить разработки Августина Блаженного (как антипода Аристотеля, Демокрита и Эпикура, поскольку главным объектом его интересов являлся не этот земной, не обустроенный, грешный град, а град Божий как образец мироустройства); Т. Гоббса и Д. Локка, разработавших договорную теорию происхождения государства и обосновавших с ее помощью законное право формирующейся буржуазии – нового социального класса – на политическую власть; Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера и других французских просветителей, показавших неразумность и несправедливость существующего общественного строя и потребовавших его изменения в гуманистическом направлении, взбудораживших общественное мнение и подтолкнувших массы к решительным действиям против отжившего феодально-дворянского строя; А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна, которые дали развернутую картину и убедительную критику буржуазного строя, обосновали его преходящий характер и предложили соотечественникам иную, более гуманную модель общественного строя, оказавшуюся, к сожалению, лишь утопической, поскольку она не предлагала конкретного механизма преобразования общества; затем теоретическое наследие французских историков О. Тьерри и Ф. Гизо, сумевших дать описание существующих, начиная с эпохи средневековья, социальных сословий и доказать наличие классов и классовой борьбы в обществе; исследования П.-Ж. Прудона, А. Руге и других социалистов, вскрывших ограниченность и эксплуататорскую сущность капитализма, базирующегося на частной собственности и наемном труде; разработки И. Канта, касающиеся всеобщего мира, и неокантианцев В. Виндельбанда и Г. Риккерта с их жестким противопоставлением наук о природе и наук об обществе, а также их методов – номотетического и идиографического; труды Г. В. Ф. Гегеля, доказывающие преходящий характер любой существующей формы политического устройства и в то же время обосновывающие «разумность» прусской системы, а также И. Фихте, пытавшегося практически воздействовать на социальность – упрочить

общественное сознание и консолидировать немецкую нацию в час наполеоновской агрессии; наконец, принципиально новое учение К. Маркса и Ф. Энгельса, суть которого сводилась к материалистической трактовке истории и обоснованию конкретных путей построения такого общества, которое исключало бы любые формы эксплуатации человека человеком.

В научном плане особый интерес представляет *трансформация социальности в Западной Европе в эпоху нового времени и ее философская рефлексия*. Эпоха Нового времени – чрезвычайно важный, насыщенный противоречиями и коллизиями исторический этап, характеризующийся мощной динамикой, охватившей экономическую, политическую и духовную сферы западноевропейского общества. Наряду с этим в указанный исторический период формировались мораль и правовая база нового общества, которые определяли поведение различных социальных общностей и каждого индивидуума. Трансформация социальности нашла отражение в философской мысли той эпохи. Философы не только теоретически осмысливали социальные процессы, но и предлагали идеи, направленные на гармонизацию общественных устоев, проецировали перспективы европейских государств и тем самым предвосхитили в своих исследованиях дальнейшую поступь человеческой истории. Отдельные идеи, выдвинутые английскими философами, созвучны нашей эпохе, и их гуманистический потенциал целесообразно было бы использовать в процессе трансформации общественных устоев мирового сообщества.

Капиталистическая эпоха – важнейший отрезок человеческой истории. Если за отправную точку принять этап первоначального накопления капитала (конец XV–XVIII в.), то она уже на протяжении пяти веков определяет облик нашей планеты. После развала СССР капитализм стал доминирующей общественной системой в мире. Страны из бывшего социалистического лагеря сейчас активно вписываются, правда, каждая по-своему, в глобальную капиталистическую систему. Даже Китай, экономическую политику которого определяет коммунистическая партия, на самом деле отошел от реализации коммунистического проекта и тоже вписался в систему глобального капитализма на выгодных для себя условиях, в отличие от России, до сих пор так и не воспринятой лидерами глобальной капиталистической системы в качестве ее равноправного члена.

Глобальный капитализм, определяющий современный мировой процесс, не обойден вниманием исследователей. Тем не менее, на наш взгляд, в работах современных философов незаслуженно мало внимания уделяется историческому этапу формирования и утверждения капитализма – вернее, этапу формирования нового типа социальности. Названный исторический этап интересен в наше время в том плане, что его спустя много веков фактически воспроизводят постсоветские государства, правда, на новой технологической основе и в совершенно иных исторических условиях.

Одной из первых преодолела этот непростой этап общественного развития Англия. Наиболее значимые события, связанные с утверждением капитализма в данной стране, выпали на XVII в. Что представляла собой социальность в

Англии в первой половине XVII в., то есть система общественных отношений той исторической эпохи, каковы были ее субъекты? Картина выглядит так. В качестве главного субъекта социальности выступали дворяне, интересы которых отстаивал король. Новым, формирующимся субъектом социальности предстала буржуазия. Не видя защиты своих интересов со стороны короля, она вынуждена была энергично их лоббировать через парламент. Парламент в конечном счете встал на защиту формирующегося нового, более прогрессивного социального класса и оказался в оппозиции по отношению к дворянам и королю. Таким образом, верхний пласт социальности в Англии первой половины XVII в. представлен специфическим феноменом, вернее, специфическим продуктом в виде результирующей противостояния дворянства и формирующейся буржуазии.

Верхний пласт социальности не был устойчивым – противостояние между отживающим дворянством и формирующейся буржуазией то усиливалось, то ослабевало. Победителя в этом ставшем уже хроническим сражении двух противоборствующих политических субъектов могло и не быть, если бы к нему не подключились низы, то есть массы. Именно они определили исход борьбы между парламентом и королем. Пойдя за парламентом, в угоду, а не вопреки логике человеческой истории, они обеспечили буржуазии победу. Король Карл I был отстранен от власти и в 1649 г. казнен по приговору Верховного трибунала.

Но общество не стало стабильным (по современной терминологии, устойчивым). Оно и не могло быть таковым, поскольку каждый из союзников по борьбе с королем – верхи и низы – руководствовался собственными интересами, стремился реализовать собственную цель. Буржуазия свергала короля и завоевывала власть для своего господства над низами. Низы же свергали короля для ликвидации чьего бы то ни было господства над собою. Они не желали подчиняться не только диктату короля, но и схожему с ним диктату дворян и церкви. Крестьяне боролись за землю, ремесленники – за свободный труд, исключая эксплуатацию человека человеком. И если буржуазия ориентировалась на утверждение рыночных отношений, то есть капитализма, то низы интуитивно ориентировались отнюдь не на капитализм с его системой эксплуатации наемного труда, как оказалось в дальнейшем, не менее жестокой, чем в эпоху феодального общества, а на иной общественный строй, обеспечивающий им благополучие.

Республика, просуществовавшая с 1649 по 1653 г., отразила политическую ситуацию в стране – относительное согласие, не исключавшее, безусловно, внутренних противоречий между двумя обретшими силу и уверенность победителями субъектами – новыми верхами и низами. Согласие оказалось временным и непродолжительным. Буржуазия не желала делиться властью с низами – одержанную победу над королем она решила использовать сугубо в интересах своего класса, а не низов. Более того, напуганная мощным протестным движением низов, для обеспечения своего господства она вознамерилась опереться на имевший глубокую традицию институт королевской власти. В результате буржуазия восстанавливает только что

свергнутую монархию Стюартов: королевский трон занимает Карл II – сын Карла I, который правит страной с 1660 по 1685 г. Но власть Карла II была ограничена парламентом еще большей степени, нежели власть Карла I.

Могла ли Англия пойти другим путем? Несомненно, могла. Определенные изменения в ее историческом развитии могли иметь место, если бы не была восстановлена династия Стюартов, то есть не совершена своего рода контрреволюция. Но, так или иначе, Англия неизбежно вынуждена была бы пройти путь капитализма. В XVII в., особенно если брать его первую половину, когда, собственно, и свершилась революция, даже в случае победы низов страна не могла вступить на путь коммунистического развития, базирующегося на общественной собственности на средства производства. Во-первых, не было для этого социально-экономической базы, и, во-вторых, не было сформированного, обладающего самосознанием и социальной теорией класса, способного реализовать коммунистический проект. Радикальные движения – активные субъекты революции и гражданской войны – в лице «уравнителей», и в особенности «копателей», руководствовались идеями *утопического* коммунизма, не более того. Даже если бы не буржуазия, а низы в результате революции получили в свою собственность землю, в итоге они сформировали бы схожую общественно-политическую систему, фактически тот же капитализм. Безусловно, в таком случае путь капиталистического развития страны оказался бы не столь болезненным для граждан, но в то же время и не столь стремительным.

В данном случае весьма схематично представлена картина общественных процессов в Англии в XVII в., которые совершались объективно, хотя в них принимало участие огромное количество людей. Лишь очень немногие из них поступали осознанно, большинство же руководствовались интуицией, действовали стихийно. Уровень самосознания был довольно низким. Отчасти это и послужило одной из причин реставрации династии Стюартов.

Как же философы воспринимали происходящие общественные процессы, то есть формирующуюся новую социальность, насколько адекватно они ее теоретически осмысливали и как они представляли будущее Англии и ее граждан?

Крупнейший английский мыслитель XVII в. Томас Гоббс (1588–1679) не был лишь созерцателем происходящего. Как философ он, во-первых, предвосхитил события, во-вторых – дал им свою оценку и, кроме того, наметил перспективы общественного развития. Низы не в состоянии были на философско-теоретическом уровне осмысливать социальные процессы. Об этом писал Ф. Энгельс, досконально изучивший положение рабочего класса в Англии. По его заключению, в ту историческую эпоху даже рабочие «в моральном и интеллектуальном отношении стояли на уровне крестьян» [23, с. 244].

Т. Гоббс прежде всего признает значимость философии как надежного инструмента познания сущности социальных процессов. Правда, он отмечает ограниченность имеющихся философских учений, считает, что «все написанное до сих пор философами, трактующими вопросы морали, не принесло ни

малейшей пользы для познания истины; они предпочитали не просвещать умы, а подтверждать изящной и приятной для слуха речью ни на чем не основанные предположения» [24, с. 273].

В своем фундаментальном исследовании «Основ философии» философ выступает против религиозно-теоцентрического мировоззрения, характерного для эпохи Средневековья, и действительно отдает дань уважения общественно-государственному основанию социальности. И все же, согласно Т. Гоббсу, «в человеческом общежитии индивидуальное и частное – это нечто первичное, а общественно-государственное – вторичное и производное» [25, с. 46]. В целом, защищая частную собственность, английский философ шел не вопреки логике, а в русле логики исторического процесса, то есть в русле утверждения более прогрессивного общественного строя – капитализма. Однако Т. Гоббс все же был тесно связан с классом дворянства, что не могло не отразиться на его мировоззрении. Он был решительным противником гражданских войн, а тем более революции [см.: 24, с. 277].

Философ был сторонником сильного государства. Б. Э. Быховский считал, что «возвеличение им (Т. Гоббсом. – Т. А.) мощного государства было одной из первых теорий буржуазной диктатуры, основную задачу которой Гоббс усматривал в прекращении гражданской войны» [26, с. 119]. Т. Гоббс рассматривал государство как орудие для обеспечения всеобщего мира и ограждения безопасности граждан. Несомненно, английский мыслитель был сторонником сильного государства в виде монархии, но государства во имя *блага народа*, поскольку естественное состояние общества, то есть догосударственная его форма, есть не что иное, как «война всех против всех».

В дальнейшем защитниками буржуазного государства – важнейшего социального института – являлись Д. Локк, Г. В. Ф. Гегель и другие европейские философы. Правда, природу государства они понимали по-разному. Если Т. Гоббс одним из первых попытался обосновать *естественное* происхождение государства, выстраивал его на фундаменте объективно складывающихся социальных взаимосвязей и взаимоотношений, то Гегель, напротив, исходил в этом вопросе из *онтологизированного человеческого духа*.

Социально-философскую проблематику применительно к буржуазному обществу весьма активно развивал известный английский мыслитель XVII в. Джон Локк (1632–1704), хотя главной темой его изысканий все же была гносеология. В отличие от Т. Гоббса, органично привязанного к классу старого, отживающего дворянства, Д. Локк более последовательно выражал интересы нового класса – буржуазии, считавшей нужным ограничить власть государства, передать ему лишь некоторую часть «естественных прав» народа, скажем, функции правосудия, внешних связей и др. При этом государство должно быть поставлено на службу буржуазии – обязано защищать собственность, свободу слова и т. д.

Собственность – основа и необходимое условие существования общества. Ее наличие обосновывается Д. Локком не «захватом» кем-то общего, а деятельностью, *личным трудом* человека. И это принципиальное отличие его позиции от взглядов своего предшественника, который не преодолел еще

мировидения дворянина и выступал в этом вопросе как представитель дворянского *праздного* класса. Английский философ отмечал: «Хотя земля и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности*, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что *труд* его тела и *работа* его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто, принадлежащее лично ему, и тем самым делает его своей *собственностью*» [27, с. 277]. Заметим, что этот *базовый принцип собственности* был проигнорирован фактически всеми реформаторами советской системы в 1990-е годы, что и привело в конечном счете к ускоренному формированию олигархического капитализма.

Д. Локк решительно настаивал на необходимости разделения законодательной, исполнительной и федеративной (внешних сношений) властей. И еще один важный момент. Если Т. Гоббс ратовал за неприкасаемость верховной власти, решительно осуждал имевшую место практику подстрекательства «граждан на восстание или вступление в любой заговор против государства» [24, с. 282], то Д. Локк, наоборот, допускал возможность ниспровержения народом правительства в случае невыполнения им своих обязательств по условиям договора, то есть фактически разработал философские основы буржуазного права. Но при этом он считал, что «*силу следует противопоставлять* лишь несправедливой и незаконной *силе*» [27, с. 380], то есть не допускал вседозволенности и анархии, хотя и был приверженцем свободы человека.

Социальность той динамичной исторической эпохи и проблемы построения гуманного общества стали объектом теоретического анализа и других английских мыслителей – Джона Толанда (1670–1722), Бернарда де Мандевиля (1670–1733), Джона Энтони Коллинза (1676–1729), Дэвида Гартли (1705–1757), Джозефа Пристли (1733–1804) и др. Укажем на то, что философы ратовали за свободомыслие, выдвигали идеи демократического характера и выражали надежду на то, что английское общество будет развиваться именно таким путем. Д.-Э. Коллинз отмечал: «Если самый верный и самый лучший путь нахождения истины заключается в *свободомыслии*, то долг человека в отношении суждений целиком состоит только в *свободомыслии*» [28, с. 94].

Наиболее радикальную позицию занял известный английский философ Д. Пристли. В частности, он отмечал: «Если государственная власть есть великое орудие прогресса человеческого рода в направлении к этому славному состоянию, то лишь та форма правления может рассчитывать на наше одобрение, которая благоприятствует этому прогрессу, и, напротив, всякая другая форма, вследствие которой этот прогресс замедляется, должна подвергнуться нашему осуждению» [29, с. 9]. Философ весьма сочувственно отнесся к Великой французской революции, считал, что ее можно оправдать, и поэтому подверг резкой критике позицию Эдмонда Бэрка, который дал ей негативную оценку. «Никакое частное лицо, – отмечал Д. Пристли, – не может

быть осуждено за то, что оно улучшает свое положение, а может даже получить одобрение за это, то и народ не должен подлежать осуждению за то, что он старается улучшить свое положение» [30, с. 448]. В отличие от Э. Бэрка, Пристли не стал критиком Национального собрания Франции на основании того, что этот законодательный орган одобрен народом. При этом «мало значения имеет то обстоятельство, из какого класса людей избраны члены Национального собрания, поскольку они являются лицами, которым их избиратели оказывают наибольшее доверие» [30, с. 457]. Английский философ уделит внимание и проблеме будущего нашей цивилизации. Прогнозы Д. Пристли в наши дни, то есть спустя более 220 лет после их опубликования, выглядят не более, как социальная утопия. Тем не менее это гуманная социальная утопия – надежда ее автора на торжество Разума человечества.

Теоретическое наследие английских философов XVIII в. позволяет заключить, что большинство из них понимали социальность как сложную и противоречивую реальность – такую реальность, где живут, взаимодействуют и борются друг с другом различные субъекты и социальные общности, где идет постоянная борьба между истиной и предрассудками. Они осознавали усиливающуюся дифференциацию общества, где, по оценке Д. Толанда, «каждый слой общества имеет свой особый язык, который остальным людям представляется исполненным самых необычайных вещей, далеко превосходящих обыкновенное понимание» [31, с. 81]. Философы поэтому выдвигали в качестве важнейших задач по оздоровлению общества не только борьбу за свободомыслие, но и борьбу за истину, борьбу с предрассудками, из которых «сильнее всего внедряются в нас и труднее всего искоренимы предрассудки того общества, в котором мы живем и воспитываемся» [31, с. 81].

Важно отметить то, что отдельные философы весьма критично подошли к происходящему, то есть к этапу первоначального накопления капитала, расценив его как негуманное социальное явление. В этом плане нельзя не сказать об английском мыслителе Бернарде де Мандевиле и его сочинении «Басня о пчелах», вызвавшем в Англии дискуссию и негодование как буржуазии, так и служителей англиканской церкви. Названное сочинение было осуждено большим жюри графства Мидлсекс: Мандевиль представлен как апологет пороков, хотя на самом деле он в этом и других своих сочинениях отразил ту шаткую, неустоявшуюся социальность, характерную для переходного периода от феодализма к капитализму. Английский мыслитель воочию убедился в пороках формирующегося капиталистического общества и показал всю их неприглядность, как и неприглядную мораль, лицемерие формирующихся господствующих классов. Он считал главной целью «Басни», с одной стороны, «показать невозможность наслаждаться всеми самыми изысканными жизненными удобствами, которыми располагает трудолюбивая, богатая и могущественная нация, и одновременно обладать всеми благословенными добродетелями и невинностью, которых можно пожелать разве что в золотом веке» [32, с. 6]. Правда, философ абсолютизировал эгоизм человека, возвел его в ранг атрибутивного свойства. И все же обосновывая

атрибутивность пороков формирующегося нового общества, Мандевилль считал возможной и даже нужной их критику [см.: 31, с. 8].

Как противоречивую, обладающую серьезными изъянами, характеризовал социальность Д. Толанд. *«Обман и суеверия, – утверждал он, – являются необходимыми средствами для того, чтобы удержать простой народ в повиновении и спокойствии»* [33, с. 331]. При этом, по его убеждению, в качестве важнейших инструментов обмана народа выступают экзотерическая философия, то есть философия, ориентированная на сокрытие истины или даже идущая против нее и предназначенная для несведущих лиц, а также церковь.

Анализ работ английских мыслителей той исторической эпохи позволяет сделать заключение о том, что, хотя они обнаружили и описали изъяны формирующейся социальности в эпоху первоначального накопления капитала, тем не менее не смогли прийти к уяснению глубинных противоречий социума, до понимания того, что именно они-то и являются онтологическим основанием наличных изъянов. В целом же наблюдалась резкая поляризация как самого общества, так и философской мысли. С одной стороны, материалисты и атеисты – Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Толанд, Д.-Э. Коллинз, Д. Гартли Д. Пристли и др. – являлись субъектами нового мышления, теоретически оправдывали движение общества от феодализма к новому капиталистическому строю как более прогрессивному. С другой стороны, представители духовенства, и в первую очередь их теоретик епископ Клонийский в Ирландии Джордж Беркли, выступили как ретрограды, желая повернуть общество вспять. Такую ситуацию можно объяснить неоднородностью английского общества. Это было классовое общество, и вполне естественно то, что философы в своих трудах выражали интересы, или, во всяком случае, воспроизводили точку зрения на окружающий мир того или иного субъекта – конкретного социального слоя общества. Логично заключить, что Д. Беркли смотрел на окружающий мир не глазами буржуазии, более прогрессивного социального класса той исторической эпохи, а глазами дворянства – отжившего класса. Неудивительно поэтому его активная борьба против материализма, защита им религии и церкви. Причем Д. Беркли сознательно ставил перед собой эти задачи. Он отмечал: *«Нет надобности рассказывать о том, каким великим другом атеистов во все времена была материальная субстанция. Все их чудовищные системы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее, что, раз будет удален этот краеугольный камень, – и все здание неминуемо развалится»* [34, с. 213].

Не отвечали устремлениям прогрессивных социальных сил той динамичной исторической эпохи и теоретические размышления Дэвида Юма (1711–1776). Философ не отрицал общественной природы человека и признавал тот факт, что вне общества тот не может жить. Он не был противником идеи справедливости, считал, что *«чувство справедливости и несправедливости не истекает из природы, но возникает искусственно, хотя и с необходимостью, из воспитания и человеческих соглашений»* [14, с. 524]. Более того, полагал, что богатые люди обязаны помогать нуждающимся. Однако относительно путей достижения справедливости в обществе придерживался консервативной позиции. Д. Юм требовал неукоснительного повиновения гражданским

властям. «Наши интересы, – отмечал он, – всегда на стороне повиновения властям... Мы порицаем всякую нелояльность по отношению к властям» [35, с. 584]. Особенно негативно Д. Юм относился к идее социальной революции, видя в ней источник пагубных для общества потрясений. И «хотя в некоторых случаях сопротивление верховной власти может быть оправдываемо как здоровой политикой, так и моралью», революция «порождает всеобщую анархию, всеобщую смуту среди человечества» [35, с. 592].

Как видим, английские философы XVII–XVIII вв. не оставались сторонними наблюдателями социальности, активно ее осмысливали, вырабатывали теоретические концепции, направленные на благо людей. Своими теоретическими разработками они способствовали движению общества вперед. Многие гуманистические идеи Т. Гоббса и Д. Локка, а также английских просветителей не потеряли своей актуальности и в наши дни. Во всяком случае, они давали дорогу новому пониманию социальности, а не консервативному. Однако на основании анализа их трудов мы вынуждены констатировать тот бесспорный факт, что философско-теоретическое обоснование развития нового (буржуазного) общества на демократической платформе не стало убедительным. Философы в своих теоретических построениях не исходили из реально складывающейся после буржуазной революции социальной структуры английского общества. И главное, они не видели того факта, что бывшие когда-то союзниками по борьбе с абсолютизмом ниспровергатели монарха и дворянства все больше и больше превращаются в антагонистов. Буржуазия превращается в беспощадного эксплуататора низов, а низы в свою очередь всё более обособляются и стремятся отстаивать свои собственные интересы. Надежда на построение гуманного, справедливого общества была иллюзией, лишь мечтой, не подкрепленной реальной социальной практикой. Философские теоретические конструкции оказались лишь должным, сущее было иным.

Примерно такая же картина развития социально-философской мысли была характерна и для других государств. Если говорить о Франции XVIII в. и французских просветителях, то там, как и в Англии, наряду с прогрессивными мыслителями – Ж.-Ж. Руссо, Ш. де Монтескье, Д. Дидро и другими, теоретически подготовившими Великую французскую революцию, были и консерваторы, представленные группой «идеологов» во главе с А. Дестютом де Траси.

В качестве своеобразных опорных точек философского осмысления социальности видятся также теоретические разработки русских мыслителей, начиная с А. Н. Радищева и заканчивая Н. А. Бердяевым и П. Сорокиным. Конечно же, нельзя обойти вниманием активно внедряемую в современные учебные курсы цивилизационную концепцию человеческой истории, впервые системно разработанную А. С. Хомяковым и Н. Я. Данилевским, а впоследствии воспроизведенную и конкретизированную применительно к новой исторической эпохе в сочинениях О. Шпенглера и А.-Дж. Тойнби, а также социологию русских народников – революционных и либеральных. Особо следует выделить точку зрения Н. Г. Чернышевского, который еще в

начале своей творческой деятельности, пытаюсь выяснить характер взаимосвязи объективно существующих взаимоотношений между людьми с оформленными законодательными актами, пришел к пониманию того, что для изменения существующей негуманной, несправедливой социальности как определенного типа взаимоотношений между людьми важно не ограничиваться призывами к изменению существующих законодательных актов и даже не ограничиваться требованием их изменения, а добиваться *изменения самих сложившихся социальных связей и отношений*, то есть добиваться *изменения самой социальности*. «Не люблю я этих господ, – писал Н. Г. Чернышевский, – которые говорят свобода, свобода – и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором 9/10 народа – рабы и пролетарии; не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого» [36, с. 110].

XX век представлен различными трактовками социальности, начиная от идей П. Сорокина и заканчивая идеями экзистенциализма, структурализма и постмодернизма. Нельзя не сказать и о жесткой полемике между советскими философами, развивавшими и утверждавшими материалистическую трактовку истории, и западными мыслителями. Ярким примером этого противостояния стали работы К. Поппера и других исследователей, осознанно поставивших перед собой цель дискредитации советской философии и практики «социалистического строительства» в СССР. В «Письме моим русским читателям», предваряющем изданную в Москве в 1992 г. книгу «Открытое общество и его враги», К. Поппер откровенно признается: «Я защищаю в ней скромную форму демократического (“буржуазного”) общества, в котором рядовые граждане могут мирно жить, в котором высоко ценится свобода и в котором можно мыслить и действовать ответственно, радостно принимая эту ответственность» [37, с. 7]. В послесловии к данной книге он пояснил и причины, побудившие его энергично взяться за ее написание. «...я – противник марксизма» [38, с. 475].

Это лишь основные моменты, «узлы» длительного пути философского постижения сущности социальности, и они, естественно, не охватывают всего многогранного процесса поиска ответа на вопрос, что собою представляет человеческое общество в плане конкретных механизмов его функционирования.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в процессе осмысления социальности, как и иных философских проблем, у исследователей практически не наблюдалось какого-либо «философского синтеза», о чем утверждают отдельные современные авторы, и уж тем более метафизически трактуемого синтеза – в виде какого-то кентавра – интеллектуального феномена, механически соединяющего в себе совершенно противоположные точки зрения на объект исследования и способы решения обсуждаемых проблем. Историко-философский материал свидетельствует о том, что в процессе осмысления социальности философы постоянно дискуссировали друг с другом, пытались

отыскать у коллег по философскому цеху слабые места, изъяны в теоретических построениях и предлагали свое собственное решение проблемы. Можно поэтому утверждать не о синтезе философских идей, а об их борьбе, не о синтезе, а лишь о диалектическом снятии того позитивного, что было в предшествующих разработках. Кроме того, и саму борьбу идей надо понимать диалектически, не рассматривать ее лишь как взаимоуничтожение, но уметь увидеть в ней взаимосвязь, взаимообусловленность идей. С одной стороны, такого рода критика заставляет автора идеи так или иначе реагировать на неё – либо соглашаться с ней и вносить соответствующие коррективы в свою идею, устранять ее недостатки, выявленные в процессе дискуссии, либо углублять идею, делать ее более обоснованной и убедительной. С другой стороны, логически выстроенная критика чьих-либо идей и концепций, вне всякого сомнения, уже содержит в себе *снятие* каких-то авторских мыслей (в диалектическом понимании этого слова), поскольку выявление ограниченности, «узких мест» идей, концепций принуждает самого критикующего к творчеству, к активной работе его собственной мысли, заставляет его искать научное решение имеющейся проблемы, поскольку в представленной авторской концепции она, по его убеждению, либо не решена, а лишь представлена, либо решена неверно то ли в силу некомпетентности исследователя, то ли в силу неверного пути, избранного для ее решения.

Содержание категории «социальность» в ее исторической динамике

Социальность – это *система исторически складывающихся и постоянно воспроизводящих себя на новой ступени взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, определяющая типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса*. В методологическом плане дефиниция социальности выстраивается с позиции социологического реализма. Именно социологический реализм позволяет дать целостную картину взаимоотношений между людьми, объединенными в определенные группы по своим интересам, роду занятий и т. п., в отличие от социологического номинализма, трактующего общество как простую совокупность индивидов. «То обстоятельство, что не индивиды, а их объединения являются объектами исторического исследования, – отмечает известный российский ученый Ю. И. Семенов, – давно уже достаточно четко осознано подавляющим большинством историков и вообще обществоведов» [39, с. 11].

К числу актуальных вопросов следует отнести вопрос о границе, отделяющей «социальность» от «несоциальности», и о причине зарождения социальности. Понятие «граница» понимается диалектически. Многие исследователи на основе эмпирического материала приходят к выводу о том, что предпосылки социальности формируются еще в животном мире. К ним можно отнести стадность проживания, организованность стада с разделением выполняемых функций (это особенно характерно для пчел), воспроизводство себе подобных особей, включающее как само рождение животного, так и его «социализацию» путем передачи своего опыта, закрепления определенных

навыков, позволяющих добывать пищу, защищаться от врагов и т. п. Тем не менее граница между животным миром и миром человека существует. Существуют также и различные трактовки самого перехода от мира животных к миру человека. Наиболее распространенными точками зрения на этот переход является идея Ф. Энгельса, согласно которой труд создал человека, а следовательно, и общество, породил социальность. Протвоположная точка зрения состоит в признании разума как источника формирования и развития социальности.

Чем же отличается социальность, характерная для человеческого рода? Особых дискуссий по этому вопросу не возникает. Социальность связывают со способностью человека создавать орудия труда, подчинять себе природу и преобразовывать ее, с наличием у человека абстрактного мышления. Дискуссии возникают тогда, когда исследователи предпринимают попытку структурирования и ранжирования многообразных связей и отношений, возникающих между людьми в процессе их жизнедеятельности, когда пытаются выделить из них главные, определяющие, служащие импульсом движения человечества по восходящей линии. Формулируя ответ на этот вопрос, нередко высказывают мысль свести социальность к сумме интеллекта и жизненного опыта (культуры) всех индивидуумов, включая и тех, кто ушел из жизни. Такая точка зрения является дискуссионной. По нашему мнению, социальность – это не сумма индивидуальных социальностей. Это – нечто новое, обладающее более масштабными параметрами и свойствами.

Социальность можно рассматривать в различных аспектах: в онтологическом плане (выявить основания социальности, уяснить, что служит импульсом ее усложнения и развития), в историческом плане (выделить конкретные уровни развития социальности применительно к роду, племени, этносу, нации и т. д.), в политическом плане (рассматривать различные формы и способы организации политической жизни как ступеньки развития социальности), в философском плане (воспроизвести логику развития социальности, осуществить сравнительный анализ самого процесса развития социальности и ее отражения в теоретических исследованиях) и др.

Возникает, однако, вопрос: как соотносить категорию «социальность» с такими устоявшимися и уже прочно вошедшими в социологическую науку категориями, как «общественное бытие», «экономический базис общества», получившими разработку в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, а в дальнейшем в советской философской науке? Рассмотрим этот вопрос более детально. Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс, в отличие от своих предшественников, поставили перед собой задачу объяснения истории с *материалистических* позиций, то есть решили открыть законы общественного развития – отыскать в общественной жизни такие устойчивые, необходимые связи, которые, будучи продуктом сферы взаимоотношений между людьми, в то же время не были подвластны их волевым устремлениям. Из многочисленных, многообразных общественных отношений они выделили экономические отношения, то есть отношения, складывающиеся между людьми в процессе производства и воспроизводства ими общественной жизни, и определили их как

экономический базис общества, над которым возводится надстройка в виде государства, права и других институтов и учреждений. В дальнейшем К. Маркс в «Капитале», «Критике Готской программы», а также Ф. Энгельс в работах «Развитие социализма от утопии к науке», «Анти-Дюринг», «Развитие семьи, частной собственности и государства» на примере капиталистической общественно-экономической формации детально раскрыли механизм функционирования экономического базиса как той основы, которая-то и является движущей силой человеческой истории, определяет ее характер и направленность [см.: 40, с. 208]. Выделив в качестве базисных экономические отношения и тем самым поставив изучение истории на научную почву, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем не отрицали *многообразия* социальных связей и отношений. Они, несомненно, видели это многообразие и максимально его учитывали, особенно в процессе своей практически-преобразующей, практически-революционной деятельности. В осмыслении и оценке социальной ситуации они подходили конкретно, стремились охватить и учесть как можно больше социальных связей и отношений. Это можно проиллюстрировать на примере анализа революционных процессов в Европе, постоянного, детального изучения К. Марксом и Ф. Энгельсом российской действительности XIX века – только одна «Русская библиотека» К. Маркса содержала десятки книг и множество статистических материалов. Но поскольку главной задачей для них была защита материалистического объяснения истории, основоположники научного социализма и в дальнейшем главный упор делали на экономические отношения. Ф. Энгельс отмечал: «Этими двумя великими открытиями – материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости – мы обязаны *Марксу*. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях» [40, с. 209].

В советской философской литературе еще начиная с 1920-х годов главное внимание уделялось материалистическому объяснению истории, обоснованию решающей роли экономических отношений в историческом процессе, что было вызвано необходимостью защиты учения классиков марксизма от различного рода фальсификаций и нападок на него со стороны представителей западноевропейской философии. Поэтому несколько в стороне оказалась дальнейшая разработка самой теории социализма, что коснулось и проблемы социальности. В какой-то мере из поля зрения исследователей выпали многочисленные, разнообразные социальные связи, которые выходили за рамки чисто экономических отношений как базисных.

В постсоветской же философии, отказавшейся от формационной теории К. Маркса, наоборот, из поля зрения исследователей совершенно выпали экономические процессы как базовые, определяющие жизнь общества. Фактически они не исследуются. Более того, политика, право, не говоря уже о процессах в сфере культуры, зачастую не привязываются ни к социальной структуре общества, ни к совершенно новым экономическим процессам, характерным для так называемой перестроечной эпохи. В результате

социальная философия свелась к абстрактному теоретизированию. Она не отражает социального бытия, а поэтому не в состоянии выполнять ни регулирующую, ни прогнозирующую функции.

Категория «социальность» как инструмент теоретического осмысления мира и построения программ его изменения

В чем видятся недостатки современных исследований? Один из основных недостатков заключается в том, что философами упускается из виду материальный субстрат существующих в наличии, функционирующих, действующих общественных отношений, то есть игнорируется общественное бытие как «материальные отношения людей к природе и друг к другу, возникающие вместе со становлением человеческого общества и существующие независимо от общественного сознания» [41, с. 448]. Однако было бы ошибочным сводить социальность лишь к общественному бытию. Социальность как феномен включает в себя весь многообразный спектр сложившихся и функционирующих в конкретно-исторических условиях связей и отношений, представляет наряду с материально-предметной реальностью как онтологической основой социальных связей и отношений «объективно-идеальное бытие (ценности культуры, общезначимые принципы и категории научного знания и др.), бытие личности» [42, с. 448] и субъективно-идеальное бытие – интересы, цели и т. п. В целом необходимо исходить из единого комплекса общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки. Нельзя недооценивать тех социальных отношений, которые выходят за рамки чисто экономических отношений. Скажем, почему произошел развал СССР? Безусловно, были внешние причины. Но нельзя исключать и внутренних предпосылок. Экономические отношения в СССР (то есть базис) не достигли того уровня, который соответствовал бы критериям коммунистической формации. Если производительные силы страны не в состоянии были обеспечить материальными благами население, то о каком коммунизме могла идти речь? Но и массовое сознание не стало коммунистическим, не была преодолена психология собственника. Она-то и стала мощным побудительным мотивом разграбления накопленного за многие десятилетия богатства страны. Причем в грабеже активно участвовали как «верхи», так и «низы». Конечно же, возможности, а, следовательно, и доля захваченного общественного пирога у них оказались совершенно разными.

Понимание социальности как феномена играет важную роль в раскрытии сущности общественных процессов в современном мире. Проиллюстрируем это на конкретном примере. В настоящее время философы, социологи и политологи решительно расходятся не только относительно будущего нашей цивилизации, но и относительно ее нынешнего состояния, что проявляется в самом ее названии. Кто-то называет ее «глобальной», кто-то – «сверхобществом», кто-то «глобальным капитализмом», кто-то – «постиндустриализмом», кто-то – «информационным обществом» и т. д. И каждое из этих названий предполагает соответствующий набор свойств, присущих, по мысли исследователей, современному обществу. За каждым таким названием (термином) стоит

конкретное видение социальности как сложившейся системы связей и отношений в современном обществе и их субординация. Одни из исследователей за отправной пункт в оценке общества принимают сложившиеся экономические отношения и на основании этого делают вывод о «глобальном капитализме», господствующем в мире. Другие, выделяя из многочисленных наличных связей и отношений в качестве главных, определяющих уровень развития производительных сил в развитых странах, делают вывод о «постиндустриальном обществе». Третьи, руководствуясь документами ООН как «истиной в последней инстанции», признают наше общество «устойчивым», невзирая на постоянно совершающиеся в мире «цветные» революции, потоки беженцев, финансово-экономические кризисы, террористические акции, забастовки авиадиспетчеров, фермеров, таксистов, не удовлетворенных условиями труда и уровнем заработной платы, не желая знать того, что всякие документы готовятся и принимаются людьми, которые, во-первых, способны ошибаться, а во-вторых – и это, пожалуй, главное – способны проявлять личную заинтересованность в конкретном содержании принимаемых документов, или руководствоваться интересами тех социальных страт, к которым они принадлежат. Но даже приняв за базовый элемент социальности один и тот же феномен, философы способны идти разными путями и придти к разным выводам. Например, А. С. Хомяков и С. Н. Булгаков в исследовании социальных процессов исходили из учения отцов церкви. Но их социальные проекты были совершенно не схожи.

Для раскрытия феномена социальности представляется важным исследование насыщенных противоречиями и коллизиями «переломных» исторических эпох, когда происходит радикальная смена векторов общественного развития. Именно тогда более четко проявляются скрытые внутренние «пружины» исторического процесса. При этом следует использовать фундаментальные понятия, к числу которых следует отнести «собственность» и ее различные формы, «капитал», «отчуждение», «общественный продукт труда» и др. Необходимо определить и строго придерживаться конкретного содержания используемых понятий, что, к сожалению, не всегда наблюдается. Взять хотя бы понятие «собственность», активно используемое в теории и в практической деятельности на постсоветском пространстве. Обычно собственность понимают лишь как владение, присвоение людьми предметов производительного и непроизводительного потребления. В свое время известный советский философ, специалист в области исторического материализма Ю. К. Плетников, опираясь на труды классиков марксизма, отмечал, что «собственность всегда связана с вещью (объектом присвоения), но она не сама вещь, а отношение между людьми по поводу вещи» [43, с. 619].

Заключение

В представленной статье рассмотрены лишь отдельные стороны феномена социальности. Но и этот ограниченный текст показывает, сколь важное место в философском сообществе и в философском мышлении занимала поднятая тема.

В силу недостаточной ее разработки представляется необходимым в дальнейшем сконцентрировать внимание на двух ее аспектах. Во-первых, следует раскрыть логику развития идей социальности в самой философской мысли. Во-вторых, осуществить корреляцию философского и исторического осмысления социальности с самим историческим процессом, то есть связать воедино логическое и историческое. Наконец, необходимо выявить специфику развития социальности в белорусском обществе за последние десятилетия с учетом тех глобальных изменений, которые в нем произошли в результате перевода хозяйственной жизни (экономического базиса) на так называемый рыночный путь развития. За последние 30 лет сформировалось, по сути, новое общество с совершенно разными запросами, интересами и целями различных его социальных слоев, выступающих в качестве самостоятельных субъектов, появились новые типы личности. Все это – сфера социальности. Кому, как ни философам, предстоит раскрыть процесс ее формирования и спрогнозировать ее перспективу? Это и станет наглядным примером перевода умозрительной философии в практикоориентированную, в такую философию, которую пытались создать древние греки.

Список литературы

1. Момджян К. Х. О кризисе фрагментации в современной философии // Этнос, нации, ценности: социально-философские исследования / Науч. ред. К. Х. Момджян, А. Ю. Антоновский. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – С. 251–261.
2. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005. – 525 с.
3. Выступление Александра Лукашенко на II Съезде ученых Беларуси // Новости Беларуси|БелТА. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/vystuplenie-lukashenko-na-ii-sjezde-uchenyh-belarusi-280351-2017> (дата обращения 18.12.2019).
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – С. 5–338.
5. Философская энциклопедия: в 5 т. / глав. ред. Ф. В. Константинов. – М.: Советская Энциклопедия, 1960–1970. – Т. 1–5.
6. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – 840 с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. / Науч.-ред. совет: В. С. Степин и др. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1–4.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1980. – Т. 4. – 683 с.
9. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 96 с.
10. Терещенко Н. А. Конец социальности: мифы или реальность // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150, кн. 4. – С. 105–115.

11. Терещенко Н. А. Социальная философия в ситуации «смерти социального» (к вопросу о панфилософском статусе социально-философской теории): автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2012. – 51 с.
12. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2012. – 252 с.
13. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Исследование социальности как методологическая проблема социального познания // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 176–180.
14. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 576 с.
15. Момджян К. Х. Социальная философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 609–611.
16. Золотовицкий Р. Социальная реальность // Глобалистика: энциклопедия. – М.: ОАО «Радуга», 2003. – С. 939.
17. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Меняющаяся социальность: будущее капитализма // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 3–15.
18. Доброхотов А. Л. Логос // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 445–447.
19. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. М. А. Дынника. – М.: Госполитиздат, 1955. – 238 с.
20. Асмус В. Ф. Античная философия: учеб. пособие. – Изд. 2-е, доп. – М.: Высшая школа, 1976. – 543 с.
21. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 79–420.
22. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 2. – 651 с.
24. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 624 с.
25. Соколов В. В. Бытие, познание, человек и общество в философской доктрине Томаса Гоббса // Т. Гоббс. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 3–65.
26. Быховский Б. Э. Гоббс // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – С. 119–120.
27. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
28. Коллинз А. Рассуждение о свободомыслии, вызванное возникновением и развитием секты, называемой свободомыслящие // Английские материалисты XVIII в.: собрание произведений: в 3 т.: пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М.: Мысль, 1967. – Т. 2. – С. 71–192.
29. Пристли Д. Очерк об основных принципах государственного правления и о природе политической, гражданской и религиозной свободы // Английские

материалисты XVIII в.: собрание произведений: в 3 т.: пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М.: Мысль, 1968. – Т. 3. – С. 5–45.

30. Пристли Д. Письма к почтенному Эдмунду Бэрку, вызванные его «Размышлениями о французской революции» // Английские материалисты XVIII в.: собр. произведений: в 3 т.: пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М.: Мысль, 1968. – Т. 3. – С. 445–504.

31. Толанд Д. Письма к Серене // Английские материалисты XVIII в.: собр. произведений: в 3 т.: пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М.: Мысль, 1967. – Т. 1. – С. 51–197.

32. МанDEVиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. – М.: Наука, 2000. – 291 с.

33. Толанд Д. Клидофорус, или об экзотерической и эзотерической философии // Английские материалисты XVIII в.: собр. произведений: в 3 т.: пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М.: Мысль, 1967. – Т. 1. – С. 313–349.

34. Беркли Дж. Сочинения / общ. ред. и вступ. статья И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1978. – 556 с.

35. Юм Д. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 1. – 733 с.

36. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1939. – 859 с.

37. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 448 с.

38. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.

39. Семёнов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.

40. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 19. – С. 185–230.

41. Грушин Б. А. Общественное бытие и общественное сознание // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – С. 448–449.

42. Огурцов А. П. Бытие // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – С. 69–70.

43. Плетников Ю. К. Собственность // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – С. 619–620.

References

1. Momdzhyan K. Kh. On the Crisis of Fragmentation in Modern Philosophy [O krizise fragmentatsii v sovremennoy filosofii]. *Etnos, natsii, tsennosti: sotsialno-filosofskie issledovaniya* (Ethnicity, Nations, Values: Social and Philosophical Studies). Moscow, Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”, 2015, pp. 251–261.

2. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration [*Ustroenie obschestva. Ocherk teorii strukturatsii*]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2005, 525 p.
3. Speech by Alexander Lukashenko at the II Congress of Scientists of Belarus [*Vystuplenie Aleksandra Lukashenko na II Sezde uchenykh Belarusi*]. Available at: <http://www.belta.by/president/view/vystuplenie-lukashenko-na-ii-sjezde-uchenykh-belarusi-280351-2017> (accessed 18 December 2019).
4. Engels F. Anti-Dühring [Anti-Dyuring]. *Sochineniya: v 50 t. T. 20* (Works: In 50 vol. Vol. 20). Moscow, Gospolitizdat, 1961, pp. 5–338.
5. Konstantinov F. V. (Ed.) Philosophical Encyclopedia: In 5 vol. Vol. 1–5 [*Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t. T. 1–5*]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1960–1970.
6. Ilichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G. (Eds.) Philosophical Encyclopedic Dictionary [*Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar*]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1983, 840 p.
7. Stepin V. S. (Ed.) New Philosophical Encyclopedia: In 4 vol. Vol. 1–4. [*Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 1–4*]. Moscow, Mysl, 2010.
8. Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vol. Vol. 4 [*Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 4*]. Moscow, Russkiy yazyk, 1980, 683 p.
9. Baudrillard J. A l'ombre des majorites silencieuses, ou la fin du social [*V teni molchalivogo bolshinstva, ili Konets sotsialnogo*]. Ekaterinburg, UrGU, 2000, 96 p.
10. Tereschenko N. A. The End of Sociality: Myths or Reality [Konets sotsialnosti: mify ili realnost]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* (Scientific Notes of the Kazan Federal University), 2008, Vol. 150, Book 4, pp. 105–115.
11. Tereschenko N. A. Social Philosophy in a Situation of “Social Death” (To the Question of the Pan-Philosophical Status of Socio-Philosophical Theory). Abstract of the Doctoral Degree Thesis in Philosophy [*Sotsialnaya filosofiya v situatsii “smerti sotsialnogo” (k voprosu o panfilosofskom statuse sotsialno-filosofskoy teorii): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk*]. Kazan, Kazanskiy (Privolzhskiy) federalnyy universitet, 2012, 51 p.
12. Kemerov V. E. Society, Sociality, Polysubjectivity [*Obschestvo, sotsialnost, polisubektnost*]. Moscow, Akademicheskii Proekt; Fond “Mir”, 2012, 252 p.
13. Baklanova O. A., Baklanov I. S. The Study of Sociality as a Methodological Problem of Social Cognition [Issledovanie sotsialnosti kak metodologicheskaya problema sotsialnogo poznaniya]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki* (Humanities and Social Sciences), 2014, № 2, pp. 176–180.
14. Gubskiy E. F., Korableva G. V., Lutchenko V. A. (Eds.) Philosophical Encyclopedic Dictionary [*Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar*]. Moscow, INFRA-M, 2002, 576 p.
15. Momdzhyan K. Kh. Social Philosophy [Sotsialnaya filosofiya]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 3* (New Philosophical Encyclopedia: In 4 vol. Vol. 3). Moscow, Mysl, 2010, pp. 609–611.

16. Zolotovitskiy R. Social Reality [Sotsialnaya realnost]. *Globalistika: entsiklopediya* (Global Studies: Encyclopedia). Moscow, OAO "Raduga", 2003, p. 939.

17. Fedotova V. G., Kolpakov V. A., Fedotova N. N. Changing Sociality: the Future of Capitalism [Menyayuschayasya sotsialnost: buduschee kapitalizma]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2011, № 6, pp. 3–15.

18. Dobrokhotoy A. L. Logos [Logos]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 2* (New Philosophical Encyclopedia: In 4 vol. Vol. 2). Moscow, Mysl, 2010, pp. 445–447.

19. Dymnik M. A. (Ed.) Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus and Epicurus [*Materialisty Drevney Gretsii: sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura*]. Moscow, Gospolitizdat, 1955, 238 p.

20. Asmus V. F. Antique Philosophy [*Antichnaya filosofiya*]. Moscow, Vysshaya shkola, 1976, 543 p.

21. Plato. Republic [Gosudarstvo]. *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 3* (Collected Works: In 4 vol. Vol. 3). Moscow, Mysl, 1994, pp. 79–420.

22. Aristotle. Works: In 4 vol. Vol. 4 [*Sochineniya: v 4 t. T. 4*]. Moscow, Mysl, 1983, 830 p.

23. Marx K., Engels F. Works: In 50 vol. Vol. 2 [*Sochineniya: v 50 t. T. 2*]. Moscow, Politizdat, 1955, 651 p.

24. Hobbes T. Works: In 2 vol. Vol. 1 [*Sochineniya: v 2 t. T. 1*]. Moscow, Mysl, 1989, 624 p.

25. Sokolov V. V. Being, Cognition, Man and Society in the Philosophical Doctrine of Thomas Hobbes [Bytie, poznanie, chelovek i obschestvo v filosofskoy doktrine Tomasa Gobbsa]. *T. Gobbs. Sochineniya: v 2 t. T. 1* (T. Hobbes. Works: In 2 vol. Vol. 1). Moscow, Mysl, 1989, pp. 3–65.

26. Bykhovskiy B. E. Hobbes [Gobbs]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1983, pp. 119–120.

27. Locke J. Works: In 3 vol. Vol. 3 [*Sochineniya: v 3 t. T. 3*]. Moscow, Mysl, 1988, 668 p.

28. Collins J.-A. A Discourse of Freethinking, Occasioned by the Rise and Growth of a Sect Called Freethinkers [Rassuzhdenie o svobodomyсли, vyzvanoe vzniknoveniem i razvitiem sekty, nazyvaemoy svobodomyслиyaschie]. *Angliyskie materialisty XVIII v.: sobranie proizvedeniy: v 3 t. T. 2* (English Materialists of the XVIII Century. Collected Works: In 3 vol. Vol. 2). Moscow, Mysl, 1967, pp. 71–192.

29. Priestley J. Essay on the First Principles of Government, and on the Nature of Political, Civil, and Religious Liberty [Ocherk ob osnovnykh printsipakh gosudarstvennogo pravleniya i o prirode politicheskoy, grazhdanskoy i religioznoy svobody]. *Angliyskie materialisty XVIII v.: sobranie proizvedeniy: v 3 t. T. 3* (English Materialists of the XVIII Century. Collected Works: In 3 vol. Vol. 3). Moscow, Mysl, 1968, pp. 5–45.

30. Priestley J. Letters to the Right Honourable Edmund Burke, Occasioned by His Reflections on the Revolution in France [Pisma k dostopochtennomu Edmundu Berku, vyzvannye ego "Razmyshleniyami o frantsuzskoy revolyutsii"]. *Angliyskie*

materialisty XVIII v.: sobranie proizvedeniy: v 3 t. T. 3 (English Materialists of the XVIII Century. Collected Works: In 3 vol. Vol. 3). Moscow, Mysl, 1968, pp. 445–504.

31. Toland J. Letters to Serena [Pisma k Serene]. *Angliyskie materialisty XVIII v.: sobranie proizvedeniy: v 3 t. T. 1* (English Materialists of the XVIII Century. Collected Works: In 3 vol. Vol. 1). Moscow, Mysl, 1967, pp. 51–197.

32. Mandeville B. The Fable of The Bees: or, Private Vices, Publick Benefits [*Basnya o pchelakh, ili Poroki chastnykh lits – blaga dlya obschestva*]. Moscow, Nauka, 2000, 291 p.

33. Toland J. Clidophorus, Or, Of the Exoteric and Esoteric Philosophy [Klidoforus, ili ob ekzotericheskoy i ezotericheskoy filosofii]. *Angliyskie materialisty XVIII v.: sobranie proizvedeniy: v 3 t. T. 1* (English Materialists of the XVIII Century. Collected Works: In 3 vol. Vol. 1). Moscow, Mysl, 1967, pp. 313–349.

34. Berkeley G. Works [*Sochineniya*]. Moscow, Mysl, 1978, 556 p.

35. Hume D. Works: In 2 vol. Vol. 1 [*Sochineniya: v 2 t. T. 1*]. Moscow, Mysl, 1996, 733 p.

36. Chernyshevskiy N. G. Complete Works: In 16 vol. Vol. 1 [*Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t. T. 1*]. Moscow, GIKhL, 1939, 859 p.

37. Popper K. R. The Open Society and Its Enemies: In 2 vol. Vol. 1: The Spell of Plato [*Otkrytoe obschestvo i ego vragi: v 2 t. T. 1: Chary Platona*]. Moscow, Feniks, Mezhdunarodnyy fond “Kulturnaya initsiativa”, 1992, 448 p.

38. Popper K. R. The Open Society and Its Enemies: In 2 vol. Vol. 2: The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath [*Otkrytoe obschestvo i ego vragi: v 2 t. T. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel, Marks i drugie orakuly*]. Moscow, Feniks, Mezhdunarodnyy fond “Kulturnaya initsiativa”, 1992, 528 p.

39. Semenov Yu. I. Philosophy of History (General Theory, Main Problems, Ideas and Concepts from Antiquity to the Present Day) [*Filosofiya istorii (Obschaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dney)*]. Moscow, Sovremennye tetradi, 2003, 776 p.

40. Engels F. Development of Socialism from Utopia to Science [Razvitie sotsializma ot utopii k nauke]. *Sochineniya: v 50 t. T. 19* (Works: In 50 vol. Vol. 19). Moscow, Gospolitizdat, 1961, pp. 185–230.

41. Grushin B. A. Social Being and Social Consciousness [Obschestvennoe bytie i obschestvennoe soznanie]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1983, pp. 448–449.

42. Ogurtsov A. P. Being [Bytie]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1983, pp. 69–70.

43. Pletnikov Yu. K. Property [Sobstvennost]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1983, pp. 619–620.

УДК 111.7; 316.324.8

Цифровая толпа и цифровой гедонизм: постбытийность информационного общества*

Фортуатов Антон Николаевич – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», институт международных отношений и мировой истории, кафедра теории политики и коммуникации, доктор философских наук, профессор, Нижний Новгород, Россия.

Email: anfort1@yandex.ru

603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23,
тел.: +7-951-901-97-23.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Дизайн современного информационного общества формировался под сильным влиянием военно-промышленного комплекса. Тотальный контроль за социумом камуфлировался в 1960-е годы идеями «освобождения», «свободы», изменения сознания. Компьютеры стали материальным воплощением иллюзии непричастности человека к важнейшим процессам в его жизни. Личность превращалась в потребителя уже готовых чужих переживаний.

Результаты: Произошло отчуждение мысли от человека, который утратил потребность прикладывать усилие, чтобы думать. Возник цифровой гедонизм, который определил мимолетность, случайность человеческих состояний в новой реальности. Большие данные не только анализируют скрытые качества человеческой личности, но и прогнозируют ее поведение и даже принимают за нее решения. Социум превратился в массу бессмысленных единиц.

Область применения результатов: Статья может стать материалом для анализа противоречий современного состояния постклассической эпистемологии.

Выводы: Человечество оказалось в онтологическом тупике, и эта ситуация, по мнению автора, таит в себе большой гуманистический потенциал. Сознание человека на протяжении всей истории всегда уходило из-под давления тоталитарных систем. Сегодня идея труда как самоцели, как высшей ценности вновь может стать ориентиром для преодоления тенденций к саморазрушению.

Ключевые слова: цифровой гедонизм; компьютер; интернет; мышление; информационное общество; сознание; большие данные.

* © А. Н. Фортуатов, 2019.

Digital Crowd and Digital Hedonism: The Post-Existence of Information Society

Fortunatov Anton Nikolaevich – National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Institute of International Relations and World History, Department of Theory of Politics and Communication, Doctor of Philosophy, Professor, Nizhny Novgorod, Russia.

Email: anfort1@yandex.ru

23, Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia,
tel.: + 7-951-901-97-23.

Abstract

Background: The design of modern information society was worked out under the strong influence of the military-industrial complex. In the 1960s, total control of society was camouflaged by the ideas of “liberation”, “freedom”, and a change in consciousness. Computers became the material embodiment of the illusion of humans not participating in the most important processes of their lives. The personality turned into a consumer of fully completed alien experiences.

Results: A thought has alienated humans who lost the need to exert effort to think. Digital hedonism has arisen, determining the brevity and randomness of human existence in the new reality. Big data not only analyzes the hidden qualities of humans, but also predicts their behavior and even makes decisions for them. The society has turned into a mass of meaningless units.

Implications: The article can be used for the analysis of the contradictions of the modern state of postclassical epistemology.

Conclusion: Humankind has found itself in an ontological impasse, and this situation, according to the author, is fraught with great humanistic potential. Human consciousness throughout history has always escaped from the pressure of totalitarian systems. Today, the idea of labor as an end in itself, as the highest value, can again become a guideline for overcoming tendencies towards self-annihilation.

Keywords: digital hedonism; computer; Internet; thinking; information society; consciousness; big data.

Эксперименты с изменением сознания, с воздействием на него ЛСД происходили в то же самое время, в которое осуществлялось становление информационных сетей, позже превратившихся в современный интернет. Протесты против повального увлечения электроникой в 1960-х годах, означавшего в сознании молодежи того времени новую степень контроля со стороны власти за личностью, удивительным образом сменились всеобщими восторгами в отношении компьютеров, быстро превратившихся в символ свободы, антитоталитаризма, революционного настроения. Метафора: новая электроника – это респектабельный наркотик (ЛСД) XX века – была инспирирована рядом целенаправленных пиар-акций, которые сменили негативную настороженность общественности в отношении ориентированных

на военные цели вычислительных систем. «И все под присмотром автоматов благодати и любви» (All Watched Over by Machines of Loving Grace) – программное стихотворение андеграундной молодежи конца 1960-х годов [см.: 1, с. 153]. В нем компьютеры сливаются с природой, чтобы произвести «богоподобное альтруистическое существо», способное позаботиться обо всех [см.: 1, с. 154]. Мифология, «камуфлируя» военное происхождение компьютерных и сетевых технологий под стиль “кислотной” контркультуры 1960-х», создавала парадигму увлекательной иллюзии, многоаспектной контркультуры, отделявшей людей от чудовищной по своему масштабу и цинизму парадигмы тоталитарного подавления и подчинения. Таким образом, погруженность в иллюзию стала неотъемлемым элементом социального консенсуса, в котором даже «протест» превратился в своего рода технологию утверждения существующего status quo. Мифологизация цифровой реальности в этом контексте стала вполне логичным продолжением этой социальной процедуры отделения человека от его бытийных условий, навязывания ему представлений о несуществующей жизни, символизации и метафоризации того, что может быть воспринято как проявление античеловечности.

Фиксация бытия с помощью мысли с тех пор постепенно вытеснялось на периферию сознательного поведения. Метаязык и метаэтика компьютерного освоения (исчисления) реальности состоит в том, что пользователь заведомо лишен возможности разобраться в алгоритмах, путях, ведущих от вопрошания к ответу, от исходной ситуации к результату. Конечная точка, выданная компьютером, есть точка абсолютной веры и – иллюзии. Бытие начало распадаться на отдельные интеракции, а мысли-«заготовки» послужили пластичным материалом для любых смысловых конфигураций. Пример тому – мемы, рожденные, как концепт, также на рубеже 1960–1970-х годов. Это была концепция андеграундных философов, которые сравнили идеи, распространяемые с помощью средств массовой информации, с психологическими вирусами, проникающими в сознание миллионов людей точно так же, как прокладывают себе дорогу банальные вирусы гриппа во время эпидемии. Самые немислимые и причудливые фантазии могут стать реальностью, преодолев все более тонкий защитный слой человеческой рефлексии. Так, на рубеже тысячелетий человечество сотрясали апокалиптические прогнозы по поводу технотронного коллапса, рожденного «проблемой 2000 года» (утверждалось, что «старые» компьютеры не смогут автоматически перенастроить свои программы с 1900-х на 2000-е годы, что приведет к рассинхронизации управления, взрывам, остановкам энергосистем и т. д.). С тех пор подобные «мемы» возникают с монотонной периодичностью («коровье бешенство», «птичий грипп» и пр.), что говорит о том, что технология развивается по заранее известной траектории: используя большие массы людей как энергетический ресурс, как биомассу, она постепенно начинает потреблять все меньше этого дорогого ресурса, замыкаясь на саму себя, мельчая и, в конечном итоге, уничтожая саму себя. Сегодня в социальных сетях «мемами» называют картинки-заготовки на все случаи жизни, к которым

можно присовокупить броский лозунг и вывесить в своем аккаунте в качестве декларации личного отношения к тому или иному событию.

Возникновение собственной мысли означает явление личности самой себе, в ее полноте и ценности. Как раз эта явленность эксплуатируется медиасистемами, поскольку многочисленные предложения и информационные стимулы, претендующие на эмоциональность и непосредственность, не предполагают усилия явленности – личность словно оказывается сразу по ту сторону явления, не переходя границу между собой как элементом мира, и собой как само-данностью через мысль. Однако именно эта граница и есть, собственно, камень преткновения между бытием и небытием: ее преодоление есть акт борьбы с пространственно-временными ограничениями, превращения личности для себя самой в элемент мира, а мира – в элемент собственного сознания в контексте возникшей мысли.

Так возникло пространство постбытийности, требующее от человека лишь мимолетных фиксаций своего состояния на фоне чужих откровений, заимствованных мыслей. Перепост анонимного текста сегодня становится актом самореализации. Все чаще эти тексты – плод искусственного интеллекта, робот-журналистики. Многозначность такого поступка символизирует сиюминутность, причудливость фиксации личности «здесь и сейчас», которая на мгновение остановилась в бесконечном интернет-серфинге.

В информационном обществе, в сетевой коммуникации у личности уже нет опоры на предзаданные состояния, на («врожденные») прото-мысли, которые сформированы средой, ожиданиями, практикой рефлексии. Хаотичность смены информационных «предложений» (раздражителей) абсолютна – на нее повлиять нельзя, разве что только перейдя в состояние офлайн, что равносильно социальной смерти. Стало быть, отсутствие опоры вовне диктует новое качество восприятия – легкого, необязательного, сиюминутно-хрупкого, не ориентированного на внутренний склад индивида.

Робот-журналистика узурпировала эту когнитивную предзаданность, поскольку технологически заменила собой интуицию журналиста, компилируя разрозненные данные (потенциальную мысль) в готовые тексты (реализовавшуюся, но до конца не прочувствованную, не понятую мысль). Информационное общество, таким образом, – это царство непонятых мыслей. Здесь по-новому начинает звучать уже известная критика информационного общества, блестяще проанализированная Уэбстером: «нас пытаются убедить, свалив всю информацию в один большой горшок, будто его содержимое – эликсир жизни, а не малосъедобное варево» [2, с. 33].

Казалось бы, так было всегда. Вспомним точное замечание М. Мамардашвили: «...всегда есть вербальный мир, который сам порождает псевдovoпросы, псевдопроблемы, псевдомысли, и отличить их от истинной мысли невозможно» [3, с. 14]. Однако сегодня возникает пространство не только псевдомыслей (феноменов), но и псевдомышления как квазичеловеческого состояния, основанного на иллюзии наличия у человека предзаданных мыслей и когнитивных потенций. Биг дата («большие данные») сегодня не только и не столько анализируют эмоциональный и когнитивный

облик человека, сколько предсказывают его будущие решения, а порой и принимают их за него. Человеку остается лишь «наслаждаться» хаотическими проблесками мысли, вернее, иллюзией мышления. Мысль девальвировалась до уровня иллюстрации технологии, и только в механическом множестве самопроявлений начинает проглядывать логика, заведомо недоступная человеческому разумению. В мышлении имеет значение даже сам факт «сознания твоего сознания» [3, с. 9], однако сегодня социально приемлемым становится принятие искусственного интеллекта как более мощного, более умного «большого брата». Возникает рефлексия по поводу «чужого, искусственного сознания».

Вместо технологий интерпретации первое место в социальных процессах начинают занимать технологии обобщения. Конфигуративность смыслов есть следствие перехода мысли в регистр множественного, но не коллективного мышления. Антикollectивность мысли в эпоху больших данных сопрягается со множественностью ее индивидуальных проявлений в разрозненных массах.

Таким образом, объективируется частное наблюдение и привнесение ассоциативно-эстетического компонента в якобы объективный контент. Возникает поразительное сочетание сугубого субъективизма в понимании обобщенных данных и параллельного ему завораживающего, таинственного орнамента эмоциональных акцентов, составляющих повседневность социальной коммуникации. Так, например, аналитик Гугл делится своими «удивительными» открытиями по поводу ханжества значительного числа американцев, и эта ориентированность на выявление латентных, девиантных, социально неприемлемых свойств социума соседствует с новым, коммуникативным пониманием свободы как вывернутой наизнанку, детабуизированной личности. Большие данные позволяют, пишет он, увидеть удивительное явление – «скрытый явный расизм». Речь идет «о достаточно широко распространенном сознательном расизме, о котором люди неплохо осведомлены, но не желают в нем признаться – особенно во время опросов... До появления статистики от Google у нас не было убедительного доказательства этой злобной неприязни» [4, с. 167–186].

Созерцательность восприятия мира практически исчезла из повседневной практики за счет чудовищного приближения к глазам наблюдателя объекта, теряющего из-за этого свой целостный, первоначальный облик. Как писал Бодрийяр, «наезд камеры на объект, по сути дела порносъемка, делает для нас реальным то, что реальностью никогда не было, что всегда имело смысл только на некотором расстоянии» [5, с. 93]. Однако сегодня информационное общество (и Биг дата это невольно демонстрирует) – это реальность крупных планов, а стало быть, вычурных ракурсов, диковинных интерпретаций, в конце концов, античеловеческих коллизий. И, конечно, ситуацию усугубляет хаотичная смена, пляска многозначительных деталей, которые вместо удивления и пристального внимания вызывают лишь опустошенность и равнодушие. Детабуизированность, объявленная новой эстетикой информационного общества, подразумевает упразднение памяти, стыда, рефлексии – тех самых точек фиксации бытия, которые могут и должны породить мысль.

Мысль концентрирует в себе два порой противоположных процесса – отражение и преобразование: восприятие окружающего мира, опыта, информации и одновременное преобразование всего воспринятого в акте мысли. Возможно, именно от этого возникает сладостное упоение самим процессом мышления. Однако для него требуется время – человекоразмерное время, которое бы соответствовало психоритму индивидуального, личностного восприятия и воздействия. Например, наше зрение в состоянии переходить от гипнотически-расслабленного к концентрированно-рентгеновскому всего за доли секунды. Зрение не постоянно: глаз посылает в отношении объекта определенные импульсы, саккады. «При спокойном созерцании отдельные фиксации длятся от 0,2 до 0,6 секунды, так что за секунду происходит от 2 до 5 саккад; при более лихорадочном обзоре саккады следуют чаще, а фиксации длятся соответственно все меньшее время» [6, с. 22]. Психологи говорят об «интенциональном зрении», которое формируется «в многолетнем процессе научения» [6, с. 26].

В современном информационном потоке ускорение информационных процессов есть не просто «невинное» следствие увеличения емкости и проводимости линий связи и совершенства вычислительных инструментов. Это прежде всего акт антигуманного отчуждения мысли. Мысль, ориентированная на Я-и-на-окружение, тонет в мгновенных вспышках сообщений, которые, мерцая, сменяют друг друга, не позволяя наступить рефлексии по поводу них. Это очень похоже на «гипноз наоборот» в случае с восприятием телевизионного контента (в случае с ТВ глазные импульсы-саккады периодически попадают в «черное поле», в пространство между экранными кадрами, тем самым не доставляя информацию мозгу. В результате психологи фиксируют угасание когнитивной активности, а в интернет-новостях – та же печальная картина, только с прямо противоположной технологической подоплекой: чрезмерное мельтешение информации отключает готовность прикладывать усилия для ее освоения).

Возникает новый вид антигуманизма – *цифровой гедонизм*. Отсутствие у личности возможностей проявить хоть какое-то усилие, чтобы реализовать свое право на понимание, оборачивается нравственной, душевной пассивностью, а стало быть, недоверием и закрытостью по отношению к Другому. Возникает антиколлективизм – скопище цифровых, безликих – безмысленных – социальных единиц, – вульгарутизм (от лат. *vulgus* [profānum] – [непосвященная] толпа). Социальная общность начинает возникать только тогда, когда становятся очевидными условия для выхода за границы этического прессинга со стороны технологий. В этом смысле WikiLeaks и Telegram похожи друг на друга не просто как контр-государственные сервисы, но как очаги смыслового нонконформизма.

Страх становится одним из действенных инструментов подавления коммуникативного инакомыслия со стороны информационных технологий (искусственного интеллекта): страх не успеть получить «адекватную» информацию, страх от многочисленных угроз, страх от безызвестности будущего. Такой грозный эмоциональный фон составляет подсознательную,

внесмысловую повседневность информационного общества, сама суть которого состоит в том, что человек отказался от понимания процессов (становления информации), «согласившись» лишь на восприятие человекообразных результатов действия все более усложняющихся (превращающихся во все более грозные) технологий.

В этом этическом пространстве есть парадоксальная гуманистическая перспектива. Она состоит в том, что граница, отделяющая человека от мысли, есть граница того самого мистического страха, рожденного цифровой эпохой. Вульгарутивные страхи имеют вполне очевидную медийную, коммуникативную подоплеку: разделяющие их люди получают благодаря им коммуникативные коды, позволяющие чувствовать социальную общность и при этом не выходить за рамки своей личностной замкнутости. На этом фоне любые личностные озарения объявляются чем-то экстраординарным, выходящим за пределы информационного мистицизма, чем-то недостижимым и тем самым лишь утверждающим сумрак современного бытия.

Техногуманизм информационного общества питается идеями трансгуманизма – «улучшения» человеческого естества с помощью информационных технологий. Эта якобы гуманная парадигма не оставляет человеку права на тупик, на отсутствие выхода, на последний рубеж, от которого, собственно, и начинается рождение лично воспринятого бытия. Действительно, цифровой гедонизм переводит социальные практики в якобы максимально «комфортное» поведение. В 2019 году председатель Сбербанка Г. Греф публично объявил, что хочет «убить экзамены» в школах для того, чтобы молодые люди не испытывали стрессов при оценке собственных знаний [см.: 7]. Антистрессовость как социальный «идеал» превращается в безысходность как реальность безмыслия.

Информационное пространство, сетевые сервисы в состоянии лишь зафиксировать человеческую мысль, создавая очередной повод для мгновенного всплеска эмоций в рядах фолловеров. Эта формальная, внешняя «объективированность» цифровой реальности постепенно удаляет ее от личности, превращая в самозамкнутую систему, в которой преобразующая, а не фиксирующая (псевдо)-мысль не находит отклика, не получает ответа, не изменяет ничего (ей на смену приходит другая, чужая, и вновь на короткое время – чьи-то личности, стоящие за этими вспышками, превращаются в механических клонов самих себя в обезличенном пространстве).

Неумолимость и необратимость информационного времени приводит к отсутствию памяти внутри системы. Быстрое забывание не есть следствие ускоряющихся процессов – это проявление бездушия системы, которой априори «все равно». В этом смысле «звезда ютьюба», какими бы саморазоблачительными и постыдными ни были ее поступки на экранах компьютеров, спустя несколько лет может все-таки «обновить биографию». Налицо темпорологический разрыв между все медленнее думающим человеком и все более ускоряющимся информационным потоком, между человеком, умеющим забывать, и неумолимо все помнящей механикой. Упрямая ре-объективация времени в информационном обществе бросает вызов свойству

мышления, способному останавливать время, разрушать границы, создавать новые миры. В результате в информационном обществе разворачивается причудливая, оруэлловская «война наоборот». Что победит – бессмысленность механических систем или безынициативность человека?

Презрение к человеку, питающее эту парадигму цифрового гедонизма, покоится на высокомерной уверенности идеологов-технократов, что праздность и отсутствие усилий есть тайная или явная цель любого человека. И именно в этой связи вычислительные системы берут на себя функции управления «умными вещами», интернетом вещей, оставляя людей в состоянии глуповатых школяров, неспособных к настоящему научению. Биг дата в полном соответствии с неклассическими принципами эпистемологии вновь и вновь подтверждают эту нехитрую этическую предпосылку.

Однако проблема состоит в том, что труд, в отличие от понимания его апологетами информационного общества, не исчерпывается лишь одними монотонными усилиями и бесконечной, стадной усталостью работа-человека. Он является еще и наградой, и феноменальным эстетическим полем, в котором разворачивается поистине нравственная картина становления человеческого Я. Именно труд как самоцель может стать новой этической опорой для приведения сознания «в порядок» после многочисленных экспериментов над ним со стороны политических и военных манипуляторов.

Надежда на это есть. Человеческое сознание уже многократно пробовало на себе самые совершенные, самые бездушные эксперименты, призванные, казалось бы, навсегда загнать личность в прокрустово ложе идеологий (и технологий). XX век изобилует такими сюжетами: от изошренных приемов нацистской пропаганды в первой половине столетия до клонирования миллиардов людей с помощью телевидения в конце второго тысячелетия. Однако эпоха техно-тоталитаризма в любых своих проявлениях вновь и вновь показывала свою недолговечность, вызывая недоуменное вопрошание потомков: как такое было возможно? Сознание вновь и вновь демонстрирует свою непросчитываемость и непредсказуемость. Современные методы математического моделирования, вероятно, в состоянии сегодня учесть значительную часть самых замысловатых и неожиданных векторов развития. Однако абсолютной формулы, очевидно, изобрести не удастся в принципе: Ахиллес, как бы ни строили прогнозы технократы, вряд ли в состоянии догнать черепаху.

Список литературы

1. Левин Я. Интернет как оружие. Что скрывают Google, Tor и ЦРУ. – М.: Индивидуум, 2019. – 360 с.
2. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
3. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. – М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. – 816 с.
4. Стивен-Давидовиц С. Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все. – М.: Эксмо, 2019. – 384 с.

5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – 96 с.
6. Пацлаф Р. Застывший взгляд. – М.: Evidentis, 2003. – 224 с.
7. Греф предложил «убивать» экзамены // Новые Известия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/07-09-2019/gref-prodolzhil-ubivat-ekzameny?ind=801> (дата обращения 27.09.2019).

References

1. Levine Y. Surveillance Valley. The Secret Military History of the Internet [*Internet kak oruzhie. Chto skryvayut Google, Tor i TsRU*]. Moscow, Individuum, 2019, 360 p.
2. Webster F. Theories of the Information Society [*Teorii informatsionnogo obschestva*]. Moscow, Aspekt Press, 2004, 400 p.
3. Mamardashvili M. K. Conversations about Thinking [*Besedy o myshlenii*]. Moscow, Fond Meraba Mamardashvili, 2015, 816 p.
4. Stephens-Davidowitz S. Everybody Lies: Big Data, New Data, and What the Internet Can Tell us about Who We Really Are [*Vse lgut. Poiskoviki, Big Data i Internet znayut o vas vse*]. Moscow, Eksmo, 2019, 384 p.
5. Baudrillard J. A l'ombre des majorites silencieuses, ou la fin du social [*V teni molchalivogo bolshinstva, ili Konets sotsialnogo*]. Ekaterinburg, UrGU, 2000, 96 p.
6. Patzlaff R. Der gefrorene Blick. Physiologische Wirkungen des Fernsehens und die Entwicklung des Kindes [*Zastyvshiy vzglyad*]. Moscow, Evidentis, 2003, 224 p.
7. Gref Proposed to 'Kill' Exams [*Gref predlozhil "ubivat" ekzameny*]. Available at: <https://newizv.ru/news/society/07-09-2019/gref-prodolzhil-ubivat-ekzameny?ind=801> (accessed 27 September 2019).

УДК 101.1:316

Риски информационного общества: социально-философский анализ*

Крайнов Андрей Леонидович – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова, кафедра социально-правовых и гуманитарно-педагогических наук, кандидат философских наук, доцент, Саратов, Россия.

Email: krainoval@sgau.ru

410012, Россия, г. Саратов, Театральная пл., д. 1,
тел.: +7 (8452) 23-72-60.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Рискогенность информационного общества, проявляющаяся, прежде всего, в полной зависимости человека от информационных технологий и утрате самого себя, уже привлекает внимание многих исследователей. Выработка эффективных приемов нейтрализации негативных влияний современных информационных технологий на человека является одной из важных задач науки XXI века.

Результаты: Виртуализация социального бытия не только упрощает коммуникацию между людьми и совершение покупок, но также способствует утрате личностью чувства реальности и снижению критического мышления, подвергает ее суггестивному воздействию со стороны мошенников. Длительное время пребывания в Интернете пагубно влияет на психическое здоровье, особенно молодого поколения, приводя к неврозам и психозам. Преодолению рисков информационного общества способствует повышение компетентности человека в области информационных технологий, с одной стороны, а, с другой, уменьшение времени пребывания перед экраном гаджета.

Выводы: Исправлению ситуации может способствовать минимизация времени, проводимого за цифровым гаджетом, оздоровление организма с помощью рекреации, активного отдыха и экологического туризма, то есть возврат к природе как истинной колыбели человечества.

Ключевые слова: информационное общество; гаджеты; общество риска; виртуальное бытие; рекреация.

Risks of Information Society: Socio-Philosophical Analysis

Krainov Andrei Leonidovich – Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov, Department of Humanities, PhD (Philosophy), Associate Professor, Saratov, Russia.

Email: krainoval@sgau.ru

* © А. Л. Крайнов, 2019.

1, Theater Square, Saratov, 410012, Russia,
tel.: +7 (8452) 23-72-60.

Abstract

Background: The riskiness of information society, which is manifested primarily in the complete dependence of people on information technology and the loss of themselves, has already attracted the attention of many researchers. The development of effective methods of neutralizing the negative effects of modern information technology on humans is one of the important tasks of XXI century science.

Results: Virtualization of social being not only simplifies people's communication and shopping, but also contributes to the loss of their sense of reality and a decrease in critical thinking, exposing them to suggestive influence from scammers. A long time on the Internet adversely affects mental health, especially of the younger generation, leading to neurosis and psychosis. Improving humans' competence in the field of information technology, on the one hand, and, reducing the time spent in front of the gadget screen, on the other hand, help to overcome the risks of information society.

Conclusion. The appeal to real life – to nature – expressed in recreational activities and ecological tourism, contributes to the rapid recovery of people from digital fatigue.

Keywords: information society; gadget; risk society; virtual being; recreation.

Формирование информационного общества представляет собой очередной этап развития техники и технологий, изначальная цель которых заключается в облегчении бытия человека. Придя на смену индустриальному и постиндустриальному (в данном случае – обществу потребления), информационное общество минимизирует роль тяжелого физического труда, автоматизируя различные производственные и бытовые процессы, способствуя, таким образом, ускорению социального времени.

С одной стороны, информатизация человеческой жизни является неотъемлемым свойством процессов глобализации и представляет собой социальное благо, давая каждому безграничный доступ к информации, стирая границы между людьми, упрощая процессы пользования техникой и ведения коммерческих операций. Но проблема заключается в том, что информационная модель социального бытия содержит в себе много скрытых рисков – как известных, так и еще непроявленных, заставляя тем самым каждого вовлеченного в нее участника постоянно быть alertным, ожидая в любой момент непредвиденной ситуации.

В чем же заключается рискогенность информационного общества? Для выяснения сути проблемы следует обратиться к феномену виртуальной реальности и на его примере показать и проанализировать различные риски, возникающие в данном типе общества. Согласно В. А. Емелину, цифровые технологии по мере своего совершенствования и вплетения в культурно-исторический контекст все в большей степени приобретают виртуальный

характер, перестают отражать и начинают симулировать действительность [см.: 1, с. 95]. Эта симуляция способствует постепенному изменению сознания человека, вовлеченного в виртуальный мир, главная опасность которого заключается в том, что мы его не контролируем [см.: 2], напротив, он контролирует нас посредством сотен компаний-создателей данного мира, отслеживающих все наши действия в нем, регистрирующих наши предпочтения и социальные связи, меняющих на ходу правила игры, не всегда уведомляя нас об этом, что только усиливает чувство постоянной опасности.

Риски информационного общества связаны с такими его сущностными и взаимоисключающими характеристиками, как тотальный контроль и анонимность. В этом заключается главный парадокс феномена информационного общества. С одной стороны, реализация информационных технологий способна обеспечить жесткий контроль и учет всех действий человека с информацией, более того, они успешно применяются и для контроля за самим человеком, с другой стороны, будучи лишь посредником между людьми, информационные технологии не отвечают за достоверность и актуальность информации, которая передается посредством их. На основе данных эссенциальных характеристик феномена информационного общества возникает множество рисков для всех вовлеченных в него субъектов информационного взаимодействия.

Тотальный контроль со стороны цифровых устройств и компаний-разработчиков информационных приложений позволяет следить за пользователем информационных услуг посредством цифровых гаджетов, с которых осуществляется деятельность в информационной среде. Любой смартфон сегодня не только является средством связи и коммуникации в сети Интернет, но и представляет собой шпионское устройство, готовое в любую минуту подглядывать за своим хозяином через видеокамеру, прослушивать его через микрофон и определять его местоположение посредством сервиса геолокации, а несъемный аккумулятор (современный тренд в области производства смартфонов) не позволит пресечь данный процесс.

Так ли это опасно, если владелец цифрового гаджета – законопослушный гражданин, а не преступник, находящийся в федеральном розыске?

На первый взгляд, порядочному человеку не стоит беспокоиться по поводу технических возможностей гаджетов осуществлять за ним слежку, тем не менее, специалисты Центра цифровой экспертизы Роскачества рекомендуют клеивать фронтальную камеру смартфона изолентой или скотчем, что связано с активностью со стороны мошенников и злоумышленников, преследующих цель скомпрометировать хозяина цифрового гаджета, заполучив фотографии его окружения [см.: 3]. В группе риска прежде всего находятся чиновники и госслужащие, имеющие доступ к гостайне, секретной информации, также сюда входят лидеры общественного мнения, звезды шоу-бизнеса, известные предприниматели и бизнесмены. В связи с этим в марте 2019 г. вступил в силу Федеральный закон, запрещающий военным пользоваться смартфонами [см.: 4].

Анонимность как противоположная цифровому контролю характеристика информационного общества представляет собой не меньшую опасность, так как, в отличие от первой, охватывает всех без исключения участников информационного взаимодействия. Если цифровой контроль на данной стадии развития информационного общества в большей степени реализуется пассивными методами сбора статистики о всех действиях пользователя в Интернете и связанных с ним приложениях, то никто не застрахован от взаимодействия с анонимным источником информации по ту сторону экрана, что нередко приводит к серьезным ошибкам со стороны доверившегося анонимности. Если на заре становления и развития глобальной сети Интернет анонимность интерпретировалась большинством пользователей сети как свобода, как возможность реализации своих скрытых чувств, желаний и намерений, то сегодня данная характеристика информационного общества представляет наибольшую угрозу для мира в связи с возможностью осуществления на ее основе экстремистских и террористических действий [см.: 5, с. 38]. Сегодня на полном серьезе рассматривается вопрос о деанонимизации Интернета, одним из вариантов решения проблемы видится осуществление входа в глобальную сеть по паспорту [см.: 6].

Дихотомия контроля и свободы, таким образом, представляет собой онтологическую основу информационного общества, а постоянная борьба между ними – способ его существования. Победить в этой борьбе никакая из эссенциальных характеристик информационного общества не может, напротив, в процессе ее происходит развитие новых информационных технологий и средств коммуникации. Поэтому целесообразно не бороться с глобальной информатизацией, которая представляет собой закономерные этапы развития и передачи информации, опасаясь всевозможных рисков, а уметь избегать их за счет повышения уровня компетентности в области информационных технологий и их влияния на человека.

Воевать с тенденцией развития информационного общества с помощью системы запретов и разрешений представляется крайне неэффективным. Закрытие глобальной сети Интернет на китайский манер несколько не снизит вероятность рисков, но будет способствовать развитию иных неподконтрольных способов коммуникации. Более ценным является профилактика негативного влияния процессов информатизации с помощью ликвидации безграмотности общества в области информационных рисков.

Все риски информационного общества можно условно разделить на технические (наиболее известные), связанные со взломом компьютера либо аккаунта социальной сети хакерами, кражей паролей от банковских карт и денег со счета, социальные и личностные. Если технические риски можно предотвратить, соблюдая элементарную технику информационной безопасности, связанную с использованием лицензионного программного обеспечения, антивирусов и файрволов, то социальные и личностные риски наиболее сложны для распознавания и представляют собой реальную угрозу для общества и личности.

Информационное общество, постоянно воздействуя на человека, меняет его когнитивные способности, формируя клиповое мышление, основанное на фрагментарном восприятии огромного потока информации. Эти изменения происходят незаметно, но их результат очень печален, так как клиповое мышление способствует снижению аналитических способностей его носителей. По мнению О. А. Старицыной, «мозг начинает саботировать избыточную информацию, включая защитные механизмы организма, такие как избегание, отторжение, лень...» [7, с. 336]. Это приводит к тому, что современная молодежь, взращенная информационными технологиями, оказывается не способна критически мыслить и воспринимать серьезную информацию, анализировать научные тексты, работать с первоисточниками [см.: 8, с. 4]. Одной из причин данного феномена является сформировавшаяся зависимость молодого поколения от цифровых гаджетов и таких методов работы с информацией, предоставляемой посредством их, как постоянное переключение экранов приложений, скроллинг, лаконичность подачи информации в твитах, сообщениях и постах.

Фрагментарность и мелькание разнообразной информации, получаемой посредством смартфона, не оставляет времени его владельцу на ее анализ. В итоге формируется новый – клиповый способ восприятия информации, представляющий собой серьезнейшую социальную и личностную опасность, проявляющийся в деградации когнитивных способностей человека. Масштабы этой деградации настолько велики, что сегодня на федеральном уровне рассматривается вопрос о запрете использования смартфонов и прочих цифровых гаджетов в школе, так как это не только мешает учебному процессу, но и пагубно влияет на психику детей [см.: 9].

Клиповизация мышления молодежи делает его открытым для суггестивного воздействия, вследствие чего возникают риски совершить множество необдуманных поступков.

К ним относятся:

- совершение покупок фейковых товаров и услуг онлайн, когда покупатель не удостоверился в подлинности сайта и самой компании-рекламодателя;
- попадание в религиозные деструктивные секты и террористические организации;
- вера мошенникам и брачным аферистам, проявляющаяся в добровольном переводе им денежных средств.
- передача конфиденциальных данных от своей банковской карты или платежной системы третьим лицам.

Вышеперечисленные социальные риски информационного общества связаны с отсутствием критического мышления у лиц им подвергнувшихся, что является следствием клипового мышления.

К группе личностных рисков информационного общества можно отнести различного рода зависимости от гаджетов, а также психозы и неврозы, образующиеся при этом. Согласно исследованию компании Counterpoint, каждый четвертый пользователь проводит за смартфоном более семи часов в день [см.: 10]. Это говорит о серьезной зависимости от цифровых технологий.

Сегодня, когда смартфон является не только устройством связи, но и банковской картой, органайзером, электронной книгой, мультимедиа-девайсом, он приобретает важнейшее место в системе ценностей человека. Достаточно забыть взять с собой это устройство, чтобы потерять покой на весь день.

В. В. Титова приводит следующие психопатологические симптомы и синдромы, связанные с использованием смартфонов, планшетов, компьютеров и Интернета: номофобия – страх остаться без цифрового гаджета; синдром фантомного звонка, когда человеку кажется, что телефон звонит; киберхондрия – самолечение посредством советов на форумах в Интернете, даже если человек абсолютно здоров; киберболезнь – индивидуальная непереносимость гаджета после обновления операционной системы; зависимость от социальных сетей; Facebook-депрессия; Интернет-зависимость; эффект поисковой строки – когда неспособность мыслить приводит к поиску ответов на все вопросы в поисковых системах; измененные состояния сознания и потеря способности полностью присутствовать в реальной жизни; искажения реальности; расстройство внимания; нарушение сна; потеря способности к эмпатии и эмоциональной связи с другими людьми; повышение эгоцентризма, изоляция от друзей и семьи в реальной жизни [см.: 11, с. 6].

Как преодолеть негативные стороны тенденции глобальной информатизации, сказывающиеся не только на развитии техники, но и на самой сущности человека, превращающие последнего в придаток информационных технологий?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к проблеме экологии человека, ставящей своей задачей изучение взаимоотношения человека с окружающей средой. Информационные технологии как порождение техносферы являются второй природой, отделяющей человека от своих биологических корней. Призванная максимально облегчить бытие человека на заре его развития техника подменила собой его естественную (природную) среду обитания, вытеснив последнюю за пределы человеческого бытия. В качестве примера достаточно вспомнить, как в середине XX века проводили свободное время люди: гуляли, играли во дворе в активные игры, общались при личной встрече, проводили время на природе. Сейчас большую часть времени человечество проводит перед экраном смартфона, предпочитая виртуальное общение реальному.

Таким образом, исправлению ситуации может способствовать минимизация времени, проводимого за цифровым гаджетом, оздоровление организма с помощью рекреации, активного отдыха и экологического туризма, то есть возврат к природе как истинной колыбели человечества. Сплавы на байдарках, велосипедный и пеший туризм, походы выходного дня, не требующие специальных знаний, навыков и умений, способны оздоровить организм, задавленный грузом цифрового общества. Физические нагрузки, пребывание в красивейших природных местах с отсутствием сотовой связи и, соответственно, мобильного Интернета, заставят человека по-новому взглянуть на свое бытие и место в нем информационных технологий. Естественно, риски информационного общества от этого никуда не денутся, но отдохнувший от

информационной перегрузки мозг будет способен критически мыслить и анализировать возникающие ситуации, следовательно, будет в состоянии противостоять информационным рискам.

Список литературы

1. Емелин В. А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3 (23). – С. 86–97.
2. «Постмаклюдн»: как виртуальная реальность изменяет наше сознание // Моноклер – медиа о культуре, человеке и обществе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://monocler.ru/kak-virtualnaya-realnost-izmenit-nashe-soznanie/> (дата обращения 08.10.2019).
3. Мельник Г. Зачем заклеивать камеру смартфона // Всё о законах РФ – Парламентская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/zachem-zakleivat-kameru-smartfona.html> (дата обращения 08.10.2019).
4. Федеральный закон от 6 марта 2019 года №19-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 28.5 Федерального закона “О статусе военнослужащих”» // Российская газета. – № 52. – 11.03.2019.
5. Батоев В. Б. Проблемы противодействия экстремистской деятельности, осуществляемой с использованием сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 2. – С. 37–43.
6. Зыков В. Деанонимизация Интернета – это неизбежный процесс // Известия – новости политики, экономики, спорта, культуры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/686381> (дата обращения 08.10.2019).
7. Старицына О. А. Клиповое мышление как условие успешности информационных войн // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 335–339.
8. Семеновских Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал «Наукovedение». – 2014. – Выпуск 5 (24). – С. 1–10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (дата обращения 08.10.2019).
9. В России хотят запретить мобильные телефоны в школах // РИА Новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190704/1556212782.html> (дата обращения: 08.10.2019).
10. Каждый четвертый пользователь проводит за смартфоном более 7 часов в день // Популярная механика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.popmech.ru/gadgets/news-391692-kazhdyy-chetvyortyy-polzovatel-provodit-za-smartfonom-bolee-7-chasov-v-den/> (дата обращения 08.10.2019).
11. Титова В. В. Киберпатология: результаты исследования и пути профилактики // Вестник московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/849> (дата обращения 08.10.2019). DOI: 10.18384/2224-0209-2017-4-849.

References

1. Emelin V. A. Simulacra and Virtualization Technologies in the Information Society [Simulyakry i tekhnologii virtualizatsii v informatsionnom obschestve]. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal* (National Psychological Journal), 2016, № 3 (23), pp. 86–97.
2. PostMcLuhan: How Virtual Reality Changes Our Consciousness [*Postmakluen: kak virtualnaya realnost izmenyaet nashe soznanie*]. Available at: <https://monocler.ru/kak-virtualnaya-realnost-izmenit-nashe-soznanie/> (accessed 08 October 2019).
3. Melnik G. Why Smartphone Camera Must Be Covered? [*Zachem zakleivat kameru smartfona?*]. Available at: <https://www.pnp.ru/social/zachem-zakleivat-kameru-smartfona.html> (accessed 08 October 2019).
4. Federal Law of March 6, 2019 № 19-FZ “On Amending Articles 7 and 28.5 of the Federal Law ‘On the Status of Military Personnel’” [Federalnyy zakon ot 6 marta 2019 goda № 19-FZ “O vnesenii izmeneniy v stati 7 i 28.5 Federalnogo zakona ‘O statuse voennosluzhashchikh’”]. *Rossiyskaya gazeta* (Russian Newspaper), № 52, 11.03.2019.
5. Batoev V. B. Problems of Countering Extremist Activities Carried Out Using the Internet [Problemy protivodeystviya ekstremistskoy deyatelnosti, osuschestvlyаемoy s ispolzovaniem seti Internet]. *Vestnik Voronezhskogo Instituta MVD Rossii* (The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia), 2016, № 2, pp. 37–43.
6. Zykov V. The Deanonymization of the Internet Is an Inevitable Process [*Deanonimizatsiya Ingterneta – eto neizbezhnyy protsess*]. Available at: <https://iz.ru/news/686381> (accessed 08 October 2019).
7. Staritsyna O. A. Clip Thinking as a Condition for the Success of Information Wars [Klipovoe myshlenie kak uslovie uspehnosti informatsionnykh voyn]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* (Azimuth of Scientific Research: Economics and Management), 2018, Vol. 7, № 1 (22), pp. 335–339.
8. Semenovskikh T. V. The Phenomenon of Clip Thinking in the Educational Environment of the University [Fenomen klipovogo myshleniya v obrazovatelnoy vuzovskoy srede]. *Internet-zhurnal Naukovedenie* (Internet Journal “Science Studies”), 2014, № 5 (24), pp. 1–10.
9. In Russia Want to Ban Cell Phones in Schools. [*V Rossii khotyat zapretit mobilnye telefony v shkolakh*]. Available at: <https://ria.ru/20190704/1556212782.html> (accessed 08 October 2019).
10. Every Fourth User Spends More than 7 Hours a Day on a Smartphone [Kazhdyy chetvertyy polzovatel provodit za smartfonom bolee semi chasov v den]. Available at: <https://www.popmech.ru/gadgets/news-391692-kazhdyy-chetvyortyy-polzovatel-provodit-za-smartfonom-bolee-7-chasov-v-den/> (accessed 08 October 2019).
11. Titova V. V. Cyberpathology: Research Results and Ways of Prevention [Kiberpatologiya: rezultaty issledovaniya i puti profilaktiki]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* (Bulletin of the Moscow State Regional

University), 2017, № 4. Available at: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/849>
(accessed 08 October 2019). DOI: 10.18384/2224-0209-2017-4-849.

УДК 165.12; 165.3

Самовнушение: интеграция сознательного и бессознательного в саморегуляции личности*

Юрова Ирина Валерьевна – консалтинговая группа ВІТОВЕ, контент-директор, кандидат философских наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: i.yurova@bitobe.ru

196084, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 79-А,

тел.: 8 (812) 677-50-88.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Обилие внедряемых в настоящее время практик саморегуляции и повышения осознанности личности при принятии решений и в применении знаний заставляет задуматься о том, каким именно образом достигается рост регулятивности в отношении бессознательного, если такая задача ставится осознанно, а также – насколько эффективны предлагаемые методы.

Результаты: Несмотря на то, что практической психологией предпринимаются попытки объяснить сознательную регуляцию бессознательного, контур проблемы саморегуляции имеет и гносеологическую направленность. Попытки сознательного влияния на бессознательные процессы с помощью самовнушения затрагивают познавательные установки, не только меняя восприятие, но и предопределяя дальнейшее формирование опыта.

Область применения: Уточнение понятия самовнушения и раскрытие его гносеологических характеристик позволяет шире взглянуть на применение методов саморегуляции в психологии, педагогике, менеджменте и других сферах научно-практического знания. В частности, самовнушение, понимаемое как разрешение конфликта установок, направляет усилия личности на формирование социально одобряемого опыта в противовес бессознательно привычным реакциям.

Выводы: Самовнушение – сложное сознательное воздействие на собственное бессознательное, которое становится возможным лишь при условии конструирования образа Другого, то есть является, по своей сути и происхождению, intersубъективной функцией. Таким образом, успешность применения самовнушения в контексте социально значимых инструментов зависит также и от успешности социализации как таковой.

Ключевые слова: самовнушение; внушение; саморегуляция; установка; познание; сознание; бессознательное; intersубъективность; Другой.

* © И. В. Юрова, 2019.

Self-Hypnosis: the Integration of the Conscious and the Unconscious in the Self-Regulation of Personality

Yurova Irina Valerievna – BITOBE Consulting Group, Content Director, PhD (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Email: i.yurova@bitobe.ru
79-A, Moskovsky pr., Saint Petersburg, 196084, Russia,
tel.: 8 (812) 677-50-88.

Abstract

Background: The abundance of implemented practices of self-regulation and increasing personal awareness in decision-making and in the application of knowledge makes us think about how the growth of regulatory activity in relation to the unconscious is achieved, if such a goal is set consciously, and how effective the proposed methods are.

Results: Despite the fact that attempts to explain the conscious regulation of the unconscious are made by practical psychology, the contour of the problem of self-regulation also has an epistemological focus. Attempts to influence consciously unconscious processes through self-hypnosis affect cognitive attitudes, changing not only perception, but also anticipating the further acquisition of experience.

Implications: Clarification of the concept of auto-suggestion and the disclosure of its epistemological characteristics allows you to take a broader look at the application of self-regulation methods in psychology, pedagogy, management and other areas of scientific and practical knowledge. In particular, self-hypnosis, understood as the resolution of a conflict of attitudes, directs the person's efforts to gain a socially approved experience as opposed to unconsciously familiar reactions.

Conclusion: Self-hypnosis is a complex conscious impact on one's own unconscious, which becomes possible only if the image of the Other is constructed, that is, by its nature and origin, is an intersubjective function. Thus, the success of self-hypnosis in the context of socially significant tools also depends on the success of socialization as such.

Keywords: auto-suggestion; suggestion; self-regulation; attitude; cognition; consciousness; unconscious; intersubjectivity; Other.

Ускорение темпов развития и тенденция к увеличению обрабатываемой за единицу времени информации создает в обществе запрос на развитие практик саморегуляции и повышения осознанности личных действий и знаний. Этот запрос подразумевает в числе прочего и сознательное, в определенной мере, управление бессознательными процессами. И хотя иногда под предложением пройти курс «роста осознанности» скрывается манипулятивное намерение, потребность лучше ориентироваться в потоке информации при принятии значимых решений вынуждает личность прибегать к различным практикам самовнушения и саморегуляции – от медитации и простого аутотренинга до обучающих курсов с комбинацией аффирмаций и приемов самоконтроля.

Учитывая, что запрос на саморегуляцию и осознанность уже прочно вошел в управленческую сферу, важно понять, каким именно образом достигается рост регулятивности в отношении бессознательного, если такая задача ставится осознанно, а также – насколько эффективны предлагаемые сегодняшним рынком методы. Стоит отметить, что в узком понимании саморегуляцией личности считается «способность преодолевать мысли, эмоции, импульсы и автоматическое или привычное поведение»; в более широком – «мотивированное, целенаправленное поведение, включающее планы и стратегии для достижения целей» [10, с. 688]. Самовнушением принято считать адресованное самому себе внушение, повышающее управляемость своими состояниями и действиями с помощью создания и закрепления новых установок.

Самовнушение, рассматриваемое с точки зрения регулятивности, как правило, изучается в психологическом контексте. Гносеологически оно остается малоизученным, хотя затрагивает вопрос управления восприятием, а значит, и формирования опыта. Самовнушение нельзя отнести к самоубеждению, потому что к нему прибегают тогда, когда рациональные аргументы недостаточны, и в дальнейших действиях необходимо использовать глубинные установки для формирования уверенности в чем-либо конкретном [см.: 3, с. 80]. Нельзя убедить себя в том, что касается предмета веры, но можно внушить себе веру, и в этом раскрывается роль самовнушения в подкреплении осознанного выбора того или иного решения. Интеграция сознательного выбора и бессознательных установок в акте веры, пожалуй, является наиболее емким и широким пониманием самовнушения: речь может идти о самоотношении, о мнении по поводу будущих действий в конкретной ситуации, об устойчивости собственной приверженности к определенным целям, ценностям и идеалам. Другими словами, условием самовнушения является решение личности воздействовать на свое бессознательное для усиления установки на достижение желаемого результата.

В первую очередь следует признать, что многие социально-психологические барьеры, которые позволяет преодолеть самовнушение – неуверенность в себе, трудности переключения внимания, рассеянность – связаны с гносеологической неопределенностью ситуации, в которой человек сталкивается с непреодолимыми для него ограничениями. Психологические эффекты надстраиваются над событием, вызывающим трудноразрешимый внутренний конфликт. Столкновение групповых ценностей, индивидуальных потребностей и установок провоцирует сознание на «вмешательство» в область бессознательного, так как бессознательно ценностный конфликт не находит разрешения и начинает сказываться на эффективности. Доведение такого кризиса до осознания заключается в понимании, что «так больше продолжаться не может», и формулирует запрос личности на трансформацию поведения.

Если внушение встраивается благодаря тому, что уже есть в опыте, то есть к уже существующему бессознательному запросу, выражаемому, например, в тревоге за близкого человека или в желании самоутвердиться, то самовнушение нередко прорабатывает путь для бессознательного усвоения совершенно новой

установки. Ценность отказа от вредной привычки может быть вполне осознанной, но при этом противоречить устойчивой потребности в снижении стресса. Таким образом, отвергая уже работающую «вредную» установку, к самовнушению прибегают тогда, когда сознательно стараются увеличить для бессознательного ценность одного способа действия, социально более значимого, в ущерб другому, привычному, автоматическому и, возможно, психологически более естественному. Например, когда необходимо повысить ценность победы в противовес страху перед публикой или получением травмы. Самовнушение в таких случаях предстает способом сознательного управления конфликтующими ценностями и установками, когда ситуация аксиологически и гносеологически не вполне определена. Аксиологически – потому что до конца неясна ценность внушаемого образа действий, и уверенность не возникает сама по себе. Гносеологически – потому что ситуация, в которой применяется самовнушение, сама по себе труднопрогнозируема, и именно поэтому провоцирует или обостряет ценностный конфликт.

Самовнушение подразумевает выбор образа действия и его подкрепление в пользу конкретного результата, которого может и не быть. Например, спортивная команда, несмотря на победный настрой, может проиграть в силу объективных обстоятельств, а приверженцы религиозного культа, несмотря на проведенный ритуал, могут не получить знамение, на которое рассчитывали. Поэтому можно сказать, что самовнушение предполагает самостоятельное определение индивидом или группой желаемого результата поведения и расценивается как усилие, прилагаемое для его достижения. «Позитивный образ мыслей» формирует «позитивный образ действий», эмоционально и интеллектуально не давая отвлечься на проработку негативных сценариев. Так, самовнушение мобилизует ресурсы психики для единственно приемлемого результата и в этом смысле самовнушение, действительно, эффективно. Оно экономит те силы, которые с большой степенью вероятности были бы непродуктивно потрачены личностью на прогнозирование всех последствий неопределенной ситуации.

Стоит подчеркнуть, что познавательное ограничение, которое накладывает самовнушение, не стоит понимать как регрессию, потому что оно предполагает отказ от других ограничений – тех установок, которые укоренились в поведении, и которые подлежат ревизии, то есть их ценность подвергается осознанному сомнению. Самовнушение требует переопределения ситуации и субъекта в ней, поэтому регулятивно меняет восприятие, помогает смотреть «другими глазами» и делать этот новый фокус внимания привычным.

Марк Лири, занимающийся вопросами психологии личности и неврологии, а также его соавторы, называя слабоэгоистическим уровень саморегуляции, не требующей осознанности, отмечают парадокс: даже понимая, что в ситуации лучше действовать автоматически, люди не могут перестать себя контролировать [см.: 8; 9]. Таким образом, мы вынуждены производить сознательные действия, чтобы снизить степень своей осознанности. Сознательный контроль замедляет обработку информации и повышает когнитивную нагрузку за счет оценки ситуации и прогнозов будущих

результатов: нежелательные мысли и неприятные чувства возвращаются, получая подпитку в саморефлексии, а выполнение задач ставится под угрозу тем, что субъект «слишком много думает». Такой самоконтроль авторы называют контрпродуктивным, а сам способ мышления – «озабоченным», приводя в пример исследования, согласно которым попытки сознательно ограничить свое питание являются предиктором переедания. Слабоэгоистическая саморегуляция «включает в себя усилия по изменению мыслей, чувств или поведения путем намеренного отказа от контроля» [8, с. 79]. Так, самовнушение позволяет решить проблему того, кто «слишком много думает»: определенный уровень сознательного контроля вводится специально для того, чтобы снизить сознательный самоконтроль и перевести желаемые действия в автоматические [см.: 5, с. 130]. Диалектическое понимание саморегуляции раскрывает понятие роста осознанности как развитие осознанности в выборе тех действий и знаний, которые необходимо интегрировать в бессознательное для выработки новых полезных установок и автоматизмов.

Марк Лири признает, что направленная на снижение контроля сознания саморегуляция эффективна тогда, когда задача, которую она позволяет решить, проста, конкретна или разложима на простые действия. Если личность размышляет над своими чувствами, мотивами и мыслями или сосредоточена на том, что думают другие, переключиться с сознательного контроля на автоматические, неосознанные процессы намного труднее [см.: 8].

Самовнушение, в сравнении с внушением, – эволюционно более поздний адаптивный механизм [см.: 1, с. 111–116]. Такой вывод можно сделать, поскольку речь идет о сознательной опосредованности действий, предполагающей, что роль внушающего Другого выполняет внутренний Другой [см.: 7]. Способность внутреннего распределения ролей заставляет по-новому взглянуть на то, каким является самоотношение практикующего самовнушение. Как пишет В. А. Лекторский, «сознание в действительности выходит за собственные рамки и указывает на внешнюю реальность» [6, с. 17]. Если психиатрия констатирует в случае психической патологии бессознательно отчуждаемые проявления Я («голоса», деперсонализация, дереализация), то применение самовнушения выводит контроль над разнообразием Я-проявлений на более высокий уровень – самосознания.

Самовнушение как феномен ярко иллюстрирует интерсубъективность психики: отчуждаемое Я берет на себя роль Другого, исходя из уже имеющегося опыта и поставленной цели, и воздействует на собственное бессознательное в этой роли, находя новую «точку сборки» для разрешения внутреннего конфликта. Этой способности раздвоения личности на внушающего и внушаемого онтогенетически предшествует интериоризация роли родителя и филогенетически – автоматизация зеркальными структурами нейронов интерсубъективных взаимодействий. Соответственно, способность к самовнушению, а в более общем контексте – способность управлять собственными бессознательными процессами требует от человека

определенного уровня развития социальности, при котором Я-Другой может стать инструментом целенаправленного изменения своего поведения.

Самовнушение, рассматриваемое в контексте интересубъективности и познавательных установок, создает новый ракурс для современных исследований проблем свободы воли [см.: 2; 4]. Неосознаваемость действий личности не означает отсутствия свободы воли: феномен самовнушения указывает на то, что свобода выбора в социальном пространстве открывает широкий спектр приемов самосозидания, а однажды сформированная целесообразная установка способна определять совокупность множества бессознательных актов в рамках осознанно выбранной стратегии.

Список литературы

1. Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П. Феномен сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.
2. Дубровский Д. И. Проблема познания чужой субъективной реальности // Философия науки. – 2012. – Выпуск 17 – Эпистемологический анализ коммуникации. – С. 24–39.
3. Ерунов Б. А. Мнение в системе человеческого познания / отв. редактор Б. Д. Парыгин. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973. – 188 с.
4. Кричевец А. Н. Субъект и интересубъективная психика. Феноменология в междисциплинарной перспективе // Вопросы философии. – 2018. – № 2. – С. 122–134.
5. Кричевец А. Н. Cogito, Другой и представления о психическом // Методология и история психологии. – 2010. – Том 5. – Выпуск 1. – С. 122–135.
6. Лекторский В. А. Являются ли иллюзией представления о субъективном мире? // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. – М.: Аквилон, 2017. – С. 7–21.
7. Юрова И. В. Я и Другие: вызовы для автономного мышления // CredoNew. – 2017. – № 2 (90). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://credo-new.ru/archives/1048> (дата обращения 01.12.2019).
8. Leary M. R., Adams C. E., Tate E. B. Hypo-Egoic Self-Regulation // Handbook of Personality and Self-Regulation / Ed. by Rick H. Hoyle. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2010. – Pp. 474–497.
9. Leary M. R., Adams C. E., Tate E. B. Hypo-Egoic Self-Regulation: Exercising Self-Control by Diminishing the Influence of the Self // Journal of Personality. – 2006. – Volume 74. – Iss. 6. – Pp. 1803–1832.
10. Trommsdorff G. Culture and Development of Self-Regulation // Personality and Social Psychology Compass. – 2009. – Vol. 3. – Iss. 5. – Pp. 687–701.

References

1. Beskova I. A., Gerasimova I. A., Merkulov I. P. The Phenomenon of Consciousness [*Fenomen soznaniya*]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2010, 367 p.
2. Dubrovsky D. I. The Problem of Knowing Someone Else's Subjective Reality [Problema poznaniya chuzhoy subektivnoy realnosti]. *Filosofiya nauki* (Philosophy of Science), 2012, Iss. 17 – Epistemological Analysis of Communication, pp. 24–39.

3. Erunov B. A. Opinion in the System of Human Cognition [*Mnenie v sisteme chelovecheskogo poznaniya*]. Leningrad, LGPI im. A. I. Gertsena, 1973, 188 p.

4. Krichevets A. N. The Subject and Intersubjective Psyche. Phenomenology in an Interdisciplinary Perspective [Subekt i intersubektivnaya psikhika. Fenomenologiya v mezhdistsiplinarnoy perspektive]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2018, № 2, pp. 122–134.

5. Krichevets A. N. Cogito, Other and Ideas about the Psychic [Cogito, Drugoy i predstavleniya o psikhicheskom]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* (Methodology and History of Psychology), 2010, Vol. 5, Iss. 1, pp. 122–135.

6. Lektorsky V. A. Are the Ideas about the Subjective World Illusions? [Yavlyayutsya li illyuziey predstavleniya o subektivnom mire?]. *Subektivnyy mir v kontekste vyzovov sovremennykh kognitivnykh nauk* (The Subjective World in the Context of the Challenges of Modern Cognitive Sciences). Moscow, Akvilon, 2017, pp. 7–21.

7. Yurova I. V. Me and Others: Challenges for Autonomous Thinking [Ya i Drugie: vyzovy dlya avtonomnogo myshleniya]. *Credo New* (Credo New), 2017, № 2 (90). Available at: <http://credo-new.ru/archives/1048> (accessed 01 December 2019).

8. Leary M. R., Adams C. E., Tate E. B. Hypo-Egoic Self-Regulation. *Handbook of Personality and Self-Regulation*. Oxford, Blackwell Publishing Ltd., 2010, pp. 474–497.

9. Leary M. R., Adams C. E., Tate E. B. Hypo-Egoic Self-Regulation: Exercising Self-Control by Diminishing the Influence of the Self. *Journal of Personality*, 2006, Vol. 74, Iss. 6, pp. 1803–1832.

10. Trommsdorff G. Culture and Development of Self-Regulation. *Personality and Social Psychology Compass*, 2009, Vol. 3, Iss. 5, pp. 687–701.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 94 (470.23–25)_061(=162.1)“1918–1929”

Становление советских польских клубов и Дома просвещения в Петрограде – Ленинграде (1918–1920-е гг.)^{*}

Работа выполнена при поддержке Центра польско-российского диалога и взаимопонимания (договор №7/2019 от 19.06.2019 г.)

Смирнова Тамара Михайловна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, профессор, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

Email: mokva@inbox.ru

190000, Россия, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 67,
тел.: 8(812)708-42-05.

Аннотация

Состояние вопроса: Светская культурная жизнь национальных меньшинств, проживающих в мегаполисах, недостаточно изучена. Деятельность национальных клубов и дома просвещения – организованных форм светской культуры советских поляков Петрограда – Ленинграда в предвоенный период – была разнообразной и интересной, хотя находилась в рамках государственной идеологии. Становление этих учреждений отражает культурную и национальную политику России 1920-х гг.

Результаты: Обширные архивные материалы и другие источники позволяют воссоздать основные направления деятельности польских культурных организаций Петрограда – Ленинграда. Первоначально это были: в дореволюционную эпоху – Дом польский «Огниско» и польский клуб «Промень», затем с 1918 года – Польский Народный Дом, в котором, в свою очередь, базировались клуб польских коммунистов «Третий Интернационал», Польский культурно-просветительный Союз инвалидов. Здесь же находились бесплатные курсы чтения, письма и счета, а также профессиональные курсы и был открыт Народный университет. Национальные клубы и дом просвещения имели целью воспитание советского поляка – гражданина СССР, интернационалиста, атеиста, активного участника общественной жизни страны – при сохранении национальной идентичности и родного языка.

Выводы: Проведенное исследование показывает, что взаимодействие национальной культуры, идеологических постулатов, социально-

^{*} © Т. М. Смирнова, 2019.

экономической реальности и политики в эту эпоху было неоднозначным и противоречивым.

Ключевые слова: Санкт-Петербург; Петроград; Ленинград; Польша; польская диаспора; клуб; дом просвещения; коренизация; культурно-просветительная работа.

The Formation of Soviet Polish Clubs and the House of Education in Petrograd – Leningrad (1918–1920s)

This work was supported by the Center for Polish-Russian Dialogue and Mutual Understanding (Contract No. 7/2019, 19 June 2019).

Smirnova Tamara Mikhailovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Professor, Doctor of History, Professor, Saint Petersburg, Russia.

Email: mokva@inbox.ru

67, Bolshaya Morskaya st., Saint Petersburg, 190000, Russia,
tel.: 8 (812) 708-42-05.

Abstract

Background: The secular cultural life of national minorities living in megalopolises is not well understood. The activities of national clubs and the House of Education – organized forms of secular culture of the Soviet Poles in Petrograd – Leningrad during the prewar period – were diverse and interesting, although they were part of the state ideology. The formation of these institutions reflects the cultural and national policies of Russia in the 1920s.

Results: Extensive archival depositories and other sources allow us to recreate the main activities of Polish cultural organizations in Petrograd – Leningrad. These include Polish House “Ognisko”, Polish club “Promen”, Polish People’s House, in which, in turn, the club of Polish Communists “Third International”, the Polish Cultural and Educational Union of the Disabled were founded. There free courses in reading, writing and arithmetic, as well as some professional courses were run and the People's University was established. National clubs and the House of Education aimed to educate the Soviet Poles – citizens of the USSR, internationalists, atheists, active participants in the country's public life, while maintaining their national identity and native language.

Conclusion: The study shows that the interaction of national culture, ideological postulates, socio-economic reality and policy in this epoch was ambiguous and controversial.

Keywords: Saint Petersburg; Petrograd; Leningrad; Polonia; Polish diaspora; club; education house; indigenization; cultural and educational work.

Санкт-Петербург исторически является центром российской полонии – польской диаспоры на Востоке. В столице империи в конце XIX – начале XX в. издавались польские газеты, активно работали многочисленные польские общества – благотворительные, досуговые, культурно-просветительные, спортивные, корпоративные, женские. Светская культурная жизнь петербургской полонии концентрировалась в Доме польском «Огниско» на Троицкой ул., 13. В Петербурге работал также единственный легальный рабочий клуб – польский клуб «Промень» за Нарвской заставой. В годы Первой мировой войны, когда польское население Петрограда выросло с 65 до 100 тыс. человек за счет беженцев, открылись школы с польским языком преподавания, Высшие польские курсы, два польских театра. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. значительно активизировали политическую жизнь польского Петрограда, усиленную с 1918 г. репатриационными процессами.

Советская национальная политика провозглашала развитие культур всех народов страны на родных языках (политика коренизации), для чего создавалась система государственных учреждений – учебные заведения разного уровня, клубы, издательства, библиотеки и т. п. Большое внимание уделялось клубной работе «на советской платформе» среди взрослого населения разных национальностей.

Первым советским польским учреждением клубного типа в Петрограде, созданным частично на принципах общественной самодеятельности, стал Польский Народный Дом, открытый 5 мая 1918 года на Моховой ул., 34. Официальным организатором Дома был Польский отдел Комиссариата по делам национальностей (Комнац) Союза коммун Северной области (СКСО) – территориального областного объединения восьми губерний с центром в Петрограде. Коллегия Комнаца определила цель работы Дома: «Объединение и сплочение всех отдельных культурно-просветительных пролетарских организаций и сосредоточение культурной, художественной и умственной части жизни польских рабочих масс, находящихся в пределах влияния польского нацотдела» [ЦГА СПб, Ф. Р-75, Оп. 2, Д. 1, Л. 6].

Польский Народный Дом был преемником рабочего клуба «Промень» и Польского Дома «Огниско» и пользовался поддержкой широких масс трудящихся и военнослужащих поляков Петрограда, став на некоторое время центром польской культурной жизни города. В Народном Доме работало несколько организаций: 30 мая 1918 г. здесь был открыт клуб польских коммунистов «Третий Интернационал» (совместный клуб двух партий – Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и левого крыла Польской социалистической партии (ППС-левица), в июне – Польский культурно-просветительный Союз инвалидов. Здесь же находились бесплатные курсы чтения, письма и счета, а также профессиональные курсы и открыт Народный университет. Задачами Народного университета отдел культуры и просвещения Польского комиссариата считал демократизацию науки, то есть «доступность знания широким массам, познание мира, жизни вообще и общества, прав и возможностей, которые превращают человека в сознательного творца будущего». К обучению на курсах и в Народном университете

приглашались рабочие, солдаты и беженцы. Лекции читали В. Матушевский, Б. Мандельбаум, Нойдинг, Влошевский и другие. В духе времени Польский Народный дом назывался также Польским Пролеткультом [см.: 1, с. 31; 2, с. 4; 3, с. 7; 4, с. 5; 5, с. 7; 6, прил.; 7, с. 7; 8; 9; ЦГА СПб, Ф. Р-75, Оп. 2, Д. 1, Л. 6 об.; Ф. 143, Оп. 4, Д. 8, Л. 29; ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10632, Л. 15, 25].

Классовая ориентированность Народного Дома всячески подчеркивалась его руководством. Польский Народный Дом был оформлен «художниками-пролетариями», была организована постоянная выставка творчества польского пролетариата. Для ее формирования администрация Народного Дома в июле 1918 г. обратилась к трудящимся-полякам с воззванием, в котором говорилось о необходимости «пробудить к жизни» культурные силы польского пролетариата. Инструментом этой необходимой работы служит Народный Дом – новый очаг пролетарской культуры. Народный Дом приглашал присылать свои стихи, песни, рисунки, портреты, живопись, скульптуру и «вообще все, что могло бы иметь художественную ценность». При этом «неважно, если плоды вашей мысли и вдохновения не будут воплощены в идеальную форму или иметь недостатки. Все, что вы принесете, будет принято и найдет применение и использование на Постоянной выставке в Народном Доме, которая покажет культурную жизнь пролетария». Воззвание заканчивалось призывом: «Да здравствует Народный Дом, как очаг пролетарской культуры!» [10].

В 1918 г., по данным Наркомнаца, на Северо-Западе РСФСР было сосредоточено 200 тыс. поляков. Комиссариат по польским национальным делам зарегистрировал в том же году в Петроградской губернии 66002 польских беженца [см.: 11, с. 215, 223–224] (из примерно 1,5 миллиона на территории бывшей Российской империи [см.: 12, с. 8]), но уже к концу того же года петроградская польская диаспора значительно сократилась в результате начавшейся реэвакуации беженцев. Только за сентябрь 1918 года из Петрограда на родину было отправлено 14 составов с польскими беженцами и пленными, общей численностью 10 тыс. чел. [см.: 13]. Но в конце 1918 года массовая отправка беженцев на родину была прекращена «по политическим и техническим причинам» – имеется в виду комплекс различных мотивов: окончание мировой войны и революция в Германии, разгорающаяся гражданская война в Советской России, иностранная интервенция, недостаток средств и сил для реэвакуации и т. п.

В 1919 г. вместо Народного Дома, по тому же адресу – ул. Моховая, д. 34 – начал работать польский клуб имени Я. Тышки. В 1920 году действовали уже три польских клуба – оживление клубной работы среди поляков Петрограда было связано с советско-польской войной 1920 года, что потребовало усиление пропагандистской работы среди постоянного и временного (беженцы и военнопленные) польского населения. Все клубы носили имена видных

деятелей польской социал-демократии: упомянутый им. Я. Тышки¹, им. Т. Фаберкевича², (Нарвский пр., д. 16 – в помещении бывшего клуба «Промень») и клуб им. Б. Веселовского³ (Канатная ул., д. 22 – в бывшем Доме общества «Польская школьная Матица»). Некоторое время работал еще один польский клуб в доме 17 по Троицкой ул. [см.: 14; 15, с. 40; 16, с. 74; ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10755, Л. 12 об.; Д. 10649, Л. 3].

Все клубы назывались народными, но чаще – коммунистическими. Клубы работали «на советской платформе», их деятельность координировало Объединенное руководство польских народных клубов. При клубах работали школы грамоты и политшколы, библиотеки и читальни с литературой на родном языке и польскими коммунистическими газетами, а также художественные кружки.

3–5 июня 1920 г. в Петрограде проходила конференция польских коммунистов, на которой была принята специальная резолюция «О культурно-просветительных задачах», посвященная в основном вопросам школьного обучения и ликвидации неграмотности на родном языке. Культпросветработа определялась как один из видов партийной работы, так как борьба с невежеством широких масс должна была способствовать их политическому воспитанию: «Народная некультурность была всегда опасным врагом коммунизма, ныне, в период диктатуры пролетариата, она более грозна, чем когда-либо, особенно в момент, когда мы переходим от борьбы с внешним врагом к внутреннему строительству... Некультурность польских масс делает их элементом, враждебным Советской власти... борьба с несознательностью польских масс, подготовка их к сознательному участию в строительстве новой жизни, является долгом поляков-коммунистов... Коммунисты-поляки должны заботиться о детях польской бедноты, дать им школу, где преподавание велось бы на понятном им языке, школу, которая подготовила бы из них достойных граждан коммунистического общества». Культпросветработу следовало вести в тесной связи с политической, в связи с чем партийным органам, в том числе Центральному бюро Польской секции, вменялось наблюдение за просветительской работой и оказание необходимой помощи в ее проведении, а также подготовка новых кадров культпросветработников [15, с. 68–69].

В июле 1920 г. Объединенное руководство польских клубов Петрограда выпустило листовку на польском языке «Korzystajcie z Klubów Ludowych!» [ГМПИР, Ф. II, № 17783] («Пользуйся народными клубами!») (перевод мой. – Т. С.). Документ хорошо передает атмосферу времени, с его преувеличением классового подхода и пролетарской солидарности вместе с недооценкой национального чувства – несмотря на то, что «в большом мире» идет советско-польская война.

¹ Ян Тышка – польский псевдоним, настоящее имя Лео Йогихес (1867–1919), деятель польско-литовского и германского рабочего и коммунистического движения, убит в тюрьме.

² Збигнев Фаберкевич (псевдоним Т. Гневич) – видный деятель польского рабочего движения, сотрудник многих большевистских газет и журналов, убит в Польше в январе 1919 г.

³ Веселовский (Весоловский) Бронислав (1870–1919) – деятель польского и российского революционного движения, член ВЦИК РСФСР, глава советской делегации Красного Креста по обмену пленными, расстрелян вместе с другими членами делегации в Польше в январе 1919 г.

«Товарищи, граждане!

Без развлечения человек обойтись не может. Невозможен без него хороший отдых, который только и может дать силы для новых трудов.

Где же искать это развлечение? Развлечения разумного и честного, которое дает настоящий отдых? Где встретиться со знакомыми, поговорить о том, о сем, повеселиться и при этом научиться чему-нибудь интересному и полезному?

Прежде всего в народном клубе.

Когда-то, при старом порядке, клуб был для народных масс абсолютно недоступен. Это было место встречи, развлечений и отдыха привилегированных слоев, господ и властителей мира. Для народных масс оставалась тесная, смрадная нора, издевательски называемая жильем, улица и пивная, где человек, ища отдыха, находил лишь мгновение забытья своей нищеты, платя за это остатками здоровья.

Только октябрьская революция вместе с другими завоеваниями дала трудящемуся народу возможность разумного, веселого, настоящего отдыха. Ее детищем стали народные клубы, о которых идет речь. Нужно научиться пользоваться этой возможностью.

Польский трудовой люд, живущий здесь, в Советской России, меньше других умеет пользоваться всеми завоеваниями революции. А надо бы, чтобы пользовался ними хотя бы наравне с другими, если не больше. Кто здесь родился и хочет остаться тут навсегда, не должен ни в коей мере оставаться позади, не должен ни в коем случае по собственной воле быть какой-то золушкой, приткнувшись у дальнего угла стола, за который его пролетарская Великая Революция.

Кто намерен после окончания войны, после нашей победы над этим преступным шляхетско-капиталистическим правительством наемников мировой буржуазии, которое сейчас сидит в Варшаве на троне из штыков и массам беженцев закрывает путь на родину, тот должен помнить: когда он вернется к родному порогу, его прежде всего спросят: **что ты нам принес из Советской России, из страны свободы трудящихся, принес, что ты сделал, чему научился, что видел.**

Будут от нас требовать на родине, чтобы мы их научили, как работать для всеобщего счастья, как строить здание общей коммунистической жизни, будут в нас видеть людей, которые несут свет, отсюда воспринятый.

А кто этого не сможет принести с собой на родину из Советской России, на того будут смотреть, как на чудака или калеку, потому что таким он действительно и является.

Это тоже обязанность каждого поляка перед самим собой и перед отчизной, принимать самым активным образом участие в этой общей народной жизни, которую создала октябрьская революция.

А одним из очагов этой жизни и являются народные клубы.

Посети польские клубы на Моховой ул., 34, на Нарвском проспекте, 16, на Канатной ул., 22. Если будет нужно, откроем еще больше. Вы найдете в этих клубах богатые библиотеки и читальни, газеты, настольные игры. Найдете здесь науки, развлечения и отдых, беседы, лекции, театральные представления

и концерты, общие экскурсии в музеи и за город. Запись и пользование всем этим – бесплатное.

Здесь ты увидишь и узнаешь лучше, чем где бы то ни было, что трудящиеся в Советской России – хозяева своей судьбы.

Так вступай массово в ряды постоянных членов клубов, пользуйся ими как можно шире, приходи на собрания, приходи в каждую свободную минуту, чтобы провести ее вместе с другими, а не спрятавшись, как улитка в своей скорлупе.

Пусть польский трудящийся люд сполна пользуется всеми завоеваниями революции. Это его право и обязанность. Этого ждет от него и Советская Россия, которая хочет иметь равных граждан, и наша отчизна, сегодня еще находящаяся в неволе кровавых приспешников Пилсудского, которая с нетерпением ждет минуты воссоединения с нами в общем труде для всеобщего счастья.

Пусть же польские народные клубы станут живым очагом мысли и просвещения, из которых над стеной штыков несется в Польшу призыв:

Да здравствует победа трудящихся во всем мире!

Да здравствует рабочая революция в Польше!

Да здравствует Советская власть! Пусть она скорее и в Польше восторжествует!

Объединенное Правление Польских Народных Клубов.

Петербург, июль 1920 года».

Из содержания листовки следует, что основной целью деятельности рабочих клубов было идеологическое воспитание на родном языке, а ее адресатами были как постоянно живущие в Петрограде и губернии поляки, так и польские беженцы и военнопленные мировой войны, ожидающие возвращения на родину. По данным губернского статистического отдела на 28 августа 1920 г., постоянного польского населения в Петрограде насчитывалось 24 793 чел. (3,4 % всех жителей города, которое равнялось 722 тыс.), в уездах губернии – 10 518 чел., всего 35 311 чел. Постепенно возобновлялась реэвакуация беженцев, и к осени 1920 г. из Петроградской губернии в целом было репатрировано 19 042 человек польских беженцев [см.: 17, с. 64–65; ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10758, Л. 8].

Основными видами работы польских клубов в этот период были собрания с политическими докладами, лекции, лекции-концерты и массовые концерты-митинги. Так, за одну неделю в октябре 1920 г. в польских клубах было проведено 6 лекций и 3 концерта-митинга, один из которых – «в пользу Запфронта» (т. е. польского фронта). На этом митинге было собрано: 2 шинели, 2 пары брюк, 1 гимнастерка, 1 теплая жилетка, 1 пара белья, 3 карандаша, 6 коробок спичек, 60 шт. папирос, 1 фунт табаку и 13 778 руб. деньгами [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10648, Л. 5 об.]. О многом говорит этот перечень подарков незнакомым воинам – ведь в городе уже давно голодно и холодно!..

Условия работы культурно-просветительных учреждений значительно осложнились к концу 1920 г., и в Петрограде в этот период осталось два польских клуба – им. Тышки и им. Фабержевича. С 20 ноября по 31 декабря 1920 г. в первом из них было проведено 10 мероприятий, в том числе общее собрание членов клуба, собрание коммунистов, конференция заведующих политико-просветительных учреждений, доклад «История декабристов», митинги на темы «Что происходит в Польше», «Мирное строительство в Советской России», «Неделя ребенка», детский утренник «Что советская власть дала детям (Дети прежде и теперь)», лекции-концерты «Музыка Чайковского» и «Музыка Даргомыжского». Клуб им. Фабержевича провел митинг о текущем моменте, с выделением темы «Что происходит в Польше», и театральные вечера [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10651, Л. 2–2 об.].

В марте – июне 1921 г. в Петрограде находился новый польский контингент – 4 тыс. польских военнопленных уже советско-польской войны [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10731, Л. 5–13]. В целом к концу 1921 г. поляков в Петроградской губернии, по данным польской секции РКП(б), насчитывалось около 45 тыс. чел., из них в Петрограде 30 тыс. чел., в губернии – около 15 тыс. чел. Эти данные включают также беженцев – около 23 тыс. чел. (в Петрограде – 10 тыс., в уездах – 13 тыс.). Из всего польского населения Петрограда и губернии в этот период совершенно не владели русским языком 5 %, а 30 % знали его плохо [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10755, Л. 12]. Однако есть данные о том, что в этот период в Петрограде и губернии насчитывалось около 70 тыс. поляков, не считая беженцев и военнопленных [см.: 18, с. 37].

Переход к нэпу вызвал спад финансируемой государством культурно-просветительной деятельности, и в первой половине 1921 г. в Петрограде работал только один польский клуб – им. Я. Тышки. В отчете Польского бюро агитации и пропаганды при Петербургском комитете РКП(б) перечислены мероприятия этого клуба: 6 февраля состоялся митинг «Отношения в Польше», в котором приняло участие 55 человек; 12 февраля – митинг-спектакль для военнопленных (220 чел.), а 28 февраля была устроена дискуссия «Почему польское правительство оттягивает заключение мира» (25 чел.) [ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10731, Л. 1]. В мае в этом клубе был показан спектакль «Пролетариат и 1 Мая», присутствовало 250 чел. Польские военнопленные участвовали также в мероприятиях Клуба федерации иностранных Советов: так, 6 февраля митинг военнопленных в этом клубе собрал в целом 550 чел. [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10731, Л. 8].

В июне 1921 г. на Кирилловской ул., 19, в прекрасном учебном здании («Стекланный дом», или Дом Кербедзя) закрытого к этому времени Воспитательно-ремесленного заведения ксендза А. Малецкого, был открыт Польский клуб коммунистической молодежи, при котором работали литературный и драматический кружки и библиотека [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10731, Л. 11–11 об.].

Между тем происходили изменения численности польского населения Петрограда. К сентябрю 1921 г. работа среди военнопленных была «почти

закончена», они и основная масса беженцев репатриировались. Рижский мирный договор, заключенный 18 марта 1921 г. по итогам советско-польской войны между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, содержал специальную статью (ст. VI) об оптации иностранного гражданства бывшими подданными Российской империи, родившимися или жившими на территории бывшего Царства Польского или территорий, вошедших в состав Польши, а также их потомками, которые «ясно засвидетельствовали свою приверженность к польской нации» [19, с. 619–658]. На основании этого договора часть поляков, проживавших в Петрограде, репатриировалась в Польшу, однако многие остались в России, включившись в новую жизнь страны.

В декабре 1922 г. Польская секция (Польсекция) губернского комитета ВКП(б) среди своих национальных учреждений снова называет два клуба – им. Тышки и им. Фабержевича, а также Центральную польскую библиотеку [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10758, Л. 8].

Постоянное польское население Петрограда по городской переписи 15 марта 1923 г. насчитывало уже 30704 чел. [см.: 20, с. 236], что составляло 2,9 % всех петроградцев (1 млн. 71 тыс. чел.). Первая Всесоюзная перепись 1926 г. дает цифру поляков-жителей Ленинграда 33 659 чел. (2,1 % от общей численности населения 1,6 млн. чел.), а в границах созданной в августе 1927 г. укрупненной из нескольких губерний Ленинградской области поляков проживало 50 974 чел. [см.: 21, с. 100–103]. При этом польский язык называли своим родным языком около 43 % всех поляков СССР, русский же язык в качестве родного называли 20 % поляков [см.: 22, с. 36].

Таким образом, в русле советской политики коренизации национальной культуры численность польского населения Ленинграда и преимущественное использование им родного языка делали необходимым функционирование специальных культурно-просветительных учреждений – национальных клубов. Однако с 1923 по начало 1925 г. такого клуба в городе не существовало.

Отчасти это связано с непродолжительным перерывом в деятельности Польской секции Губкома ВКП(б) в начале 1923 г. и переориентацией ее внимания на польские учебные заведения – школы и педагогический техникум, а также с ликвидацией Петроградского губернского отдела по делам национальностей (ноябрь 1923 г.), организационной неразберихой и недостатком квалифицированных кадров. Но отсутствие польского клуба в Петрограде отрицательно сказывалось на работе среди взрослого населения, и Польсекция добилась решения Губполитпросвета об открытии клуба с начала 1925 г. Однако еще в мае 1925 г. клуба не существовало, так как городской Отдел коммунального хозяйства не выделял для него помещения [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 10970, Л. 2, 5].

Наконец, летом 1925 г. в самом центре города, на проспекте Володарского (Литейном), 42, в бывшем особняке княгини З. Юсуповой, был открыт

Польский клуб им. Ю. Мархлевского⁴ (он именовался также Центральным польским клубом). На 1 февраля 1926 г. в польском клубе числилось 800 членов, работали кружки польского языка (12 чел.), хоровой (40), драматический (15), техники движения (45) и антирелигиозный (25) [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11008, Л. 2]. Через год в клубе, являвшемся уже частью домпросвета, насчитывалось 1057 членов, из них почти половину – 42 % – составляла молодежь [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11101, Л. 1]. Работой среди молодежи руководила юнсекция (юношеская секция) клуба.

Однако местоположение клуба, делавшее его равно доступным для всех районов, признавалось неудачным, так как находилось вдали от рабочих районов, и в клуб нужно было ехать на трамвае. При этом как-то не учитывалось, что клуб в любом «рабочем», то есть окраинном районе, будет гораздо недоступнее для жителей других окраинных районов. Но именно расположение клуба в центре называлось основной причиной того, что в конце 1920-х гг. основную массу его посетителей составляло «мещанство»: из 1278 членов клуба рабочих было только 451 чел., остальные – служащие (222 чел.) и 605 «прочих» [23, с. 219], то есть школьники, студенты, домохозяйки и т. п. (Правда, в других документах подчеркивается, что эти «прочие» – члены семей рабочих и служащих). Клуб, тем не менее, вызывал интерес со стороны польских рабочих – так, в апреле 1926 г. поляки – члены и кандидаты в члены ВКП(б) завода «Большевик» на своем организационном собрании интересовались записью в члены клуба им. Мархлевского [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11588, Л. 9].

* * *

С середины 1920-х гг. в Ленинграде создаются национальные дома просвещения (домпросветы, или ДПР) – государственные учреждения для идеологической работы среди национальных меньшинств на родном языке. Советизация национальных меньшинств требовала комплексного подхода, что выражалось в объединении в домпросвете разных направлений деятельности: от политического просвещения (низшего и высшего уровня, вплоть до школ пропагандистов), общеобразовательной подготовки (от ликвидации неграмотности и до курсов по подготовке в техникумы и вузы), антирелигиозной работы, военно-оборонной подготовки и т. п., а также культурно-просветительной работы, организации досуга и развития художественного творчества. Эта культурная, досуговая и творческая составляющие деятельности на первых порах выделялись в клуб, входящий в состав дома просвещения в качестве отдельного звена, со своим заведующим, подчиненным общему руководству ДПР. Но поскольку оба подразделения работали вместе и на одной материальной базе, на практике было не всегда возможным выделить деятельность каждого в отдельности, и в документах

⁴ Юлиан Мархлевский (псевдонимы Карский, Куявский) (1866–1925) – польский политик, коммунист. В 1920 году возглавил Временный революционный комитет Польши в Белостоке. С 1922 года ректор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, председатель ЦК Международной организации помощи борцам революции (МОПР), созданной по его инициативе.

часто равноправно использовались оба названия – клуб и домпросвет. Однако клубная форма работы предусматривала членство и членские взносы, что было совершенно несвойственно политпросветработе, рассчитанной на самый широкий охват соответствующего национального контингента. По мере создания новых национальных домпросветов клубная работа организационно перестает существовать как отдельное направление и к концу 1920-х становится второй основной составляющей деятельности ДПР – национального советского политико- и культурно-просветительного учреждения. Постепенно из документооборота исчезает термин «клуб», и единственным официальным названием учреждения становится «дом просвещения», хотя в обиходе по-прежнему используется старое название.

Летом 1926 г. на базе клуба имени Мархлевского создается Польский Дом просвещения для работы среди польского населения Ленинграда. Преобразование клуба в домпросвет – комплексное учреждение более высокого уровня – требовало расширения и усложнения состава работников, так что их подбор продолжался еще в августе и сентябре [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11589, Л. 1–2].

Второе название (домпросвет) стало единственным только с начала 1930-х годов.

* * *

Осознание важности национальных клубов и домов просвещения вызывало пристальное внимание к ним со стороны партийных и советских органов, осуществлявших как идеологическое руководство, так и контроль деятельности этих политико-культурно-просветительных учреждений. Однако оценка работы польского клуба им. Мархлевского во второй половине 1920-х гг. была неоднозначной. Так, в феврале 1927 г. в «Итоговом докладе по обследованию клубов нацмен» Губполитпросвета констатируется, что «в Польском клубе, где аудитория избалована танцами, платными кино и художественной частью, лекции проходят слабо» [ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11108, Л. 3]. Польская секция подотдела нацмен Ленинградского губкома ВКП(б) в своем отчете в мае 1927 г., характеризуя уже почти годовичную работу Польского домпросвета, настроена более оптимистично, хотя отмечает недостатки: массовая работа страдает однообразием форм, еще слаба организационно и в художественном отношении, несколько кружков распались, работа среди женщин в зачаточном состоянии, руководство юнсекцией неудовлетворительное. В то же время названы и некоторые достижения: проведено 20 вечеров с политическими докладами, 10 лекций на значимые научные и общественные темы, 10 кино-лекций, два семейных вечера, вечер вопросов и ответов, две экскурсии, шесть утренников для детей с художественной частью и демонстрацией кинофильма. Остались кружки, хорошо спаянные изнутри интересом участников (хоровой, драматический, музыкальный, кройки и шитья, спортивный), с общим количеством участников 211 человек. В библиотеке 500 читателей, в читальню выписывается 20 газет и

журналов. Отмечаются все праздники «красного календаря» [ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11157, Л. 3].

Существовал и более критический взгляд на работу Польского клуба – домпросвета. Так, один из отчетов констатирует: «В основном и целом клуб работает довольно вяло и почти совсем не отрывает польских масс от костелов, не советизирует их и не ведет среди них массовой советской культ.-просв. работы». Отмечалось, что ксендзы ведут агитацию против клуба и запрещают верующим посещать его. Польское консульство в Ленинграде также «интересуется клубом... пыталось срывать работу клуба изнутри путем организации при нем кружков из числа преданных и завербованных людей». В клубной библиотеке (11 тыс. томов) имелось много польских дореволюционных изданий (вся художественная литература), что давало проверяющим основания назвать ее «контрреволюционной и национально-шовинистической литературой» и сделать опасный идеологический вывод «о наличии антисоветского элемента в составе администрации и членов клуба» [23, с. 219–220].

Следует отметить, что в связи со смешением в данный период понятий «клуб» и «домпросвет» не представляется возможным точно определить, к какому именно учреждению относится вышеприведенная оценка. Видимо, следует рассматривать их работу в целом. Собственно, таким и был подход Польсекции. Так, в резолюции совещания поляков-уполномоченных заводов и фабрик 15 сентября 1926 г. пункт 3-й гласил: «Оказывать всяческую помощь Домпросвету им. Мархлевского в его политпросветработе, вербовать членов клуба, библиотечки, читальни и кружков» [ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11586, Л. 6]. В осенне-зимний период 1927/28 гг. Польсекция дала задание фракции ВКП(б) в Польском ДПР «провести мероприятия по усилению и оживлению работы польдомпросвета» [ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11600, Л. 3].

Представители Польбюро информировали поляков – заводских уполномоченных о проведении всесоюзной переписи населения 1926 года, в ходе которой необходимо дать полные сведения о своей национальности: «Разъяснить рабочим массам, чтобы никто не уклонялся от регистрации и полнее давал сведения о себе для проведения правильной политики нацменьшинств, и не скрывал своей национальности» (курсив мой. – Т. С.). Последнее обстоятельство представляется странным, но объясняется распространенными опасениями: «имеются малосознательные, особенно женщины, которые боятся сокращения, если будут причислены к нацменьшинству» [ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11586, Л. 7 об. – 8].

На советских поляков возлагались большие надежды в духе идеологической «народной дипломатии». Так, 25 мая 1926 г. на общем собрании поляков, работающих на заводе «Большевик», с подачи представителя Польбюро было принято постановление: «Всем полякам проживающим в СССР необходимо поддерживать письменную связь с родственниками, проживающими в белой Польше – разъясняя им путь по которому идет Советская власть у нас и по которому ведет их панство-

эксплуататоров. <...> Имеющийся в Ленинграде Центральный Клуб им. Мархлевского, через него и необходимо будет вести намеченную работу» [ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11588, Л. 10 об.] (орфография источника. – Т. С.).

Клуб обслуживал польский контингент не только на стационаре, но и на «периферии» – непосредственно на фабриках и заводах с компактной массой работающих-поляков. Клуб присылал докладчиков на общие собрания поляков, в том числе по требованию рабочих [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11588, Л. 11], артистов художественной самодеятельности [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 24, Оп. 8, Д. 133, Л. 8], формировал библиотеки-передвижки [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11558, Л. 6] и т. п. Осенью 1927 г. работали 14 библиотечек-передвижек на заводах и предприятиях [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11594, Л. 5].

В ДПР проводились крупные районные мероприятия: так, 11 декабря 1926 г. агитационно-пропагандистский отдел Выборгского РК ВКП(б) провел в домпросвете совещание с повесткой дня: создание актива на местах; об участии в рождественской антирелигиозной кампании; о работе по усилению польской печати; пере выборы районной «тройки» по работе среди поляков; выделение представителя в антирелигиозную комиссию [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11586, Л. 13].

В июле 1927 г. в Ленинграде проходила «Неделя обороны», в ходе которой в Польском ДПР был торжественно открыт стрелковый кружок, а Польсекция подотдела нацменьшинств Губкома ВКП(б) провела в домпросвете тематический вечер с докладом. В это же время началась губернская кампания по сбору средств на сооружение танка «Феликс Дзержинский»⁵ [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11157, Л. 6]. К декабрю 1927 г. комиссия по сбору средств провела около 50 собраний в домпросвете, на фабриках и заводах Ленинграда, работа продолжалась до февраля 1928 г. – до передачи танка государству [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 24, Оп. 8, Д. 96, Л. 2–3; Д. 132, Л. 3].

В конце 1920-х гг. при Польдомпросвете начали работать общеобразовательные курсы.

* * *

Во всех национальных домах просвещения выпускались стенные газеты с материалами преимущественно на родных языках. «Стенная печать» рассматривалась в качестве младшего партнера «больших» средств массовой информации и агитации, важного средства политического воспитания. При этом у стенной печати даже были преимущества: она была ближе к своим читателям, в ней освещались местные вопросы, к ней проще было обратиться, она была доступна даже тем, кто не выписывал и не читал центральную прессу.

⁵ Феликс Эдмундович Дзержинский умер 20 июля 1926 г. Советские поляки собрали средства на сооружение танка «Феликс Дзержинский» на основе итальянского Фиат-3000 и передали его государству в 10-ю годовщину Красной армии (февраль 1928 г.). Списки взносов на танк были опубликованы в газете «Трибуна радзетка».

Однако на практике стенгазеты выпускались, как правило, к датам «красного календаря», редколлегия тщательно отбирала заметки, но, бывало, ей приходилось самой заполнять почти всю газету.

При оценке работы домпросветов обязательно учитывалось состояние стенной печати – периодичность выхода стенгазет, их содержание и оформление, наличие и качество материалов по вопросам текущей политики, подготовка рабкоров и пр.

В отсутствие ленинградской польской прессы стенгазета при клубе им. Мархлевского задумывалась как польский орган общегородского значения. На собраниях поляков-уполномоченных фабрик и заводов в ноябре 1926 г. ставилась задача собирать корреспонденцию от рабкоров и пересылать ее по назначению – в польские газеты «Свит», «Молот», «Серп», «Гвезда Млодежи», а материалы местного значения – в стенгазету клуба им. Мархлевского [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11586, Л. 7]. Вокруг стенгазеты ДПР планировали создать кружок корреспондентов, воспитывая рабкоров-сотрудников общесоюзной польской печати [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 24, Оп. 8, Д. 134, Л. 5].

На стенгазету также возлагалась обязанность провести разъяснительную кампанию о Всесоюзной переписи населения 1926 года.

23–30 ноября 1926 г. в Ленинграде проводилась кампания печати «по польской линии» – по подписке на советскую польскую прессу (журналы «Свит», «Серп», «Гвезда млодежи»), распространению и популяризации польской литературы. В плане кампании имелся отдельный пункт, обязывающий стенгазету Польского ДПР поместить статью и лозунг о кампании, при стенгазете организовать кружок корреспондентов, «вменив в обязанность распространение журналов» [ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11589, Л. 6]. Весной 1928 г. репертуар польской печати изменился: «Трибуна радзецка», «Серп», «Орка», «Глос млодежи», «Будь готов». В ноябре 1928 г. в Польдомпросвете был проведен месячник польской книги [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 24, Оп. 8, Д. 134, Л. 4–5].

* * *

Открывшееся в Ленинграде в октябре 1926 г. Консульство Речи Посполитой Польской внимательно отслеживало настроения, религиозную ситуацию и культурную жизнь советских поляков, давая свою оценку происходящим процессам. В отчете о работе консульства за 1928 год, направленном в Министерство иностранных дел в Варшаве, есть несколько строк о Польском домпросвете: «...культивирование советским правительством польскости, а точнее, польского коммунизма происходит также с помощью польского дома просвещения им. Мархлевского... В доме просвещения работа наталкивается на огромные трудности из-за неприязненного отношения польского населения к коммунистическим лозунгам. Дискуссионные и пропагандистские вечера, очень редко к тому же проводимые (раз в 1–2 мес.), привлекают в зал немного людей, это тем более характерно, что они проводятся в воскресенье и листовки о них распространяются перед костелами св.

Екатерины, св. Станислава и т. п., которые в воскресенье и праздники всегда переполнены» [ААН, Ф. 322, Д. 11769, Л. 23].

В отчете консульства подмечена самая характерная особенность польского населения: приверженность католицизму, который воспринимается неотъемлемо от национальной идентичности, является ее частью. Светская культура не могла полностью заменить, а тем более вытеснить это традиционное представление о польскости. Антирелигиозная пропаганда и даже репрессии по религиозному признаку оказались бессильными в борьбе с религиозностью польского населения. Но в работе Польского домпросвета всегда присутствовала антирелигиозная составляющая.

* * *

Польский клуб им. Мархлевского – Польский Дом просвещения открылся на проспекте Володарского (Литейный), 42. Этот двухэтажный особняк («Литейный дом») был построен как дворец княгини Зинаиды Юсуповой по проекту Г. Боссе и Л. Бонштедта в середине XIX в. Уже с начала XX в. особняк стал публичным пространством – в 1908 г. он был арендован Театральным клубом при Союзе драматических и музыкальных писателей, здесь работал театр пародии «Кривое зеркало». В годы Первой мировой войны в здании размещался госпиталь. После революции 1917 г. особняк принадлежал Петроградскому Пролеткульту, в 1921–1922 гг. здесь работал украинский театр-коллектив под управлением И. Зембулат-Попова.

С 1925 г. на пр. Володарского, 42, работали польский и корейский клубы. Польский клуб располагал 12-ю помещениями, корейский – тремя [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11101, Л. 1]. В 1928 г. Корейский домпросвет был преобразован в секцию Дома народов Востока и переведен по другому адресу, а его место на пр. Володарского в 1931 г. занял Литовский ДПР. В здании находились также и другие организации – так, 600 кв. метров (два больших зала и 13 комнат) занимала организация «Машиностройпроект». Но еще более серьезным огорчением оказалось переселение в 1932 г. на площади, занимаемые Польским и Литовским домами просвещения – третьего, Немецкого ДПР [см.: ЦГАЛИ СПб, Ф. 258, Оп. 8, Д. 1, Л. 21, 24 а], что значительно осложнило работу всех трех организаций.

Главным богатством Литейного дома был зал на 500 чел., в котором можно было демонстрировать кинофильмы и проводить массовые мероприятия. Но в домпросвете остро ощущался недостаток инвентаря, отсутствовал гардероб, долго не было буфета. Кроме того, помещения были переданы домпросветам в неудовлетворительном состоянии. Почти весь 1927 год шел ремонт. В мае Польская секция подотдела нацмен Губкома ВКП(б) отмечала, что «здание клуба было кое-как отремонтировано и на средства кино приобретена самая необходимая обстановка» [ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11157, Л. 3]. Но ремонт продолжался и осенью, была даже опасность срыва юбилейных Октябрьских торжеств [см.: ЦГАИПД СПб, Ф. 16, Оп. 11, Д. 11594, Л. 13]. Этого, разумеется, не произошло, и 10-летие Октябрьской революции было торжественно отмечено большой программой в Польском Доме просвещения.

* * *

К началу 1930-х гг. Польский Дом просвещения окреп, выработал систему своей деятельности и привлечения к работе активной части польского населения Ленинграда. Укрепились также организационные и финансовые основы деятельности домпросвета. Польский ДПР постепенно превратился в подлинный очаг национальной светской культурной жизни ленинградских поляков – но в рамках господствующей идеологии и политики. Однако в 1937 г., в связи с резким изменением советской национальной политики по отношению к национальным меньшинствам Польский Дом просвещения, как и другие национальные ДПР Ленинграда, был закрыт.

Список литературы

1. Ольский Я. Из жизни польской организации // Петроградская правда. – 1918. – 6 июня.
2. Извещения // Петроградская правда. – 1918. – 18 июня.
3. Извещения // Северная Коммуна. – 1918. – 9 июня.
4. Извещения // Северная Коммуна. – 1918. – 22 июня.
5. Извещения // Северная Коммуна. – 1918. – 30 июня.
6. Краткий отчет о деятельности Комиссариата по делам национальностей Союза коммун Северной области // Северная Коммуна. – 1918. – 25 августа.
7. Извещения // Северная Коммуна. – 1918. – 20 сентября.
8. Trybuna. – 1918. – 22 III.
9. Trybuna. – 1918. – 30 IV.
10. К трудящимся полякам! // Trybuna. – 1918. – 7 VII.
11. Spustek I. Polacy w Petrogradzie. 1914–1917. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. – 465 s.
12. Wasilewski A. Polskie konsulaty na Wschodzie. 1918–1939. – Warszawa: Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP, 2010. – 125 s.
13. Trybuna. – 1918. – 4 X.
14. Жизнь национальностей. – 1920. – 18 июня.
15. О культурно-просветительных задачах. Резолюция конференции польских коммунистов. 3–5 июня 1920 г. // Известия Петроградского Комиссариата по делам национальностей. – Петроград, 1920. – 191 с.
16. Романова Н. М., Михайленко В. В. Национальные общества Санкт-Петербурга. XVIII–XXI вв. – СПб.: Издательский Дом СПб, 2004. – 210 с.
17. Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. – Петроград: Петроградский губернский отдел статистики, 1921.
18. Лебедева Н. Б. Документы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга по истории Польши, российско-польских отношений и о жизни поляков в Петрограде – Ленинграде, губернии и области // Архивы России и Польши: актуальные проблемы развития и сотрудничества. – СПб.: Логос СПб, 1997. – С. 36–46.
19. Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / Под ред. Г. А. Белова и др. – М.: Госполитиздат, 1959. – 702 с.

20. Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Вып. 6. – Л.: Ленинградский губернский отдел статистики, 1925. – 276 с.

21. Янсон П. М. Национальные меньшинства Ленинградской области: Сборник материалов. – Л.: Издание Орготдела Ленинградского Облисполкома, 1929. – 104 с.

22. Национальная политика ВКП(б) в цифрах. – М.: Издательство Коммунистической академии, 1930. – 165 с.

23. Костюшко И. И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). – М.: РАН, Институт славяноведения, 2001. – 222 с.

Архивные материалы

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Фонд Р-75. – Отдел по делам национальностей Исполнительного комитета Петроградского губернского Совета (Петрогуботнац).

2. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Фонд 16. – Ленинградский губернский комитет ВКП(б).

3. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Фонд 24. – Ленинградский областной комитет ВКП(б).

4. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Фонд 258. – Объединенный архивный фонд «Национальные дома просвещения г. Ленинграда».

5. Архив Государственного музея политической истории России. Ф. II.

6. Архив новых актов, Варшава (ААН). Фонд 322. – Министерство иностранных дел.

References

1. Olskiy Ya. From the Life of a Polish Organization [Iz zhizni polskoy organizatsii]. *Petrogradskaya pravda* (Petrograd Truth), 1918, 6 June.

2. Notifications [Izvescheniya]. *Petrogradskaya Pravda* (Petrograd Truth), 1918, 18 June.

3. Notifications [Izvescheniya]. *Severnaya Kommuna* (Northern Commune), 1918, 9 June.

4. Notifications [Izvescheniya]. *Severnaya Kommuna* (Northern Commune), 1918, 22 June.

5. Notifications [Izvescheniya]. *Severnaya Kommuna* (Northern Commune), 1918, 30 June.

6. Short Report on the Activities of the Commissariat for Nationalities of the Union of Northern Communes [Kratkiy otchet o deyatelnosti Komissariata po delam natsionalnostey Soyuza kommun Severnoy oblasti]. *Severnaya Kommuna* (Northern Commune), 1918, 25 August.

7. Notifications [Izvescheniya]. *Severnaya Kommuna* (Northern Commune), 1918, 20 September.

8. *Trybuna*, 1918, 22 III.

9. *Trybuna*, 1918, 30 IV.

10. To the Working Poles! [K trudyaschimsya polyakam!]. *Trybuna*, 1918, 7 VII.

11. Spustek I. *Polacy w Petrogradzie. 1914–1917*. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966, 465 s.

12. Wasilewski A. *Polskie konsulaty na Wschodzie. 1918–1939*. Warszawa, Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP, 2010, 125 s.

13. *Trybuna*, 1918, 4 X.

14. *Zhizn natsionalnostey* (Life of Nationalities), 1920, 18 June.

15. On Cultural and Educational Tasks. Resolution of the Conference of Polish Communists. 3–5 June, 1920 [O kulturno-prosvetitelnykh zadachakh. Rezolyutsiya konferentsii polskikh kommunistov. 3–5 iyunya 1920 g.]. *Izvestiya Peterburgskogo Komissariata po delam natsionalnostey* (Proceedings of the St. Petersburg Commissariat for Nationalities). Petrograd, 1920, 191 p.

16. Romanova N. M., Mikhaylenko V. V. National Societies of St. Petersburg. XVIII–XXI Centuries [*Natsionalnye obschestva Sankt-Peterburga. XVIII–XXI vv.*]. Saint Petersburg, Izdatelskiy Dom SPN, 2004, 210 p.

17. Materials on the Statistics of Petrograd and Petrograd Governorate. Issue 5 [*Materialy po statistike Petrograda i Petrogradskoy gubernii. Vyp. 5*]. Petrograd, Petrogradskiy gubernskiy otdel statistiki, 1921.

18. Lebedeva N. B. Documents of the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg on the History of Poland, Russian-Polish Relations and on the Life of Poles in Petrograd – Leningrad, the Province and the Region [Dokumenty Tsentralnogo gosudarstvennogo arkhiva istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga po istorii Polshi, rossiysko-polskikh otnosheniy i o zhizni polyakov v Petrograde – Leningrade, gubernii i oblasti]. *Arkhivy Rossii i Polshi: aktualnye problemy razvitiya i sotrudnichestva* (Archives of Russia and Poland: Actual Problems of Development and Cooperation). Saint Petersburg, Logos SPb, 1997, pp. 36–46.

19. Belov G. A. (Ed.) Documents of the USSR Foreign Policy. Vol. 3: 1 July 1920 – 18 March 1921 [*Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 3: 1 iyulya 1920 g. – 18 marta 1921 g.*]. Moscow, Gospolitizdat, 1959, 702 p.

20. Materials on the Statistics of Leningrad and Leningrad Governorate. Issue 6 [*Materialy po statistike Leningrada i Leningradskoy gubernii. Vyp. 6*]. Leningrad, Leningradskiy gubernskiy otdel statistiki, 1925, 276 p.

21. Yanson P. M. National Minorities of the Leningrad Region: Collected Materials [*Natsionalnye menshinstva Leningradskoy oblasti: Sbornik materialov*]. Leningrad, Izdanie Orgotdela Leningradskogo Oblispolkoma, 1929, 104 p.

22. National Policy of the AUCP(b) in Numbers [*Natsionalnaya politika VKP/b/ v tsifrah*]. Moscow, Izdatelstvo Kommunisticheskoy akademii, 1930, 165 p.

23. Kostyushko I. I. Polish National Minority in the USSR (1920s Years) [*Polskoe natsionalnoe menshinstvo v SSSR (1920-e gody)*]. Moscow, RAN, Institut slavyanovedeniya, 2001, 222 p.

Archive Materials

1. Central State Archives of St. Petersburg [Tsentrálny gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga]. *Fond R-75 – Otdel po delam natsionalnostey Iсполнителного komiteta Petrogradskogo gubernskogo Soveta (Petrogubotnats)* (Fund R-75 – Nationalities Division of the Executive Committee of the Petrograd Provincial Council (Petrogubotnats)).

2. Central State Archives of Historical and Political Documents of St. Petersburg [Tsentrálny gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga]. *Fond 16 – Leningradskiy gubernskiy komitet VKP(b)* (Fund 16 – Leningrad Governorate Committee of AUCP(b)).

3. Central State Archives of Historical and Political Documents of St. Petersburg [Tsentrálny gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga]. *Fond 24 – Leningrad Regional Committee VKP(b)* (Fund 24 – Leningrad Regional Committee of AUCP(b)).

4. Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg [Tsentrálny gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga]. *Fond 258 – Obedinennyy arkhivnyy fond “Natsionalnye doma prosvescheniya g. Leningrada”* (Fund 258 – The Joint Archival Fund “National Education Houses of the City of Leningrad”).

5. Archive of the State Museum of Political History of Russia [Arkhir Gosudarstvennogo muzeya politicheskoy istorii Rossii]. *Fond II* (Fund II).

6. Archiwum Akt Nowych, Warszawa. *Fundusz. 322 – Ministerstwo Spraw Zagranicznych*.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.77:004

Личностные ориентиры образования в условиях современных коммуникаций*

Краева Ольга Леонтьевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», кафедра философии, социологии и теории социальной коммуникации, доктор философских наук, профессор, Нижний Новгород, Россия.

Email: savrutsk@lunn.ru

603155, Нижегородская область, Нижний Новгород, ул. Минина, дом 31А,
тел.: 8-904-920-68-64.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Изучение антропологического содержания современных коммуникаций, их связи с развитием потенциала человеческой личности является одним из важных направлений исследований в философии и социологии информационного общества.

Результаты: Современная теория потенциала человека позволяет раскрыть содержание и систему противоречий процесса социализации личности в условиях информационного общества. Формирование современных коммуникаций сопряжено с рядом трудностей. Так, человек не успевает реагировать на происходящие перемены скачкообразного характера. Складывается несоответствие его личностного развития уровню и темпам развития современной техники и технологий, включая инновации в сфере коммуникаций. Происходит формализация всех сфер человеческой деятельности, выхолащивающая по сути антропологическое содержание специфического качества человека и активно машинизирующая его жизнь. Мировоззрение современного человека оказывается еще более механистичным, чем в прошлом, и в каких-то своих проявлениях доведенным до абсурда. Противостоять такого рода негативным тенденциям может сфера образования, ориентированная на гармоничное взаимодействие потребностей и способностей человека в процессе социализации в новых исторических условиях.

Выводы: Новая роль образования в условиях современной информационно-коммуникативной реальности делает актуальной разработку индикаторов развертывания социальных процессов и развития потенциала человека. Они важны для мониторинга коммуникативных изменений в обществе и для создания системы социальных регуляторов и компенсаторных механизмов социализации личности.

* © О. Л. Краева, 2019.

Ключевые слова: современные коммуникации; потенциал человека; развитие личности; коммуникативные технологии; социализация личности; компенсаторные механизмы социализации в образовании.

Personal Orientation of Education with the Help of Modern Communications

Kraeva Olga Leontevna – Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N. A. Dobrolyubov, Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication Department, Doctor of Philosophy, Professor, Nizhny Novgorod, Russia.

Email: savrutsk@lunn.ru

31A, Minin st., Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, 603155, Russia,
tel.: 8-904-920-68-64.

Abstract

Background: The study of the anthropological content of modern communications, their connection with the development of the creative potential of the personality is one of the important fields of research in information society philosophy and sociology.

Results: The modern theory of human creative potential allows us to reveal the content and system of contradictions in the process of personality socialization in information society. The formation of modern communications is fraught with a number of difficulties. Humans do not have time to react to the changes that occur spasmodically. There is a mismatch of the level and pace of development between people and modern equipment and technologies, including innovations in the field of communications. Formalization of all spheres of human activity takes place, essentially emasculating the anthropological content of a specific quality of humans and actively mechanizing their lives. The worldview of contemporary people is even more mechanistic than in the past, and in some of their manifestations brought to the point of absurdity. These negative tendencies can be opposed by the sphere of education, focused on the harmonious interaction of human needs and abilities in the process of socialization in modern historical conditions.

Conclusion: A new role of education in modern information and communication reality makes it relevant to develop indicators for the deployment of social processes and the development of human creative potential. They are important for monitoring communicative changes in society and for creating a system of social regulators and compensatory mechanisms of personality socialization of an individual.

Keywords: modern communications; human potential; personal development; communication technology; socialization of personality; compensatory mechanisms of socialization in education.

Изменения, происходящие в обществе и связанные с повышением значения антропологических факторов в различных его сферах, актуализируют и задают новый ракурс рассмотрению проблемы человека в современную эпоху. Особенно значимым как с теоретической, так и с практической точек зрения является вопрос о том, как влияет на развитие потенциала человека сложившаяся система коммуникаций, поскольку индикаторы социально-экономического прогресса, принятые мировым сообществом, непосредственно связаны с развитием человеческого потенциала. Изменение самих коммуникаций, распространение и динамичное обновление электронных коммуникаций и сложившихся на их основе новых информационно-коммуникативных технологий начинает оказывать существенное влияние на человеческий потенциал и характер действия закономерностей его функционирования и развития.

Теории, анализирующие социальную реальность («информационного общества», «постиндустриального общества», «интеллектно-информационной цивилизации», «информационной эпохи» и другие) прежде всего показывают, как изменилась роль знания, информации в социальной действительности, каким образом они влияют на её трансформацию, на возможности и перспективы самого человека. Учитывая, что сами знания и информация – это существенная часть потенциала человека, можно сделать вывод, что с повышением их значения повышается и его влияние на социальную реальность. Однако научные исследования показывают, что развитие в настоящее время информационно-коммуникативных технологий, содержащих в себе большой спектр возможностей для совершенствования человека и гуманизации жизни общества, вместе с тем может наносить урон социальной духовной сфере, субъектным личностным основам жизни. Это влечет за собой существенные изменения потенциала человека, влияющие на закономерности его функционирования и развития, способные вызвать социальные и антропологические смещения негативного характера [см.: 5].

Перечень происходящих в человеческом потенциале изменений, выраженный в изменениях действия закономерностей его развития, определен перечнем самих этих закономерностей, которых в потенциале человека выявляется по меньшей мере три типа. В их число входят закономерности взаимодействия потребностей и способностей, закономерности взаимодействия их модификаций, закономерности взаимодействия подсистем культуры личности (мотивационной, информационной, операциональной) [см.: 4]. Гипотетически можно предположить, что все они испытывают в условиях современных коммуникаций какие-либо изменения, и их изучение должно стать предметом пристального внимания современной философии и социально-гуманитарных наук, если мы хотим, чтобы сложившаяся информационно-коммуникативная среда служила развитию человека, гуманизации отношений в обществе, социальному прогрессу. В условиях динамично развивающейся информационно-коммуникативной реальности гуманитарным наукам следует осуществлять мониторинг влияния коммуникаций на потенциал человека, мониторинг развития антропологического содержания современных

коммуникаций, изучать вопросы гуманизации отношений людей в обществе [см.: 2].

Развитию компенсаторных механизмов образования в условиях современной информационно-коммуникативной реальности в значительной степени может способствовать разработка теоретических знаний о человеке, его потенциале, закономерностях социализации личности и ее развития в образовании. В особенности это касается традиционно исследуемых в педагогике проблем потребностей и способностей человека. В условиях, когда под влиянием информационно-коммуникативных технологий потребности и способности испытывают существенные изменения, эвристичным в исследовании происходящих процессов и выработке компенсаторных механизмов образования остается диалектический подход.

Диалектический подход, широко распространенный в отечественной философской, экономической, психологической, педагогической литературе, не теряет своего значения и для решения актуальных проблем потенциала человека, которые традиционно рассматриваются зарубежной наукой. Особенно велико его значение в ситуации динамично меняющихся коммуникаций, которые вызывают столь же динамичные метаморфозы человеческого потенциала и социального поведения, носящие зачастую непредсказуемый характер. Именно диалектический подход, доказавший свою научную и практическую значимость в эпоху революционных научно-технических изменений, располагает возможностями столь же динамично реагировать на происходящие в сфере коммуникаций процессы с помощью научных исследований и выработки на их основе практических рекомендаций.

С точки зрения этого подхода, существует взгляд на потребности и способности как на диалектически связанные стороны потенциала человека. В своей действительности, социальной определенности они выступают как диалектическое противоречие, лежащее в основе формирования личности. Потребности и способности являются интегральными характеристиками личности, то есть вбирают в себя все параметры, по которым она распознается и оценивается: ценности, убеждения, мотивы, цели, воля, восприятия, представления, суждения, умозаключения, идеи, образы и т. п. Все личностные характеристики, будучи модификациями потребностей и способностей, несут в себе их качественную определенность и напряжение их диалектики [см.: 4].

Потребности и способности как две различные и тождественные стороны субъекта имеют в основе своего взаимодействия диалектику субъекта и объекта. Специфика потребности состоит в том, что она есть движение от внешней предметной положенности к внутренней воле самого субъекта. Основное направление этого движения – переход от объекта к субъекту посредством отрицания наличной предметности и формирования идеального образа необходимой для его деятельных способностей предметности. Способности имеют главенствующую тенденцию движения предметности от субъекта к объекту через знания и умения. Причем потребность уже несет в себе программу процессов распредмечивания (познания, присвоения) и опредмечивания (деятельности, практики) для способностей, которые

осуществляют и развивают себя в ходе реализации этой программы, а также корректируют ее.

Выделяя потребность как ведущую силу в причинно-следственном отношении потребности и способности, следует отметить, что в процессе развития этого отношения может меняться и роль сторон. Способность, становясь деятельной, творческой, продуктивной силой личности, сама активно ищет пути творческой предметной реализации. Но этот поиск путей самоосуществления деятельных способностей личности есть по сути творческая человеческая потребность. То есть вновь, уже на новом уровне можно говорить о побудительной детерминирующей роли потребности, об иной ее структуре и иной структуре всей системы «потребность-способность». Вся система смещена теперь в сторону субъекта и его сущностных сил, и потребность теперь служит их реализации. Сохраняя свою противоречивость, она движется теперь от внутренних сущностных сил субъекта к их объективированию, а творческая потребность реализуется непосредственно в деятельности.

Таким образом, диалектика потребности и способности носит сложный и многогранный характер. Она отражает, с одной стороны, предметную положенность человека и субъект-объектные отношения, которые в результате этого складываются. С другой стороны, она отражает процесс субъективирования – объективирования социальных отношений. В результате те личностные образования, которые составляют потенциал человека и являются модификациями потребности и способности, точнее будет определить как модификации их диалектики, как формы движения, развития потребности и способности. Из вышеизложенного следует высокая научная значимость основанной на диалектическом подходе современной теории потенциала человека для исследования антропологического содержания современных коммуникаций, направлений их гуманизации, новых задач социализации и развития личности в сфере образования [см.: 4].

Применение диалектического подхода к исследованию потенциала человека в информационном обществе со всей определенностью показывает, что те законы функционирования и развития потенциала человека, о которых говорилось выше, «естественным» образом, спонтанно действовали лишь до определенных пределов развития общества, технизированной среды и технологий. Далее они либо не действуют, либо особым образом проявляют себя, вызывая непредсказуемые трансформации потенциала человека. В связи с этим необходимо уже сейчас позаботиться о компенсаторных механизмах, поддерживающих действие закономерностей развития человеческого потенциала, о которых мы знаем. Ведущим компенсаторным механизмом развития человека является образование как сфера, имеющая своей целью развитие личности природосообразного и культуросообразного характера, совпадающее с ноосферными задачами развития общества [см.: 5].

Образование в обществе знания – сфера приоритетная, являющаяся генератором и транслятором научных знаний как важного достояния современного общества, обеспечивающего его прогресс и благосостояние.

Многое делается с целью увеличения этого достояния, в том числе и с учетом современных информационно-коммуникативных технологий. Они открывают людям разных возрастов, социального положения и даже состояния здоровья широкий доступ к образованию и культуре, что находит свою реализацию в образовательных, культурных, информационных программах государственного и международного уровня. Динамичные изменения социальной жизни людей изменили их отношения с окружающим миром и друг с другом, изменили их внутренний мир. Сфера образования, обладающая богатейшими возможностями сохранения и приумножения антропологического потенциала общества, должна успевать за этой динамикой, активно развиваться, раскрывая культурный гуманистический потенциал современных коммуникаций и тем самым способствуя их развитию [см.: 4].

Казалось бы, информационно-коммуникативная реальность и созданные ею новые возможности для развития человека, для приобщения его к духовным ценностям и совокупным способностям человечества многое меняют в современном мире. Однако и здесь существуют противоречия, которые отчуждают человека от его духовной сущности и духовного богатства цивилизации. К ним можно отнести, например, технологичность в этой сфере, наносящую урон целостности целеполагающих возможностей человека, его деятельностных качеств, грубо вторгающуюся в частную жизнь личности и разрушающую ее автономию. Ярким примером является также формализация всех сфер человеческой деятельности, выхолащивающая по сути антропологическое содержание этого важнейшего специфического качества человека и активно машинизирующая его жизнь. В связи с этим мировоззрение современного человека оказывается еще более механистичным, чем в прошлом, и в каких-то своих проявлениях доведенным до абсурда. Перечисленные и иные негативные стороны современных коммуникаций накладывают свой отпечаток на процессы социализации, приводя к редукции духовных ценностей.

В результате на фоне того, что значение субъектного потенциала человека и его развития в современных условиях возрастают, этот процесс может быть превращен лишь в видимость, при которой человек активно манипулируется и, наоборот, теряет личностные, субъектные характеристики. Субъектный потенциал следует понимать как человеческий потенциал в единстве его сущностных характеристик (духовность, творчество, всесторонняя развитость, культура личности), взятый в аспекте развитости целеполагающих и самодетельных возможностей человека. Для того, чтобы он развился и реализовался в действительности именно таким образом, необходимо преодолеть его противоречивость по отношению к человеку, существующие проблемы социализации человека, противоречия и проблемы самой социальной реальности. В настоящее же время многие исследователи отмечают тревожные тенденции в формировании самых основополагающих качеств человека: деятельных, творческих, духовных, социальных.

Динамика инноваций в сфере коммуникаций такова, что опережает темпы социальных изменений, и общество не успевает привести социальную реальность в соответствие с теми новыми возможностями, которые постоянно

генерирует информационно-коммуникативная сфера. Данное противоречие проявляет себя в различных областях жизни общества и находит свое отражение в потенциале человека как несоответствие его развития уровню и темпам развития современной техники и технологий, включая и инновации в сфере коммуникаций. Преодоление возникшего противоречия возможно с помощью новых механизмов социализации личности и, прежде всего, совершенствования образовательной деятельности общества в направлении ее взаимосвязи с инновационным развитием.

Формирование современных коммуникаций выдвигает также ряд новых требований к социализации личности в связи с тем, что их влияние на изменения в обществе и жизни человека зачастую осуществляется латентно. На поверхности реальной жизни людей оно проявляет себя иногда неожиданно, масштабно и не всегда позитивно для человека, который не успевает реагировать на перемены скачкообразного характера. Отмеченное противоречие влечет за собой множество проблем гуманитарного свойства, требующих своего скорейшего разрешения, среди которых – проблема адаптации к происходящим изменениям и психологической устойчивости человека, проблема развития субъектного потенциала человека.

Обозначенные проблемы и направления их разрешения связаны с новыми тенденциями в развитии духовного потенциала личности в информационную эпоху. Повышение роли виртуальной реальности ведет к повышению значения духовной сферы в детерминации социальных процессов, социализации и поведения личности.

В результате процессы, имеющие для жизни социума определяющее значение, развиваются прежде латентно в духовном метасоциальном пространстве, что сказывается не только на противоречивости самих общественных процессов, но и на развитии духовной сферы и духовного потенциала личности. В условиях информационного общества это проявляется, прежде всего, в перевесе информационной составляющей духовной жизни как общества, так и человека по сравнению, например, с мотивационной. Отсюда проистекают очень серьезные проблемы немотивированного поведения, релятивизма и неопределенности ценностей, стихийности и бесконтрольности социализации, тенденции редукции духовного потенциала.

Главным образом эти процессы характерны для молодежной среды, но обнаруживают себя и в других возрастных группах. Их причина просматривается в том, что традиционные направления целенаправленной социализации личности уступают сегодня место спонтанной стихийной социализации, которую несут с собой современные массовые коммуникации и их новые технологические инновации. Результаты такой социализации имеют непредсказуемый характер, так же как и личность, ею произведенная. Примеров этому существует множество.

Несмотря на то, что сфера образования, являясь единственной сферой общества, которая имеет своей целью развитие личности, располагает большим количеством средств ее целенаправленной социализации, она тоже испытывает на себе влияние отмеченных здесь и иных противоречий социального и

социально-коммуникативного свойства. По сути дела, современной сфере образования приходится выдерживать сложную конкуренцию с современными информационно-коммуникативными технологиями, которые активно проникают в нее.

Представляется, что в разрешении современных противоречий социализации личности важно сохранить определяющую роль наиболее значимых для ее становления принципов, на основе которых формируются базовые человеческие качества и которые являются главенствующими для становления человеческой идентичности в различных ее аспектах: родовой, социальной, государственной, этнической. Их развитие и использование, прежде всего, в сферах образования, управления, деятельности общественных организаций могло бы способствовать преодолению тех противоречий и трудностей, которые встают сегодня на пути становления человека и его потенциала. Освоение различных видов деятельности помогает приблизить процесс идентификации человека к самим его сущностным основам, к деятельным началам личности.

Базовым противоречием, образующим проблему человека в истории и в развитии представлений о нем, является противоречие сущности и существования. Его можно рассматривать как ключевое противоречие социализации личности, а его разрешение – как действенный путь решения проблемы человека и развития его потенциала. С этой точки зрения можно подойти и к решению вопроса о субъектном потенциале человека с учетом его актуализации. И если социальная действительность дает нам примеры очень существенных расхождений и противоречий в данном вопросе, которые часто не поддаются разрешению, то стремиться соединить сущность и существование человека, по крайней мере, можно в области образования и воспитания детей и юношества, а также в создании условий для развития и реализации творческих возможностей взрослых. Это, пожалуй, самый важный шаг в развитии потенциала человека, поскольку он способствует идентификации его в отношении самой своей сути (сущности человека). Подтверждает этот вывод вековой опыт развития образования и педагогики, создающих от эпохи к эпохе новые методы образования и воспитания человека, формирующие новое содержание образования, реализующие различные педагогические системы. Следует отметить также, что образование, ориентированное на сущностную идентификацию человека и, соответственно, на развитие личности, всегда носило опережающий характер по отношению к существующим социальным условиям и оказывало преобразующее воздействие на них через активную субъектную роль личности. Поэтому в современном образовании и в современной педагогике важно не просто воспроизвести опыт прошлого, но и учесть реалии динамично развивающейся социальной и социально-коммуникативной действительности, а также тенденции трансформации потенциала человека под влиянием современных информационно-коммуникативных технологий.

В практике становления потенциала человека принцип деятельности реализуется в направлении всестороннего развития личности как реализации

универсальных возможностей человеческого потенциала. Тем самым он через развитие у человека готовности (потребности и способности) к различным видам деятельности в практическом плане способствует обретению человеком своих основ, идентифицирующих его со всем человеческим родом.

Их действительному развертыванию и реализации в жизни человека может способствовать развитие в человеческом потенциале социальности как сущностного начала человека, сопряженного с человечностью в отношении к человеку и миру. Формирование социальности вносит то уточнение в понимание сущности человека, что развитие и присвоение универсальной родовой сущности человека происходит в его общении с другими людьми как обмене деятельностями, обмене способностями. Соответственно, чем свободнее и богаче отношения людей, тем богаче все качества их индивидуальности.

Формирование социальности, таким образом, выходит за пределы образовательных институтов, но поддерживается и используется ими, поскольку, как это следует из вышеизложенного, является очень важным для социализации человека, не только раскрывая глубины его потенциальной универсальности и возможности всестороннего развития, но и показывая действительные перспективы их актуализации в жизни каждого индивида. Соответственно, в совокупности все это включает процессы индивидуализации и персонализации личности как неотъемлемые стороны ее социализации наряду с идентификацией, о которой было сказано выше [см.: 4]. Именно на этом уровне у личности развивается активная преобразующая позиция по отношению к окружающей социальной действительности и соответствующие потребности и способности. Современная информационно-коммуникативная реальность редуцирует эту важнейшую сторону социализации, расширяя свое влияние и минимизируя межличностное общение. Компенсаторное воздействие образования в этом направлении необходимо, и оно может выстраиваться на основе межличностных коммуникаций и в образовательном, и в воспитательном процессах, в научных и образовательных коммуникациях, участии в общественной деятельности. В связи с этим следует обратить внимание на то значение, которое необходимо придавать личности педагога в образовательных и воспитательных коммуникациях и которое начинает подавляться применением информационных технологий в образовании. Для решения компенсаторных задач по развитию личности в сложившихся условиях эффективным мог бы оказаться опыт субъект-субъектной педагогики, который базируется на активизации межличностного взаимодействия педагога и учащегося в учебном процессе [см.: 3].

Важным аспектом социализации в современных условиях, на который необходимо обращать особое внимание в сфере образования в процессе развития социальной сущности, является влияние духовной традиции, ведущей свое начало от прошлых поколений, влияние исторической памяти, которое не в меньшей, а, может быть, и в большей степени эффективно, чем современные человеку социальные взаимодействия [см.: 6].

Для современного общества с его размытостью и релятивизмом духовных ценностей и самого представления о духовности это особенно важно помнить.

Представляется, что многие проблемы как в образовании, так и в социальной жизни сегодня связаны с игнорированием именно принципа духовности мироосвоения, без которого невозможно становление человека в полном смысле этого слова [см.: 1].

Духовная специфика, которая возникает сначала на уровне потребности, развивается и разворачивается затем в диалектике потребностей и способностей и их модификаций. Соответственно, духовность присуща потенциалу человека в целом. В свою очередь духовные параметры человеческого потенциала определяют уровень его субъектного развития, поскольку благодаря им потенциал приобретает универсальный, творчески ориентированный характер, а, следовательно, – свою субъектность.

Таким образом, в современном обществе велика востребованность субъектных возможностей человека, и без адресации к ним немислимо сегодня его существование. Очевидно, однако, что это процесс противоречивый, и многие тенденции, которые в рамках него имеют сегодня место, ориентированы в значительной степени не на развёртывание, а на подавление субъектного потенциала с целью воздействия на человека и его выбор.

Внутренние побуждения человека объективируются в поступке, поведении, деятельности, эмоции, языке, формах общения, формах отношений [см.: 2]. Такие модификации потребности как влечения, желания, стремления, страсти, очевидно, можно рассматривать как характеристики меры или силы проявления потребностей, которые объективированы в поведении людей. Диалектика субъективирования – объективирования социальных отношений есть глубоко творческий и индивидуальный процесс усвоения и производства форм социального бытия. Двусторонняя творческая сущность социальных отношений позволяет рассматривать социальную детерминацию поведения личности как социальную самодетерминацию. Ценностные ориентации личности являются результатом этой диалектики, то есть – результатом самоформирования, социальной самодеятельности личности.

В идеальном пространстве потребность предстает и в ее социальной сущности, поскольку идеальное является социально детерминированной субъективной реальностью. Богатство человеческой потребности зависит от того, насколько в идеальном мире человека представлена человеческая деятельная предметность, родовые сущностные силы человека, универсальность отношения к миру, зависит от того, насколько очеловечены его чувства и мысли. С другой стороны, общественная потребность общественного человека формирует богатый чувствами и мыслями идеальный мир человека. Социальная сущность потребности разворачивается в идеальном мире в целом ряде своих модификаций: ценностях, интересах, мотивах, целях, стремлениях, желаниях, программах [см.: 4]. Именно взаимодействие этих идеальных образований определяет, как и почему тот или иной объект становится не безразличен субъекту, возбуждает его интерес, пробуждает сущностные силы человека, те или иные поступки, действия людей.

Таким образом, меру гуманизма современного общества в значительной степени определяет уровень развития духовности и субъектного потенциала

человека. Вышеизложенное показывает актуализацию их значения в условиях современных коммуникаций и свойственные им противоречия. Рассмотренный выше подход, на наш взгляд, вполне может служить разработке индикаторов характера социальных процессов и развития потенциала человека для мониторинга коммуникативных изменений в обществе и выработки новых социальных регуляторов и компенсаторных механизмов социализации личности. В соответствии с этим необходимо выстраивать новую роль образования в условиях современной информационно-коммуникативной реальности.

Список литературы

1. Волкова В. О. Духовно-практическая компетенция как принцип субъектности человека. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2005. – 228 с.
2. Воронин Г. Л. Социологическая диагностика духовной детерминанты социального взаимодействия. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. – 255 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь: Сборник. – М.: АСТ, 2008. – 668 с.
4. Зеленев Л. А., Владимиров А. А. Проблемы высшей школы России: традиции и новации. – Нижний Новгород: ВГАВТ, 2014. – 128 с.
5. Субетто А. И. Качество непрерывного образования в Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы, прогнозы (опыт мониторинга). – СПб.: Астерион, 2016. – 386 с.
6. Султанов К. В. Идея поликультурного образования в русской традиции. – СПб.: СПбПУ, 2004. – 260 с.

References

1. Volkova V. O. Spiritual and Practical Competence as a Principle of Human Subjectivity [*Dukhovno-prakticheskaya kompetentsiya kak printsip subektnosti cheloveka*]. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2005, 228 p.
2. Voronin G. L. Sociological Diagnosis of the Spiritual Determinants of Social Interaction [*Sotsiologicheskaya diagnostika dukhovnoy determinanty sotsialnogo vzaimodeystviya*]. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2002, 255 p.
3. Vygotsky L. S. Thinking and Speech: Collected Works [*Myshlenie i rech: Sbornik*]. Moscow, AST, 2008, 668 p.
4. Zelenov L. A., Vladimirov A. A. Problems of Russian Higher Education: Traditions and Innovations [*Problemy vysshey shkoly Rossii: traditsii i novatsii*]. Nizhny Novgorod, VGAVT, 2014, 128 p.
5. Subetto A. I. Quality of Continuing Education in the Russian Federation: Status, Trends, Problems, Forecasts (Monitoring Experience) [*Kachestvo nepreryvnogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie, tendentsii, problemy, prognozy (opyt monitoringa)*]. Saint Petersburg, Asterion, 2016, 386 p.
6. Sultanov K. V. The Idea of Multicultural Education in the Russian Tradition [*Ideya polikulturnogo obrazovaniya v russkoy traditsii*]. Saint Petersburg, SPbPU, 2004, 260 p.

УДК 001.8

«Эффективность» как категория оценки деятельности в научной сфере*

Инкижекова Мария Сергеевна – федеральное государственное казённое образовательное учреждение «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кафедра общей психологии и гуманитарных дисциплин, доктор философских наук, доцент, Екатеринбург, Россия.

Email: masha_ink@mail.ru

620017, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66,
тел.: 8 (343) 379-09-35.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Проблема нахождения инструментария для оценки эффективности деятельности в научной сфере является одной из актуальных. В настоящее время оценивание деятельности научных коллективов (организаций) и отдельных ученых в Российской Федерации производится чаще всего на основе понятия «эффективности».

Результаты: Ознакомившись с тенденциями развития науки и зная специфику индикаторов, используемых экспертами с целью оценки эффективности научной деятельности, современный ученый может выстроить свою работу так, чтобы соответствовать критериям, по которым определяется результативность его научной деятельности.

Область применения результатов: Представленный материал позволяет сформировать важные компетенции по методикам оценки результативности и эффективности научного труда в Российской Федерации.

Выводы: На современном этапе развития науки еще не окончательно оформился наукометрический инструментарий. Некоторые используемые методики вызывают острые дискуссии, подвергаются критическому анализу. Перманентные трансформации в наукометрии необходимы, они позволяют уточнить критерии с целью достижения наиболее объективных оценок деятельности ученых.

Ключевые слова: эффективность; эффект; индикаторы; оценка; Паспорт национального проекта «Наука».

“Efficiency” as a Category of Activity Evaluation in the Scientific Field

Inkizhekova Maria Sergeevna – Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of General Psychology and Humanities, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Yekaterinburg, Russia.

* © М. С. Инкижекова, 2019.

Email: masha_ink@mail.ru

66 Korepina st., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620017, Russia,
tel.: 8 (343) 379-09-35.

Abstract

Background: The problem of finding tools for assessing the efficiency of activities in the scientific field is one of the urgent. Currently, the evaluation of the activities of scientific teams (organizations) and individual scientists in the Russian Federation is often based on the concept of “efficiency”.

Results: Being acquainted with the development trends of science and knowing the specifics of indicators used by experts to evaluate the effectiveness of scientific activity, modern scientists can arrange their research in such a way as to meet the criteria by which the effectiveness of their scientific activity is estimated.

Implications: The material presented allows us to form important competences using methods for evaluating the effectiveness and efficiency of research in the Russian Federation.

Conclusion: At the present stage of national science development, scientometric tools have not been fully developed. Some of the methods used cause heated debate and are subjected to critical analysis. Permanent transformations in scientometrics are necessary as they allow us to clarify the criteria in order to achieve the most objective assessments of scientists’ activities.

Keywords: efficiency; effect; indicators; assessment; Passport of the national project “Science”.

В современных условиях, когда уровень развития науки и инновационных технологий становится ключевым фактором обеспечения национальной безопасности и наращивания экономической конкурентоспособности стран в системе мирового хозяйства, особое внимание во многих государствах мира уделяется показателям эффективности научной деятельности. Как следствие, научная деятельность становится подконтрольным явлением. Но здесь возникают сложности в нахождении того инструментария, который позволил бы наиболее адекватно отразить уровень развития и потенциал науки отдельного государства. Имеющиеся трудности во многом объясняются вполне объективными причинами, что связано со спецификой научной деятельности и самим научным (интеллектуальным) продуктом, имеющим скорее идеальную природу, точно измерить которую в числовых показателях практически невозможно.

Насущная необходимость анализа научно-исследовательской сферы и нахождение инструментария для оценки и сравнения основных ее показателей привели в настоящее время к созданию методик, с помощью которых становится возможным более или менее адекватно фиксировать и сопоставлять данные, представленные в виде числовых величин на «входе» и «выходе» отдельной национальной научной системы, отражающие ее эффективность. Поэтому категория «эффективность» становится одной из ключевых, поскольку позволяет оценить результативность любой деятельностной процессуальности,

имеющей место на разных уровнях системы научно-исследовательских практик.

Определяя содержание дефиниции, можно отметить, что *эффективность* есть относительный показатель, в котором находит отражение уровень использованных трудовых и материально-технических ресурсов с учетом затраченного времени и конечный результат, оцениваемый с помощью категории «качество работы». Иными словами, в конкретно-измеримых величинах в показателе «эффективность» фиксируется результативность деятельности посредством анализа соотношения количественных и качественных индикаторов.

Напомним, что под индикатором понимают доступную наблюдению и измерению характеристику изучаемого объекта, позволяющую судить и о других его характеристиках, недоступных непосредственному наблюдению.

Индикаторами эффективности научно-исследовательской деятельности в Российской Федерации являются:

- общее число научных публикаций (статей) в высокорейтинговых журналах (характеризует продуктивность ученых);
- индекс цитирования (свидетельствует о степени признания научным сообществом и отражает повышение престижности работы);
- импакт-фактор журналов, в которых опубликованы материалы исследований (определяет качество статей);
- индекс Хирша (отражает востребованность научных работ ученого у научного сообщества).

В то же время есть оригинальные наработки, которые также используются при оценке эффективности деятельности отдельных организаций и ученых. Так, например, с целью выполнения государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий на 2013–2020 гг.» и Паспорта национального проекта «Наука» (утвержденного президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) был разработан ряд целевых показателей, которые не встречаются в других странах. Среди них «удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей», «коэффициент изобретательной активности» и др.

Представленные в нормативных документах Российской Федерации стратегии и индикаторы свидетельствуют о том, что главными приоритетами научного и инновационного развития в Российской Федерации выступают:

- включение молодых специалистов в научно-исследовательские практики и повышение доли исследований, проводимых под руководством молодых перспективных ученых в возрасте до 39 лет;
- увеличение количества патентных заявок, поданных в патентные ведомства (удостоверяющих высокий уровень изобретательской деятельности в научно-технической области);
- увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки, в том числе за счёт привлеченных денежных средств как дополнительных источников финансирования в науку, посредством выполнения хоздоговорных

работ и с помощью грантов (что должно отражать востребованность проводимых исследований);

– интеграция университетов и научных организаций и их кооперация с организациями, действующими в реальном секторе экономики [см.: 2].

Сегодня стратегическими ориентирами для повышения квалификации и профессионального роста для российских ученых становятся представленные в Паспорте национального проекта «Наука», утвержденного президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16, категории «ведущий учёный» и «молодой перспективный исследователь».

Ведущий ученый – это исследователь, имеющий за последние 2 года не менее 1 статьи в изданиях первого и второго квартиля, индексированных в международных базах данных, или не менее 1 патента на изобретение за рубежом.

Молодой перспективный исследователь – исследователь в возрасте до 39 лет, имеющий ученую степень и за последние 3 года не менее 2 статей в изданиях, индексированных в международных базах данных, или не менее 2 патентов на изобретение в Российской Федерации или за рубежом [см.: 2].

Известно, что эффективность в самом общем виде рассчитывается формулой:

$$\mathcal{E} = P/Z,$$

где \mathcal{E} – эффективность;

P – результат (эффект);

Z – текущие затраты на получение данного результата (ресурсоемкость)¹.

Данные математические исчисления, где результат соотносится с используемыми ресурсами, подводят к выводу о том, что под категорией «эффективность» понимается оптимальное использование ресурсов, дающих определенный эффект.

Как следствие, возникают вопросы об объективной оценке и условиях повышения эффективности, что взаимосвязано с поиском тех критериев, по которым станет возможным определять результативность и эффективности деятельности.

Критерий эффективности – это обобщающий показатель, представленный в цифровом выражении, посредством которого оценивается степень достижения цели – иными словами, определяется качество и(или) количество результатов какой-либо целеполагающей деятельности.

Одним из критериев оценки эффективности выступает *коэффициент эффективности*, который вычисляется на основе сопоставления (соизмерения) количественных и качественных показателей конкретных достижений и тех затрат и ресурсов, которые были использованы. Иными словами, коэффициент эффективности измеряется отношением результата (конечного продукта) к вызвавшим его затратам (вложениям). Высокий уровень результативности

¹ В этом показателе используют данные только о тех ресурсах, которые входят в состав текущих затрат.

является показателем того, что при минимальных затратах достигается максимальная производительность.

Критерии эффективности используются субъектом, оценивающим конкретную целеполагающую деятельность, с целью обнаружения эффектов.

Как видно из представленного выше материала, взаимосвязанной с категорией «эффективность» выступает категория «эффект». Как отмечают современные лингвисты, этимологически понятие «эффективность» является производным от слова «эффективный» (от лат. – производительный), что синонимично выражению «дающий эффект».

Эффект – абсолютная величина, обозначающая достигаемый результат какого-либо процесса. Иными словами, под категорией «эффект» подразумевается абсолютный количественный показатель желаемого результата какого-либо процесса. Как следствие, смысловое содержание категории «эффект» не тождественно категории «эффективность», не может быть сведено к нему.

Эффективность, как уже было сказано выше, это достигнутый результат, который оценивается соотношением результата и затрат (тех затрат, который обусловили достижение именно этого, конкретного эффекта). Безусловно, эффект (как результат и абсолютная величина) сам по себе очень важен, но не менее важно знать, какими затратами он достигнут. Поэтому соизмеримость эффекта и затрат на его достижение является основой эффективности.

Виды эффектов. Основными видами эффектов, позволяющими оценить результат деятельности, являются: экономический, научно-технический, социальный, экологический и др.

Экономический эффект – это показатели, представленные в стоимостном выражении продукта или услуги, имеющих ценность в условиях рынка.

Научно-технический эффект может иметь форму знаний, технологий, технических изобретений. Во многом он связан с инновационной деятельностью и ее результатом. При оценке используют показатели, отражающие новизну, полезность, практическую применимость и экономическую эффективность.

Социальный эффект, как правило, не имеет стоимостной оценки, но является важным для определения уровня благосостояния общества, качества жизни и труда, жизнедеятельности в целом. Данный вид эффекта крайне сложно представить в точных экономических показателях, так как он связан с такими явлениями как образ жизни, условия труда, здоровье и т. п., характеризуемыми понятием «качество жизни».

Экологический эффект – результат влияния человека на природу. Здесь учитываются реальные и потенциальные экологические риски, уровень экологической безопасности, степень воздействия на окружающую среду.

Как видно из представленного выше материала, при оценке эффективности научных исследований применяют разные критерии, характеризующие степень их результативности (эффекта). Так, например, *эффект от фундаментальных теоретических исследований*, для которых характерен высокий уровень капиталовложений, оценивается широтой применения полученных результатов

в сфере научного познания. Такие показатели фиксируются скорее не количественными, а качественными данными. А именно, какой вклад привнесли новые знания в ту или иную отрасль, насколько изменили в лучшую сторону те или иные процессы и технологии.

Проще бывает оценить *эффективность прикладных исследований*. Здесь уже признается не только качественный, но и количественно выраженный результат. Например, определяется прибыль от инноваций, стоимость капитала, уровень жизни и доходов населения и т. п.

В зависимости от характера целей и задач – точнее, определяя их значимость и важность – можно говорить о стратегическом, тактическом и оперативном эффекте.

Стратегический эффект, как понятно из самого названия, есть эффект от реализации той или иной стратегии. Он не просто связан с долгосрочным стратегическим планом, но характеризуется именно достижением главной и важной цели. Такой вид эффекта можно назвать интегрированным, так как он представлен комплексом достижений, выстроенных на основе тактически решаемых задач.

Как следствие, практическим отражением поэтапного движения к достижению стратегической цели являются *тактические эффекты* – эффекты, которые демонстрируют не только успешность в постепенной реализации конкретно запланированной стратегической цели, но отличаются гибкой маневренностью и оперативностью в принятии решений.

Оперативный эффект – это эффект, который демонстрирует успешность в решении самых насущных, текущих задач. Как правило, он отражает способность быстро принимать ключевые решения, реагируя на изменяющиеся условия, происходящие «здесь и сейчас».

Учет ключевых показателей эффективности необходимо производить регулярно в связи с тем, что полученные данные помогают субъекту деятельности производить оценку текущего состояния дел, но также способствуют детальной разработке и корректировке плана в достижении стратегических и тактических (операционных) целей.

До настоящего времени существуют проблемы нахождения того инструментария, который позволил бы наиболее адекватно проводить мониторинг и осуществлять контроль за эффективностью деятельности. Поэтому вопрос разработки технологий вычислений показателей эффективности находится под пристальным вниманием специалистов самых различных научных направлений. Связано это с тем, что оценка эффективности деятельности является важнейшим показателем, на котором основывается принятие решений по оптимизации использования имеющихся ресурсов, а в некоторых случаях их сокращению.

При отсутствии показателей эффективности планирование строится только на субъективном мнении, что, как следствие, приводит к ошибочным и недальновидным решениям.

Факторы, влияющие на эффективность научной деятельности, можно условно разделить на внешние и внутренние.

Исходя из названия, вполне понятно, что первая группа факторов включает факторы внешней среды. К ним относятся социально-исторические, экономические, политические и др. условия, в которых осуществляется научная деятельность. Эти факторы неподконтрольные и неуправляемые системой науки.

Вторая группа факторов, так называемые внутренние, представляют собой факторы, которые управляются изнутри и, соответственно, могут быть подвергнуты корректировке самой научной системой. Эти факторы связаны непосредственно с научной деятельностью и во многом определяют результативность науки.

К факторам внешней среды, обуславливающим желаемую эффективность, относятся:

- стабильный рост экономического благосостояния, а потому высокие инвестиции в науку и образование; достойный уровень оплаты труда ученых;
- политические и социокультурные, создающие условия для стабильной деятельности научных организаций;
- социальные, связанные с признанием престижа научно-исследовательской работы, высокого статуса труда ученого;
- наличие рынка интеллектуального капитала и эффективное использование инноваций, интеллектуальных услуг, прав на объекты интеллектуальной собственности и др.

Следует признать тот факт, что большинство внешних факторов связаны больше с экономической сферой, однако напрямую увязывать эффективность науки только с экономикой нельзя.

Среди внутренних факторов, определяющих эффективность и успешность науки, можно выделить:

- материально-технические (внедрение и использование прогрессивных технологий, современных технических средств, производительного технологического оборудования; иными словами, постоянное усовершенствование материально-технической базы, обновление и модернизация условий труда);
- организационно-управленческие (разработка стратегии и тактики деятельности; информационное обеспечение процессов принятия решений; освоение новых, более совершенных управленческих технологий; регулярность контроля и мониторинга научно-исследовательской деятельности);
- экономические (финансовое планирование и экономическое стимулирование деятельности, анализ и поиск внутренних резервов роста прибыли);
- социальные (повышение квалификации работников; улучшение условий их труда, организация оздоровления и отдыха);
- психологические (формирование и поддержание стремления к личностному саморазвитию, повышению профессионализма, формирование и поддержание чувства ответственности).

Итак, в заключение можно сделать вывод о том, что внимание к проблеме нахождения инструментария для оценки эффективности деятельности в

научной сфере не будет ослабевать. Эта тема останется актуальной, в связи как с геополитическими процессами, так и с набирающей обороты цифровой цивилизацией. Через повышение требований к показателям эффективности решается одна из важнейших задач, стоящих перед национальной системой науки и образования в Российской Федерации, – удовлетворение потребности в высокопрофессиональных научно-педагогических и инженерно-технических кадрах.

Список литературы

1. Крулев А. А. Роль наукометрии в стратегическом планировании научной деятельности // Научно-техническая информация. – Серия 1. – 2019. – № 1. – С. 21–26.

2. Паспорт национального проекта «Наука» (утвержденного президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс].

– Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (дата обращения 10.10.2019).

References

1. Khrulev A. A. The Role of Scientometrics in the Strategic Planning of Scientific Activities [Rol naukometrii v strategicheskom planirovanii nauchnoy deyatel'nosti]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* (Scientific and Technical Information), Series 1, 2019, № 1, pp. 21–26.

2. Passport of the National Project “Science” (Approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 16 dated 24.12.2018) [*Pasport natsionalnogo proekta «Nauka» (utverzhdennoho prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i natsionalnym proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16)*]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (accessed 10 October 2019).

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 338.50

Б. Р. Левин – выдающийся советский ученый и педагог. К 100-летию со дня рождения*

Левин Виталий Ильич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет», доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заслуженный деятель науки РФ, Пенза, Россия.

Email: vilevin@mail.ru
440039, Пенза, пр. Байдукова, д. 1-а,
тел.: +7 (986) 942-15-07.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В 2019 году исполняется 100 лет со дня рождения советского ученого, специалиста в области радиотехники и теории надежности Бориса Рувимовича Левина.

Результаты: После окончания в 1941 году механико-математического факультета МГУ Б. Р. Левин был направлен для продолжения образования в Военно-воздушную инженерную академию им. проф. Н. Е. Жуковского, где специализировался в области военных авиационных приборов и радиосистем. В последующем вся его научная деятельность была посвящена радиоэлектронике. Главными направлениями его работы стали повышение надежности радиоэлектронных систем, статистическая радиотехника, задача обнаружения полезного сигнала на фоне помех. За 40 лет научной деятельности он подготовил 34 кандидата и 4 докторов наук, опубликовал учебники и монографии, многие из которых становились настольными книгами радиоинженеров. Борис Рувимович отличался безукоризненной честностью и порядочностью как в науке, так и в повседневной жизни. Вслед за А. Эйнштейном он считал, что нравственные достижения ученого важнее его интеллектуальных достижений.

Область применения результатов: Статья адресована специалистам по истории науки, а также всем читателям, которых интересует жизнь и творчество знаменитых отечественных ученых.

Выводы: Борис Рувимович Левин оставил после себя богатое наследие: основополагающие научные результаты в области теории надежности радиоэлектронных систем и статистической радиотехники; замечательные книги в указанных областях, а также множество учеников – докторов и кандидатов наук.

* © В. И. Левин, 2019.

Ключевые слова: Б. Р. Левин; радиотехника; теория надежности; логическая надежность; личность ученого; организация науки.

B. R. Levin – an Outstanding Soviet Scientist and Teacher. On the Centenary of the Birth

Levin Vitaly Ilich – Penza State Technological University, Doctor of Engineering, Professor, Leading Researcher, Honored Scientist of the Russian Federation, Penza, Russia.

Email: vilevin@mail.ru

1-a Baydukov ave., 440039, Penza, Russia,

tel.: +7 (986) 942-15-07.

Abstract

Background: In 2019, the 100th anniversary of the birth of a Soviet scientist, specialist in the field of radio engineering and reliability theory Boris Ruvimovich Levin is celebrated.

Results: After graduating from the Faculty of Mechanics and Mathematics at Moscow State University in 1941, B. R. Levin continued his education at the Air Force Engineering Academy named after prof. N. E. Zhukovsky, where he specialized in the field of military aircraft instruments and radio systems. Subsequently, all his academic activities were devoted to radio electronics. The main areas of his research were improving the reliability of electronic systems, statistical radio engineering and the problem of detecting a useful signal against background noise. Over 40 years of scientific activity, he supervised 34 “candidates” (PhD) and 4 doctors of sciences, published textbooks and monographs, many of which became the reference books for radio engineers. B. R. Levin was a figure of impeccable honesty and decency both in research and everyday life. Following A. Einstein, he believed that the moral achievements of a scholar are more important than his intellectual achievements.

Implications: The article is addressed to specialists in the history of science, as well as to all readers who are interested in the life and work of famous Russian scientists.

Conclusion: Boris Ruvimovich Levin left behind a rich legacy: fundamental scientific results in the field of the theory of reliability of radio-electronic systems and statistical radio engineering, fundamental works in these areas, as well as many disciples – doctors and “candidates” (PhD) of science.

Keywords: B. R. Levin; radio engineering; reliability theory; logical reliability; the personality of the scientist; organization of science.

Введение

Знакомство мое с Борисом Рувимовичем Левиным произошло летом теперь уже очень далекого от нас 1962 года. Тогда Борис Рувимович был молодым доктором технических наук, сотрудником научной лаборатории



одного московского закрытого НИИ (почтового ящика, как тогда называли такие НИИ) и профессором Московского электротехнического института связи (МЭИС). В то время он уже был хорошо известен в научном мире как один из пионеров теории надежности технических систем и статистической теории связи, а я был всего лишь начинающим инженером, окончившим в 1959 году Политехнический институт в г. Каунасе, сотрудником лаборатории надежности Каунасского НИИ радиоизмерительной техники, пытавшимся заниматься наукой. Таким образом, между Б. Р. Левиным и мною не было ничего общего, если не считать тему работы и фамилию.

Тем не менее мой начальник лаборатории Александр Давидович Кроп, встречавшийся с Борисом Рувимовичем на совещаниях по вопросам надежности, уговорил его пообщаться со мной по поводу возможного руководства моей аспирантской подготовкой. Встреча и беседа с Б. Р. Левиным состоялась на его московской квартире, находившейся тогда вблизи Рижского вокзала, на пересечении проспекта Мира и Большой Переяславской улицы. Во время разговора Борис Рувимович расспрашивал меня о тематике работ в области надежности лаборатории Кропа, где я тогда работал, и оценил ее не слишком высоко; он советовал мне заняться «логической надежностью», в духе недавней тогда статьи Джона фон Неймана «Вероятностная логика и синтез надежных организмов из ненадежных компонент» из сборника «Автоматы» под редакцией К. Шеннона и Дж. Маккарти 1956 года. Он также долго выспрашивал меня о моей фамилии, семье, родственниках, пытаюсь понять, не являемся ли мы родственниками. Потом мы вспомнили, что фамилия Левин очень распространена в определенных кругах (в Москве в те годы даже была присказка: «Это не почтовый ящик, если там нет докторов наук Левина и Лившица»), и разговор окончился тем, что Борис Рувимович выразил готовность стать научным руководителем моей аспирантской работы. Домой из Москвы я летел, как на крыльях. И хотя с тех пор прошло 47 лет, пожелания Бориса Рувимовича о развитии логической надежности давно воплощены в жизнь, а я давно сам стал научным руководителем аспирантов, память об этом замечательном человеке и ученом сохранилась у меня во всех подробностях и навсегда. Предлагаемая работа – лишь небольшая дань этой памяти.

1. Научная биография

Борис Рувимович Левин родился 24 июня 1919 года в г. Донецке. В 1937 году, окончив среднюю школу с золотой медалью, он поступил на механико-математический факультет Московского государственного университета. Этот вуз в те годы был одним из ведущих в мире, и его не следует путать с современным МГУ, который даже не входит в число первых 400 университетов мира. В частности, на механико-математическом факультете, работавшем тогда

в тесном контакте с ведущими математиками Германии (Д. Гильберт, Ф. Клейн, Э. Ландау) и Франции (А. Лебег, М. Данжуа, Л. Шварц и т. д.), преподавали такие корифеи, как Н. Н. Лузин, С. Н. Бернштейн, А. Я. Хинчин, П. С. Александров, А. Н. Колмогоров, Л. А. Люстерник и др. Это позволяло не просто готовить высококвалифицированных знатоков математики, но и еще на университетской скамье подводить молодежь непосредственно к современному и передовому тогда уровню математических научных исследований.

Окончание Б. Р. Левиным университета совпало с началом Великой Отечественной войны. И не было бы выдающегося ученого с такой фамилией, если бы не «забота партии и правительства». Тогда, в самом начале войны, по личному распоряжению И. В. Сталина отличников с мехмата и физфака МГУ снабдили бронью, освобождавшей их от призыва в армию, и направили на учебу по сокращенной программе в ведущие военные академии страны, чтобы в сжатые сроки подготовить из них высококвалифицированных военных инженеров-исследователей. Борис Рувимович попал на учебу в военно-воздушную инженерную академию им. проф. Н. Е. Жуковского (ВВИА), готовившую авиационных инженеров. Его специализацией в ВВИА стали военные авиационные приборы и радиосистемы. Отметим, что, несмотря на трудности военного времени и поставленные ограниченные сроки подготовки специалистов, в которых остро нуждалась военная промышленность, ВВИА и другие военные академии, готовившие «ускоренников», ни на йоту не снижали научно-теоретического уровня подготовки. Этому способствовал очень высокий уровень квалификации профессорско-преподавательского состава академий. Так, в ВВИА им. Н. Е. Жуковского этот уровень практически не уступал МГУ: в академии в это время работали многие выдающиеся ученые и педагоги, например, В. С. Пугачев (специалист по теории вероятностей и исследованию операций, будущий академик АН СССР), Д. А. Вентцель (специалист по теории вероятностей и теории стрельбы) и др. Там же работала тогда молодая Е. С. Вентцель, жена Д. А. (специалист по теории вероятностей и исследованию операций), прославившаяся уже после войны созданием лучшего советского учебника по теории вероятностей для инженеров и серией талантливых беллетристических произведений (!) из жизни ученых закрытых НИИ, написанных ею под псевдонимом «Ирина Грекова». Так что обстановка в ВВИА того времени была весьма творческая. Но учиться из-за обилия сложных дисциплин было нелегко. Тем не менее, большинство курсантов учились очень хорошо. Этому способствовал не только жесткий отбор при зачислении курсантов в академию и высокий уровень преподавания, но и своеобразный, не вполне академический метод управления качеством учебы. А именно – не успевающих курсантов сразу отчисляли, после чего они автоматически теряли бронь и направлялись на фронт в действующую армию с шансами остаться в живых 3% (именно таков процент их поколения воевавших, вернувшихся с войны). Система ускоренной подготовки инженеров-исследователей из лучших студентов МГУ – математиков и физиков – в целом оправдала себя: подготовленные этим путем инженеры были направлены на работу в различные закрытые НИИ, где большинство их в считанные годы стали крупными

учеными, главными конструкторами, руководителями НИИ и КБ и получили множество титулов и наград (доктора наук, профессора, академики, лауреаты). Проект имел и оборотную сторону: часть привлеченных к нему студентов МГУ, которые в будущем могли бы стать выдающимися учеными – математиками и физиками, окончив военные вузы, навсегда остались «технарями» и их жизнь оказалась покалеченной.

Б. Р. Левин после окончания с отличием ВВИА в 1945 году получил направление в военно-воздушные силы Советского Союза в качестве инженера эскадрильи (!). В 1947 году он добился демобилизации и стал работать научным сотрудником на предприятии Минсельмаша (!). Здесь он занимался проблемами повышения эффективности двигателей сельхозмашин, защитил кандидатскую диссертацию (1950). И лишь в 1952 году, в возрасте 33 лет, он смог устроиться научным сотрудником на предприятие Минрадиопрома и стал заниматься делом своей жизни – радиоэлектроникой, а в 1964 г. стал заведующим лабораторией.

Тематика его первых работ в области радиоэлектроники была связана с практически важной проблемой повышения надежности проектируемых и изготавливаемых радиоэлектронных систем. Конкретно, Борис Рувимович занимался развитием структурной теории надежности систем, в которой изучается два класса задач: анализ надежности систем (т. е. определение количественных показателей надежности системы с известными структурой и количественными показателями надежности ее элементов) и синтез надежности систем (т. е. определение структуры системы, обеспечивающей требуемый уровень ее надежности при заданных ограниченных количественных показателях надежности ее элементов). В связи со случайным характером потоков отказов в элементах систем решение указанных задач требовало применения математического аппарата теории вероятностей и ее ветвей – теории случайных процессов и теории массового обслуживания. Всем этим премудростям Бориса Рувимовича основательно учили – сначала в МГУ, а затем в ВВИА. Эта выучка в сочетании с талантом и большой работоспособностью ученого привели к тому, что уже в середине 1950-х годов он стал одним из наиболее авторитетных специалистов по теории надежности технических систем, автором ряда известных публикаций в этой области, используемых практиками. Его стали приглашать читать лекции для работников НИИ и КБ, на основе которых им были написаны методические пособия по расчету надежности, ротاپринтные копии которых распространялись по службам надежности НИИ, КБ и промышленных предприятий. Впоследствии из этих методичек родилось несколько обстоятельных книг, изданных солидными московскими издательствами («Элементы теории надежности», 1969; «Основы теории надежности радиотехнических систем», 1978 и др.).

В середине 1950-х годов научные интересы Б. Р. Левина стали все больше смещаться в другую область, а именно – статистической радиотехники. Точнее говоря, он стал заниматься математическими задачами, связанными с обнаружением и выделением регулярного полезного сигнала в поступающей на

вход приемника смеси этого сигнала со случайными помехами. Это было новое направление в науке, получившее название теории информации и обязанное своим появлением американскому ученому К. Шеннону. Со временем оно составило часть более общей науки – кибернетики, открытой американцем Н. Винером. Задачами обнаружения полезного сигнала на фоне помех Борис Рувимович успешно занимался до конца жизни. Именно в этой научной области, основанной на фундаментальной базе теории вероятностей и математической статистики, им были получены многочисленные первоклассные научные результаты, обеспечивающие возможность конструктивного решения множества практических задач, возникающих в радиолокации движущихся воздушных целей, локации космических объектов, обнаружении наземных объектов и т. д. Здесь же работало большинство его учеников – 34 кандидата и 4 доктора наук, составивших со временем мощную, широко известную в СССР и за рубежом научную школу, защищались многочисленные диссертации, проводилось множество научных конференций. Б. Р. Левин активно участвовал в оборонных разработках Минрадиопрома (радиолокационные станции, радиорелейные системы связи), используя свои результаты по обеспечению помехоустойчивости систем. На базе этих разработок в 1962 году он защитил докторскую диссертацию.

Кроме научной работы, Б. Р. Левин много времени уделял педагогической работе, преподавая различные радиотехнические и прикладные математические дисциплины студентам, аспирантам и научным работникам нашей страны (МЭИС, закрытые НИИ) и социалистических стран (ГДР, Чехословакия, Болгария и др.) и являясь научным руководителем многочисленных аспирантов и научным консультантом многих докторантов. С 1964 г. до конца жизни Борис Рувимович был профессором МЭИС. Его лекции были всегда очень выразительны, что позволяло добиваться эффективности изложения материала. Очень много времени он уделял научно-общественной работе, являясь экспертом, членом многочисленных комиссий, советов и т. д. Он был также членом Научного совета АН СССР по проблеме «Статистическая физика», членом редколлегии академического журнала «Радиотехника и электроника», членом редсовета издательства «Радио и связь», ответственным редактором серии «Статистическая теория связи» этого издательства и т. д. Особую роль в развитии теории информации в СССР сыграло его многолетнее руководство секцией теории информации Всесоюзного научно-технического общества радиотехники и связи имени А. С. Попова, благодаря которому ежегодные научные сессии указанного общества из парадно-протокольных мероприятий превратились в полновесные международные конференции с широким международным участием. В частности, на одну из таких конференций в 1965 году по приглашению руководства общества приехал сам основатель теории информации К. Э. Шеннон. Основные результаты работы Бориса Рувимовича Левина в области теории информации подведены в фундаментальном руководстве «Теоретические основы статистической радиотехники», выдержавшем три издания в Советском Союзе и переведенном на европейские языки.

Выдающийся вклад Б. Р. Левина в науку и образование получил признание и в СССР, и за рубежом. Его регулярно приглашали на все ведущие всесоюзные, международные конференции по теории информации, где он всегда был желанным гостем. Правда, дальше социалистических стран его никогда не выпускали. И поэтому все приглашения из капиталистических стран он просто складывал в специальную большую коробку, не пытаясь дать им ход. А его книга «Теоретические основы статистической радиотехники» стала настольной для научных работников и проектировщиков радиотехнических систем во многих странах мира. Его работы по теории надежности и статистической радиотехнике были известными в мире, на них ссылаются. В 1988 году за свои работы в области статистической радиотехники Б. Р. Левин в составе группы специалистов удостоился Государственной премии СССР. Он был избран членом многих академий и научных обществ мира. Его знали в мире, на его публикации ссылались. Он входил в редколлегии ряда ведущих научных журналов, как советских («Радиотехника и электроника», «Радиотехника»), так и зарубежных. Но в Академию наук СССР его так и не избрали.

Б. Р. Левин ушел из жизни 12 марта 1991 г., в возрасте 71 года. Он еще был полон творческих сил, вынашивал новые творческие планы, но злая «болезнь века» оказалась сильнее.

2. Б. Р. Левин как ученый

Если разделять ученых на первопроходцев, воплотителей и просветителей, то Б. Р. Левина следует отнести к последней группе, так как больше всего он преуспел в систематизации и обобщении научных результатов других ученых, делающих их доступными для всех. Далее, Б. Р. Левин был, безусловно, теоретиком, а не экспериментатором. То есть намеченный к изучению объект он всегда исследовал на его математической модели. Но известно, что математическая модель объекта должна быть значительно проще самого объекта, если мы хотим, чтобы исследование объекта было успешным. С другой стороны, ничего существенного из модели объекта нельзя устранять в процессе ее упрощения, иначе модель может стать неадекватной объекту. И вот добиться существенного упрощения математической модели объекта, не исключая существенные черты этого объекта, Борису Рувимовичу помогало его двойное образование: математическое (мехмат МГУ) и инженерное (ВВИА). Таким образом, подход Бориса Рувимовича к изучению разнообразных проблем был близок к подходу К. Э. Шеннона, который имел такое же широкое образование. Кстати, Борис Рувимович, как и Шеннон, знал множество разделов современной математики, необходимых в технических приложениях, и виртуозно применял их в решаемых инженерных задачах. Он выступал за «разделение труда» между математиками и инженерами, когда первые строят модели и алгоритмы, а вторые реализуют алгоритмы средствами радиоэлектроники. Другой характерной чертой Бориса Рувимовича, касающейся уже не научной методики, а общего подхода к делу, был его абсолютный профессионализм – он не умел работать плохо или кое-как и

работал всегда только хорошо или никак. Он не любил, когда кто-то работает в науке, «изобретая велосипед». Сам он, приступая к разработке очередной научной темы, всегда обстоятельно знакомился с разработками его предшественников и имеющейся литературой, включая зарубежные источники. Кстати, сам он читал литературу на немецком и английском языках. Он внимательно следил за появлявшейся новой литературой по специальности (журналы и книги), и в его кабинете дома была собрана хорошая библиотека из книг на русском и нескольких иностранных языках. Подавляющая часть книг имели прямое отношение к работе Бориса Рувимовича и постоянно использовались им. Многие книги были с дарственными надписями авторов. Будучи очень целеустремленным человеком, он в своей научной работе не хотел разбрасываться и потому обычно, начав какую-то новую научную тему, стремился ее завершить и лишь после этого браться за следующую тему (разумеется, из этого общего правила бывали исключения, которые касались работы в закрытых НИИ, где начальство нередко навязывало научным лабораториям одновременно разработку нескольких научных тем). Интересно, что все свои научные работы он любил доводить до конца собственными силами, не прибегая к помощи своих более молодых сотрудников и учеников даже при выполнении чисто технических этапов (вычисления, оформление рукописей и т. д.). У него дома были простейшие счетные устройства и пишущая машинка и он ими довольно ловко пользовался. Отметим еще большую скромность Бориса Рувимовича как ученого: он никогда без нужды не выпячивал себя и свои достижения на всеобщее обозрение, предпочитая в случае необходимости говорить о своих результатах скромно, строго и по-деловому.

3. Б. Р. Левин как педагог и просветитель

Б. Р. Левин был прирожденным педагогом. Лекции, читанные им в течение почти сорока лет студентам, аспирантам и научным работникам, отличались большим совершенством. Прежде всего, он очень ясно излагал материал с языковой точки зрения, так что слушатели всегда понимали, что именно он хотел сказать. Его изложение всегда исходило из содержания рассматриваемого вопроса, и лишь затем вводился математический аппарат; в конце лекции он снова возвращался к содержанию вопроса, приводил примеры и делал выводы. Благодаря такой манере изложения материала формулы не могли заслонить от слушателей суть дела, а лишь проясняли ее. К сказанному необходимо добавить особую манеру общения Бориса Рувимовича с аудиторией: он постоянно улыбался и демонстрировал свои доброжелательность и интерес к слушателям, делая исторические отступления, шутил и т. д., так что у слушателей создавалось впечатление, что они присутствуют не на научной лекции, а на глубоком по содержанию и захватывающем по форме театральном спектакле.

Наиболее весомой частью педагогической деятельности Б. Р. Левина была его работа по руководству аспирантами, соискателями и докторантами. Эта работа, кроме научной, составляла смысл его жизни, ей он отдавал большую часть своего времени, сил, души. Руководя молодыми учеными (а их число

временами доходило до 16!), Борис Рувимович действовал обычно не так, как большинство других руководителей. Прежде всего, он настаивал, чтобы каждый его аспирант или соискатель изучил и сдал несколько спецкурсов по математике, используя в качестве базовых соответствующие университетские учебники. Это был вариант знаменитого теорминимума Льва Ландау для физиков, только здесь выпускникам инженерных вузов, с которыми работал Борис Рувимович, предлагалось сдавать на университетском уровне чуждые им математические курсы, что было труднее. Например, мне после поступления в аспирантуру он предложил сдать абстрактную алгебру (по книге Халмоша), теорию функций комплексного переменного (по книге Лаврентьева и Шабата), операционное исчисление (по книге Ван дер Поля и Бремера), теорию вероятностей (по книгам Гнеденко и Феллера), математическую статистику (по книге Крамера), теорию случайных процессов (по книге Дуба), теорию массового обслуживания (по книгам Кокса, Смита, Коваленко) и дюжину других математических дисциплин на таком же уровне. Борис Рувимович считал, что подобные математические «курсы усовершенствования» очень полезны для аспирантов технических специальностей, так как позволяют им существенно поднять свою математическую культуру и тем самым открывают дорогу к изучению серьезных теоретических трудов по своей специальности, а затем и к подготовке диссертации теоретической направленности. Интересно формировал Борис Рувимович темы кандидатских диссертаций своих аспирантов. Если это было возможно, он предпочитал темы в виде кусков нировских работ, которые выполнялись в учреждениях, где работали аспиранты. В этом случае темы даже теоретических диссертационных работ оказывались тесно связанными с практикой, и не возникало никаких проблем с внедрением результатов диссертации. В тех же случаях, когда указанной возможности не было, Борис Рувимович обычно стремился подобрать тему, в которой просматривалась какая-нибудь теоретическая «изюминка», дающая некоторую надежду на то, что в результате выполнения диссертации будет продвинуто известное научное направление или даже возникнет новое. Он постоянно и очень тщательно следил за ходом подготовки диссертаций своих подопечных, интересуясь ходом решения каждой отдельной задачи и подключаясь лично к решению, если в этом была необходимость. Так же он следил за ходом публикаций работ аспирантов, которым придавал большое значение и которые буквально «проталкивал» в серьезные журналы, понимая, что аспирантам это не под силу. Чрезвычайно активен он был в организации и проведении защит диссертаций своих учеников: договаривался о месте защиты, подбирал оппонентов и договаривался с ними, находил ведущую организацию и конкретных ответственных людей в ней! Нередко (в Москве – всегда) он лично приезжал на защиты диссертаций своих учеников и активно участвовал в них. А ведь Борис Рувимович был очень занятой человек, и временные ресурсы на такие мероприятия ему приходилось урывать из своего личного времени. Неудивительно, что молодежь тянулась к нему, и у него всегда было много аспирантов и соискателей. За глаза они (а также многие коллеги) любовно называли его по первым буквам имени и отчества БЭР: он и в самом деле чем-

то напоминал пушистого медвежонка. Результативность работы Б. Р. Левина в качестве научного руководителя аспирантов, соискателей и докторантов была высока: за 40 лет научно-педагогической деятельности он подготовил 34 кандидата и 4 доктора наук! Помимо помощи в подготовке и защите диссертаций, Борис Рувимович оказывал положительное влияние на учеников своей личностью, поддерживал морально, подсказывал правильные ходы и т. д.

Особо следует отметить просветительскую деятельность Б. Р. Левина, которую смело можно назвать подвигом. Помимо собственных монографий, многие из которых становились настольными книгами радиоинженеров, Борис Рувимович инициировал и выступил редактором издания на русском языке многих книг по теории надежности и статистической радиотехнике знаменитых ученых мира (Д. Коуден «Статистические методы контроля качества», 1961; И. Базовский «Надежность: теория и практика», 1964 и «Справочник по надежности», 1969; Д. Мидлтон «Введение в статистическую теорию связи», 1961, «Лекции по теории систем связи», 1964; «Очерки теории связи», 1966; Р. Деч «Нелинейные преобразования случайных процессов, 1965 и др.). Кроме того, под его редакцией и по его инициативе издательство «Советское радио» выпустило 30 монографий ведущих советских ученых в области статистической радиотехники!

4. Б. Р. Левин как человек

Прежде всего, Б. Р. Левин был безукоризненно честный человек перед собой и перед людьми. Его нравственная позиция в науке и в жизни была близка к позиции Эйнштейна, который считал, что нравственные достижения большого ученого важнее его интеллектуальных достижений. Только, в дополнение к этому, Борис Рувимович, видимо, полагал, что талантливый ученый, «подленивающийся» в своей интеллектуальной деятельности, тоже ведет себя безнравственно. Сам он был безусловно талантлив, причем талантливость его проявлялась не только в научной работе, но и во многих других областях: он отлично выступал и с трибуны, и в застолье, очень хорошо руководил аспирантами, превосходно организовывал научные конференции, был умелым администратором и, когда нужно, дипломатом и т. д. Он отличался большой активностью, подключаясь ко всем возможным дельным начинаниям, которые сулили реальный успех: новые научные проекты, новые ученики, новые издательские инициативы, проекты проведения новых конференций и т. д. При этом, если его отговаривали от нового начинания, ссылаясь на его сложность (а Борис Рувимович имел застарелую язву желудка, и ему нельзя было перегружаться), он отвечал в том смысле, что «если не мы, то кто же?», и выполнял задуманное. Его отличали большая дисциплинированность, обязательность, чувство ответственности. Он всегда работал систематически, по возможности придерживаясь плана и в полную силу, всегда выполнял обещанное, никогда никуда не опаздывал и вообще был постоянно в состоянии полной готовности к выполнению всего необходимого. Объясняя такой стиль своей жизни, он напоминал, что окончил не только университет, но и военную академию, и добавлял для полной ясности: «Я солдат!». Б. Р. Левин был

подлинным патриотом, но не в примитивном понимании этого слова пропагандистами, которые профессионально занимаются «любовью к Родине» и трубят об этом на всех перекрестках. Его патриотизм проявлялся, в первую очередь, в большой ответственности за свою работу и высоком качестве результатов этой работы, благодаря чему ученые в мире относились с уважением к нему как специалисту, а вместе с тем и с уважением к стране, в которой есть такие специалисты. Уместно заметить, что в 1970-е годы, на которые пришелся расцвет творчества Бориса Рувимовича, Национальная академия наук США признала СССР ведущей математической страной мира, никому не уступающей своего первенства. В наши дни никто и нигде не говорит ничего подобного. Борис Рувимович был очень человеколюбив, хорошо понимал людей и их нужды и был склонен идти им навстречу, если для этого была хоть какая-то возможность. Особенно сочувственно, даже по-отечески, он относился к научной молодежи: здесь он всегда делал все, что требовалось и что было в его силах. Удивительно, но он никогда не завидовал чужому успеху, а если это был успех его коллег, близких или, особенно, учеников, то радовался, как собственному успеху. Такая реакция отчасти была следствием его беззлобного, независтливого характера, но в большей степени она означала, что Борис Рувимович знал себе цену и потому не нуждался ни в каких спецмерах для ее поднятия. Отметим, наконец, свойственное ему хорошее чувство юмора, которое характеризует подлинно большого ученого. Действительно, ведь юмор – это способность взглянуть на предмет с новой, неожиданной стороны, а именно такая способность приводит настоящих ученых к открытиям. На примере своей жизни и работы Борис Рувимович умело и ненавязчиво воспитывал научную молодежь. Иногда он использовал для воспитания и специальные педагогические приемы, нередко экзотические, например, в форме дарственных надписей на своих даримых книгах. С большой тщательностью Борис Рувимович подходил ко всем сторонам жизни – здесь для него не было мелочей. Так, он скрупулезно готовил тексты своих монографий, сам вписывая многочисленные формулы и размечая их, изготавливал рисунки и т. д. Так же относился он к подготовке методичек для студентов и аспирантов, он как будто видел своих читателей и стремился к максимально доступному для них изложению текста. Он придавал большое значение и своей одежде, которая была у него всегда безукоризненна. Вообще, как интеллигентный человек, он считал, что в человеке все должно быть прекрасно – и внешность, и внутреннее содержание. Разумеется, что он всегда говорил очень осторожно, чтобы, не дай Бог, не обидеть не только присутствующих, но и отсутствующих.

5. Фрагменты личных воспоминаний

Помещенные ниже фрагменты личных воспоминаний автора дополняют сказанное раньше конкретными подробностями из жизни Б. Р. Левина, рисуящими живой образ этого замечательного человека и ученого.

Как уже говорилось, наше знакомство с Борисом Рувимовичем состоялось летом 1962 г. в Москве у него на квартире. Передо мной стоял красивый

мужчина средних лет, среднего роста и плотного телосложения. Главное, что сразу привлекло мое внимание, были его глаза – удивительно живые и пронизательные, и то, что он постоянно улыбался. Еще до начала разговора он произвел на меня впечатление человека определенно талантливого, энергичного, жизнелюбивого, доброжелательного. Говорили мы тогда о многом. Борис Рувимович расспрашивал меня о работах по надежности в Каунасском НИИРИТ, где я тогда состоял в штате, и о моих собственных исследованиях в этой области. От него я тогда впервые услышал о «логической надежности» и ее отце-основателе Джоне фон Неймане. Впоследствии, занимаясь много лет этой тематикой, я удивлялся научной прозорливости Бориса Рувимовича, который, не занимаясь ею сам, сумел предсказать ее большое будущее. Он рассказывал также о своих работах по теории надежности и статистической радиотехнике. У него в это время благополучно завершилась эпопея утверждения в ВАКе его докторской диссертации, длившаяся целых два года, так что мне довелось тогда впервые узнать, что такое ВАК и что там иногда делается. В частности, объясняя свое долгое терпеливое ожидание ваковского решения, Борис Рувимович пояснил, что он знал, у какого «черного оппонента» находится в ВАКе его диссертация (это был выдающийся математик В. С. Пугачев), был уверен в его порядочности (он знал Пугачева еще со времен учебы в ВВИА, где тот преподавал) и потому не сомневался в положительном исходе дела. Лишь спустя много лет я понял, что весь наш тогдашний неконкретный разговор с Борисом Рувимовичем был затеян им с совершенно конкретной целью: незаметно проверить меня по критериям пригодности к научной работе и человеческой порядочности и на этой основе решить, можно ли иметь со мной дело. К счастью, это испытание мне удалось пройти.

Следующая наша встреча с Борисом Рувимовичем состоялась через полгода, в начале 1963 г., и опять у него на квартире. Мы обсуждали проблемы, возникшие в связи с освоением назначенного мне им «математического теорминимума». Я жаловался на трудности освоения и даже сдачи «теорминимума» (сотрудники кафедры спецкурсов математики КПИ в Каунасе, принимавшие экзамены по «теорминимуму», не знали некоторых входивших в него дисциплин!). Борис Рувимович убеждал меня, что через это необходимо пройти, чтобы успешно работать в науке. И он оказался прав: хотя большую часть освоенных математических премудростей я впоследствии непосредственно не применял в своей работе, приобретенные знания оказались очень полезны при чтении научной литературы, выработке и формулировке новых научных идей, а также при поиске других математических средств, которые уже непосредственно применялись в работе. В этот свой визит я познакомился поближе с семьей Бориса Рувимовича. Кроме его жены Брониславы Борисовны – его друга, полностью посвятившей себя мужу, в семье было двое детей: старшая дочь Елена, 1946 года рождения, и младший сын Роман 1957 года рождения. Борис Рувимович обожал свою семью, и в этом была еще одна сторона его многогранного таланта. Особенно обожал он сына, который был очень похож на него и лицом, и характером. Во время нашего

разговора с отцом мальчик каждые пять минут заглядывал в дверь и спрашивал: «Папа, ну когда же ты закончишь и будешь играть со мной?». И Борис Рувимович отвечал, любовно глядя на сына: «Скоро!». Мальчик довольный уходил, чтобы через пять минут заглянуть снова. Глядя ему вслед, Борис Рувимович с улыбкой сказал: «У нас между детьми большое Δt , поэтому, когда мы с Броней хотим пофорсить, мы выходим гулять с одним сыном и благодаря ему оказываемся молодыми родителями!». Впоследствии дети его закончили МЭИС, дочь стала научным сотрудником Радиотехнического института АН СССР, а сын – редактором журнала «Электросвязь», талантливым журналистом и менеджером.

Последующие наши встречи с Борисом Рувимовичем проходили регулярно, 2 раза в год – чаще я не мог приехать к нему в Москву из Каунаса, где я тогда жил и работал. Из-за его перегрузки по службе он мог назначать мне для встречи только выходные дни. Однако именно в эти дни его домашние, заботясь о его здоровье, запрещали ему умственно работать. И Борис Рувимович нашел решение проблемы, устроившее всех: дома он говорил, что идет гулять, мы с ним встречались в сквере за Политехническим музеем, около памятника защитникам Плевны, и действительно гуляли и сидели на скамейках, одновременно обсуждая мои аспирантские и разные интересовавшие нас дела. При этом он никогда не ограничивал время нашего общения и стремился ответить на все мои вопросы и высказаться сам по всем темам, которые считал в данный момент важными.

Борис Рувимович всегда был ко мне очень доброжелателен, радовался моим успехам и стремился лично помочь не только советами, но и делом. Так, уже летом 1964 г., когда, находясь в Москве, я сообщил ему по телефону, что моя статья впервые принята в «большой» журнал «Известия АН СССР. Техническая кибернетика», только нужно в нескольких местах поправить текст и вернуть в редакцию, он велел подъехать к нему домой и тут же собственноручно на машинке сделал нужные исправления, чтобы статья была скорее опубликована. Большую поддержку Борис Рувимович оказал мне в апреле 1966 года, приехав из Москвы в Ригу на защиту моей кандидатской диссертации вместе с «группой поддержки» из его аспирантов и молодых кандидатов наук и выступив соответствующим образом на заседании диссертационного совета по физико-техническим наукам АН Латвии, где проходила защита. Уже после защиты, на банкете, поздравив меня и маму с успехом, он выразил сожаление, что его заранее не предупредили о присутствующем на защите московском профессоре Л. И. Розоноэре, и он не смог в своем выступлении заранее парировать критическое замечание Л. И. по моей диссертации (не ставящее, впрочем, под сомнение всю работу), прозвучавшее уже в конце заседания, во время дискуссии. Тут надо сказать, что Борис Рувимович всегда был хорошо информирован не только о научных делах в своей и смежных областях, но и в «околонаучной» возне; в частности, в данном случае он точно знал, что, присутствуя на моей защите, Розоноэр непременно выступит с замечанием!

Особенно большую роль сыграл Борис Рувимович в подготовке и защите

моей докторской диссертации в 1970–1971 гг., хотя официально он не был научным консультантом по ней. Вначале, весной 1970 года, он одобрил составленный мной план диссертации, дал «добро» на работу в целом, подчеркнув, что рад моей активности (с момента утверждения кандидатской диссертации не прошло и 4 лет!). Его моральная поддержка помогла мне, и через семь месяцев, в декабре того же 1970 г., работа объемом в 650 страниц была написана и оформлена. А затем начались некоторые трудности с ее прохождением через Объединенный ученый совет по физико-техническим наукам АН Латвийской ССР (Рига), где намечалась защита. Сначала из ведущей организации, выбранной Б. Р. Левиным и предложенной Совету (НИИ автоматической аппаратуры, Москва), пришел отзыв на диссертацию, подготовленный каким-то зав. лабораторией, с которым об отзыве никто не договаривался и который (и это главное!) не хотел разбираться в работе. Этот отзыв был «никакой» – ни положительный, ни отрицательный. Воспользовавшись этим, руководство ученого совета, которое было настроено враждебно ко мне, произвольно и не ставя меня в известность, отправило диссертацию на отзыв в иную ведущую организацию, которую оно выбрало самостоятельно и с которой заранее никто не договаривался – Институт кибернетики АН УССР в Киеве. Расчет, очевидно, был на то, что в Украине диссертацию с моей фамилией наверняка зарубят. И вот здесь проявились лучшие качества Бориса Рувимовича как человека и организатора. Сначала он разобрался со специалистом из НИИ АА И. А. Ушаковым, с которым была договоренность о подготовке отзыва ведущей организации; оказалось, что он находился в отпуске, потому прибывшая диссертация была «отфутболена» для отзыва случайному человеку. Специалист извинился и через месяц подготовленный им квалифицированный отзыв на диссертацию с положительным заключением поступил в совет по защитах в Риге. Что же касается Института кибернетики в Киеве, то за несколько месяцев до отправки туда на отзыв моей диссертации во главе соответствующего отдела встал выдающийся ученый И. Н. Коваленко, продолжительное время контактировавший с Борисом Рувимовичем и вдобавок хорошо знавший и высоко оценивавший мои работы, в частности, оппонируя в 1966 году мою кандидатскую диссертацию. Борис Рувимович по телефону сообщил ему о отсылке моей докторской диссертации в Институт Кибернетики и объяснил сложившуюся общую ситуацию с защитой. И через 3–4 недели в Совет по защитах в Риге поступил еще один отзыв ведущей организации – Института кибернетики АН Украины, составленный указанным ученым и утвержденный директором Института академиком Глушковым. Отзыв был блестящий, без единого замечания. Но вскоре возникла еще одна проблема – заболел и отказался приехать на защиту один из оппонентов – известный профессор из Казани Р. Г. Бухараев, но он прислал положительный отзыв на диссертацию. Его пришлось заменить профессором из Риги, известным ученым Х. Б. Кордонским (по согласованию с Борисом Рувимовичем). В результате 20 октября 1971 г. я вышел на защиту с 7 обязательными отзывами (4 отзыва от оппонентов и 3 отзыва от 2 ведущих организаций) вместо положенных 4

отзывов (3 отзыва оппонентов и 1 отзыв ведущей организации) и вдобавок почти с 30 отзывами на автореферат, адреса многих из которых были указаны мне Б. Р. Левиным. Несмотря на рекордное число положительных отзывов, Борис Рувимович беспокоился и просил держать его в курсе дела. Немедленно после защиты я сообщил ему результат: 11 – за, 2 – против, и только после этого он успокоился и поздравил меня, сказав, что счет идеальный: абсолютное большинство – за, но была дискуссия, о чем свидетельствуют 2 против.

За почти 30 лет нашего знакомства и общения Борис Рувимович сыграл большую роль в моем профессиональном и духовном развитии как ученого и человека. Именно от него я впервые узнал, что главное – не занимаемая должность, а качество работы в этой должности, или, как он выражался на своем профессиональном жаргоне, «уровень отделения полезного сигнала от помехи». От него же мне стало известно, что бывают «не шибко грамотные» академики – некоторых из них он лично хорошо знал по совместной учебе в МГУ и ВВИА и, дабы не быть голословным, называл пофамильно. При этом он не завидовал им и вообще никогда не завидовал людям, добившимся более высокого, чем он, положения, оценивая работников науки только по «гамбургскому счету». Но он не был дон Кихотом и не отказывался от использования власти имущих (тех же академиков) для пользы дела. Сам он мог работать в любых условиях, хотя предпочитал делать это дома, где преданная жена и друг Бронислава Борисовна создала ему условия, близкие к идеальным. Свою работу он понимал как долг и часто любил повторять: «Я солдат!» И своих многочисленных учеников, включая и меня, он приучал к обязательности, добросовестности, систематичности и строгому распорядку в труде, чтобы успеть все.

Даже окончательно «оперившись», будучи уже доктором наук и заведующим кафедрой, я не порывал связи с Борисом Рувимовичем, по его просьбе регулярно посылал ему свои новые книги. Он живо интересовался моими новыми результатами, условиями работы на новом месте (в это время – 1975 год – я сменил академический институт в Риге на университет в Пензе) и многим другим. В частности, узнав, что за книги издательство не платит мне как автору ни копейки, он горячо воскликнул: «Это возмутительный грабеж!».

В апреле далекого 1966 года, прощаясь со мной на вокзале в Риге, куда он приезжал на защиту моей кандидатской диссертации, Б. Р. Левин, улыбаясь, сказал: «Ну, еще один аспирант вычеркнут из списка должников. Но не из сердца!». А в 1989 году, незадолго до смерти, он подарил мне свою последнюю книгу с надписью: «Виталию Левиному – однофамильцу, достойной смене, первенцу-доктору с пожеланием успешного выделения полезного сигнала из помех!». Таким мне навсегда и запомнился этот замечательный человек и ученый, мой учитель.

6. Список основных работ Б. Р. Левина

1. Левин Б. Р. Теоретические основы статистической радиотехники. 1-е издание. – М.: Советское радио. Кн. 1 (1969), Кн. 2 (1970).
2. Левин Б. Р. Теоретические основы статистической радиотехники. 2-е

издание. – М.: Радио и связь. Кн. 1 (1974), Кн. 2 (1975), Кн. 3 (1976).

3. Левин Б. Р. Теоретические основы статистической радиотехники. 3-е издание. – М.: Радио и связь, 1989.

4. Левин Б. Р. Двигатели со свободно движущимися поршнями. – М.: Машгиз, 1954. (совместно с В. К. Кошкиным).

5. Левин Б. Р. Двигатели со свободно движущимися поршнями в теплосиловых установках. – М.: Машгиз, 1957 (совместно с Б. П. Борисовым, В. К. Кошкиным и И. Н. Кутыргиным).

6. Левин Б. Р. Теория случайных процессов и ее применение в радиотехнике. – М.: Советское радио, 1957 (1-е издание), 1960 (2-е издание).

7. Левин Б. Р. Основы теории надежности радиотехнических систем (математические основы). – М.: Советское радио, 1978.

8. Левин Б. Р. Вероятностные модели и методы в системах связи и управления. – М.: Радио и связь, 1985 (совместно с В. Шварцем).

9. Левин Б. Р. Математические основы современной радиоэлектроники. – М.: Советское радио, 1968 (совместно с И. А. Большаковым, Л. О. Гуткиным и Р. Л. Стратоновичем).

10. Левин Б. Р. (ред.) Статистическая теория связи и ее практическое применение. – М.: Радио и связь, 1979.

Заключение

Б. Р. Левин оставил после себя богатое наследие: основополагающие научные результаты в области теории надежности радиоэлектронных систем и статистической радиотехники; замечательные книги в указанных областях, по которым учатся и работают уже несколько поколений радиоинженеров; десятки учеников – докторов и кандидатов наук, продолжающих его дело. Но самым большим его достижением была высокая нравственная эстафета, которую он передал последующим поколениям ученых-радиоэлектронщиков. Ибо, как говорил А. Эйнштейн, нравственные достижения крупного ученого важнее его чисто интеллектуальных достижений. Для многих учеников Бориса Рувимовича его уход из жизни означал потерю духовно близкого человека, старшего товарища, научного отца. И сегодня, когда люди такого профессионального и нравственного уровня, каким обладал Б. Р. Левин, встречаются довольно редко, величие совершенного этим человеком становится особенно очевидным и впечатляющим.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения»**

Институт философии НАН Беларуси

**Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(Технический университет)**

**Сетевой журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном
обществе»**

20–22 ноября 2020 года

ВОСЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

ПЕРВОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

20–22 ноября 2020 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения совместно с Институтом философии НАН Беларуси, Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом (Техническим университетом) и сетевым журналом «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» проводит **Восьмую международную научно-практическую конференцию «Философия и культура информационного общества»**. Задача конференции – изучение опыта исследования современного общества, философских, культурологических, социологических, политологических и психологических аспектов теории постиндустриального (информационного) общества, её оценка с позиций философского материализма. Предполагается затронуть широкий круг проблем:

- новый взгляд на фундаментальные проблемы философии – концепции материи (бытия), развития и человека – в эпоху информационного общества;
- роль историко-философских и историко-культурных традиций в решении проблем современного общества;
- развитие философии в России и в Китае: традиции и взаимодействие;
- русская философия и проблемы информационного общества;
- политика и геополитика в информационном обществе;

- компьютерная техника, информационные технологии, кибернетическая картина мира и их влияние на общественное развитие;
- изменения в культуре и искусстве информационного общества;
- современные проблемы развития науки и образования.
- творчество в условиях информационного общества;
- человеческое творчество и эвристики искусственного интеллекта.

Планируются пленарное заседание, круглый стол, а также работа следующих секций (список секций может быть изменён и дополнен в соответствии с предложениями участников конференции):

1. Философия в информационном обществе (руководитель – доктор философских наук, профессор Орлов С. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

2. Русская и китайская философия: общие традиции и различия (руководитель – доктор экономических наук, профессор Лосев К. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

3. Эстезис и логос в горизонте современности (руководитель – кандидат философских наук, доцент Зайцев И. Н., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

4. Политика и геополитика эпохи информационного общества (руководитель – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор Исаев Б. А., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

5. Междисциплинарные исследования культуры в эпоху информационного общества (руководители – доктор исторических наук, профессор Смирнова Т. М., кандидат культурологии, доцент Выжлецова Н. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

6. Наука и русская философия: человек, информация, космос (руководители – доктор философских наук, доцент Коробкова С. Н., кандидат философских наук, доцент Коломийцев С. Ю., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

7. Современное образование: философия, психология, педагогика (руководитель – кандидат педагогических наук, доцент Дмитренко Н. А., директор учебно-лингвистического центра Университета ИТМО).

8. Информационные технологии в современном обучении в вузе: позитивное и негативное (руководитель – кандидат философских наук, доцент Быданов В. Е., заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технического университета)).

Предполагается издание сборника тезисов докладов и выступлений и размещение его в системе РИНЦ. Тезисы должны кратко выражать основные идеи доклада. Правила оформления тезисов:

– объём – до 10 000 знаков с учётом пробелов, заглавия, аннотации, информации об авторе и пр.;

– желательно применять следующее форматирование: шрифт – Arial, размер – 8 (заголовки – 10, буквы заглавные), формат листа – А5, боковые поля – 1,7 см, верхнее поле – 1,5 см, нижнее поле – 2 см, красная строка в основном тексте – 0,5 см, информация перед текстом – без красной строки, выравнивание основного текста по ширине, включена расстановка переносов, интервал – обычный, смещение – нет, отступы от полей – 0 см, междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт, междустрочный интервал – одинарный;

– между сокращениями, инициалами, после цифр в библиографическом списке и т. п. ставится неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел);

– в случае наличия рисунков они должны быть присланы отдельными файлами в формате *.ai (Adobe Illustrator);

– в библиографическом списке для каждого источника (кроме электронного), должны быть указаны полные данные: город, издательство, год, общее число страниц;

– ссылки в тексте даются в квадратных скобках, для цитат должен быть указан номер страницы (см. пример);

– имя файла должно начинаться с фамилии и инициалов автора;

– статья должна быть оформлена аккуратно и написана грамотным языком.

Пример оформления тезисов и библиографического списка:

Иванов Пётр Петрович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: ivanov@rambler.ru

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Аннотация. Попытки теоретически осмыслить информационное общество постоянно наталкиваются на необходимость решения новых фундаментальных философских проблем, порожденных этой эпохой.

Ключевые слова: информационное общество, труд.

Ivanov Petr Petrovich

Doctor of Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE PHILOSOPHY OF INFORMATION SOCIETY AS A RESEARCH PROJECT

Abstract. The attempts to understand information society always result in some new philosophical problems, the modern stage of civilization development causes.

Keywords: Information society, labour.

Вопрос об изменениях природы человеческого труда в информационную эпоху остаётся спорным [см.: 1]. Компьютерный труд пытаются охарактеризовать как современную форму всеобщего труда, возникновение которого было замечено еще К. Марксом [см.: 2]. Тем не менее вопрос о природе труда в информационную эпоху ещё далек от своего решения, а его «...проявления творческого потенциала человека чрезвычайно разнообразны» [3, с. 19].

Библиографический список

1. Басалаева О. Г. К вопросу об антропологическом будущем НБИКС-общества // Информационное общество. – 2018. – № 1. – С. 19–24.

2. Васильева Т. С. Философия экономики: монография. – Пермь. – 2013. – 268 с.

3. Вольфрам С. Распутывая историю Ады Лавлейс. URL: <https://habr.com/ru/company/wolfram/blog/303552/> (дата обращения: 10.10.2019).

Заявки на участие в конференции и тезисы выступлений просим высылать до **10 октября 2020 г.** одновременно на две электронные почты:
orlov5508 @ rambler.ru – Орлову Сергею Владимировичу,
kolomiytsev @ yandex.ru – Коломийцеву Сергею Юрьевичу.

Форма заявки в оргкомитет научно-практической конференции.

- 1) Название доклада
- 2) Фамилия, имя, отчество.
- 3) Учёная степень и ученое звание.
- 4) Место работы и должность.
- 5) Электронный адрес и контактный телефон.
- 6) Требуется ли место в общежитии на время проведения конференции?
- 7) Требуется ли официальное приглашение?
- 8) Требуется ли сертификат участника?

Статьи, подготовленные на основе материалов конференции, могут быть размещены до или после её проведения в сетевом журнале «**Философия и гуманитарные науки в информационном обществе**» (входит в РИНЦ, доменное имя сайта в интернете: www.fikio.ru, адрес для переписки: orlov5508 @ rambler.ru), главным редактором которого является заместитель председателя оргкомитета конференции С. В. Орлов. Правила оформления статей указаны на сайте журнала: http://fikio.ru/?page_id=85.

Приглашения на конференцию будут высланы её участникам электронной почтой до **30 октября 2020 г.** Для иногородних участников дата заезда – **19 ноября 2020 г.** Всем иногородним участникам при необходимости могут быть предоставлены гостевые места в студенческих общежитиях ГУАП или в хостеле. Также можем рекомендовать проживание в гостинице «Россия», которая находится недалеко от места проведения конференции (в этом случае бронирование номера производится участником самостоятельно).

Контактные данные:

Орлов Сергей Владимирович, +7-921-390-31-82, orlov5508 @ rambler.ru;
Коломийцев Сергей Юрьевич, +7-911-158-47-55, kolomiytsev @ yandex.ru.

С уважением,

заместитель председателя оргкомитета, декан гуманитарного факультета,
доктор экономических наук, профессор Лосев Константин Викторович,

заместитель председателя оргкомитета, профессор кафедры истории и философии ГУАП, доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович,

учёный секретарь оргкомитета, кандидат философских наук, доцент
кафедры истории и философии ГУАП Коломийцев Сергей Юрьевич.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации рекомендуем воспользоваться сайтом <https://translit.ru>: в поле «мой транслит» в окошке в верхнем правом углу ввести номер настроек 45848 и нажать кнопку «Войти» (при переходе по приведённой гиперссылке данные настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними

ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

Email: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

Email: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагелло, д. 15,
тел.: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, PhD (philosophy).

Email: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

Email: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,

tel.: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...



Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru



Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».



© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2019.